

In
SCANDAL
THEY WED

USA TODAY
BESTSELLING AUTHOR

Sophie Jordan

"SOPHIE JORDAN IS ONE OF A KIND."
Samantha James, *New York Times* Bestselling Author

Что это за женщина выходит замуж за мужчину, с которым только что познакомилась? Женщина, которой нечего терять. Уже давно Эвелина Кросс пожертвовала своим добрым именем, свободой и любой надеждой на любовь. Сейчас, в далекой английской провинции, она изо всех сил пытается пережить и избежать скандала, грозившего разрушить все, что было ей дорого... пока на ее пороге не появился греховно красивый виконт и не предложил ей спасительный брак, искушая при этом гораздо большим... Что это за мужчина женится на женщине, с которой только что познакомился? Мужчина, связанный долгом. Спенсер Локхарт возвращается с войны домой, чтобы заявить права на свой титул и исправить вопиющую несправедливость, которую сотворил его кузен по отношению к Эвелине Кросс. Учитывая то, что ему нужна жена, брак с ней — меньшее, что он может сделать для нее из чувства долга. Но встретив ее, меньше всего он ожидал увидеть вместо скомпрометированной леди пламенную девчонку. Обжигающая страсть искрами вспыхивает между ними, и последнее, о чем он думает — это долг и честь. Что это за мужчина и женщина, которые женятся, едва познакомившись? Люди, которые могут разжечь скандал одним только прикосновением.

Софи Джордан

Скандальный брак

Куратор: Anastar

Переводчики: Anastar • KattyK • Natalia B

• Изабелла • basilevs • viktorina • kara-karina

• na • Oska • Kubla • mshush

Беты: Anastar • KattyK • barsa

Что это за женщина выходит замуж за мужчину, с которым только что познакомилась?

Женщина, которой нечего терять.

Уже давно Эвелина Кросс пожертвовала своим добрым именем, свободой и любой надеждой на любовь. Сейчас, в далекой английской провинции, она изо всех сил пытается пережить и избежать скандала, грозившего разрушить все, что было ей дорого... пока на ее пороге не появился греховно красивый виконт и не предложил ей спасительный брак, искушая при этом гораздо большим...

Что это за мужчина женится на женщине, с которой только что познакомился?

Мужчина, связанный долгом.

Спенсер Локхарт возвращается с войны домой, чтобы заявить права на свой титул и исправить вопиющую несправедливость, которую сотворил его кузен по отношению к Эвелине Кросс. Учитывая то, что ему нужна жена, брак с ней — меньшее, что он может сделать для нее из чувства долга. Но встретив ее, меньше всего он ожидал увидеть вместо скомпрометированной леди пламенную девчонку. Обжигающая страсть искрами вспыхивает между ними, и последнее, о чем он думает — это долг и честь.

Что это за мужчина и женщина, которые женятся, едва познакомившись?

Люди, которые могут разжечь скандал одним только прикосновением.

Каждая книга имеет свой собственный путь со своими радостями и страданиями. У меня есть несколько человек, которым я благодарна, за то, что они прошли со мной путь этой книги. Моему редактору, Мэй Чен, за то что понимала и видела так много на этих страницах... и могла показать это мне. Спасибо тебе! Море Кай-Казелле, такому агенту, после звонка которого всегда остается улыбка.

Несмотря на часы, которые я одна проводила за печатанием на клавиатуре, процесс сочинительства никогда не уединенный. Тем, кто держал меня за руку, проводил коллективное обсуждение и спас меня в той или иной форме через написание этой книги: Тера, Карли, Линдси, Вики, Кейт, Робин, Энн, Джейн и Джинни. Мне так повезло, что во все есть в моей жизни.

И моему замечательному мужу и детям, вы — моя жизнь, и жизнь каждой книги, которую я написала.

Посвящается Джейн Велборн:

Иногда вы встречаете человека и сразу же узнаете его.

Ты была частичкой моего сердца еще до того, как мы встретились.

Лондон, 1850 г.

К счастью ли, к горю ли, но крики наконец прекратились.

Эви смотрела на бледную, дрожащую от перенесенного изнурительного испытания девушку, в изнеможении откинувшуюся на кровати. Самая мучительная и сильная боль уже оставила ее, но теперь настал момент, которого Эви с ужасом ожидала все эти месяцы.

Стояла жуткая тишина — такая всепоглощающая, какая бывает только посреди большого шторма, как раз перед тем, как затихшая на мгновение природа вновь в полной ярости напомнит о себе.

Эви дрожала, ее руки покрылись гусиной кожей. Она вспомнила, как по пути из Барбадоса домой корабль попал в шторм, но внезапно наступило такое же затишье, и она было подумала, что все уже позади. Она ошибалась тогда. И теперь Эви была не настолько глупа, чтобы думать, что их семейная буря миновала — она только начиналась.

Присев на край кровати, акушерка принялась за работу, растирая большими грубыми ладонями маленький сверток, который она держала.

— Это... — Линни напряглась и потянулась к акушерке, пытаясь хоть мельком увидеть своего ребенка.

И тут кроха издала сильный здоровый крик. Под этот великолепный звук Эви наконец смогла дышать спокойно, впервые с тех пор, как ее сводная сестра приступила к выполнению весьма трудной задачи — произвести на свет незаконнорожденного ребенка — неужели это было только вчера? В сущности, для Эви это был первый нормальный вдох с тех пор, как ее уволили, и она вернулась домой, чтобы узнать, что ее сестра скомпрометирована.

Эви сжала тонкие пальчики Линни, надеясь передать хрупкой сестре хоть немного своей силы.

Ведь самое худшее все еще было впереди.

— Ты молодец, — быстрым поцелуем она прижалась к влажной от пота брови Линни.

Повернувшись к акушерке, Эви увидела, что та изо всех сил пытается поднять свое грузное тело с кровати. Крепко схватив женщину за руку, Эви помогла ей подняться на ноги, вздрогнув от внезапной режущей боли в боку. Резко втянув в себя воздух, она боролась с неприятными ощущениями, хотя несравнимо большие усилия ей потребовались, чтобы забыть о том, как она получила эти травмы. Несмотря на то, что прошло уже шесть месяцев после злобного нападения ее работодателя, за которым последовало незамедлительное увольнение, эти воспоминания все еще причиняли ей душевную боль. Были сломаны лишь ребра, но ее душа пострадала не меньше; и тому, и другому требовалось время, чтобы излечиться.

Эви отогнала было от себя грустные мысли, но тут же похолодела от ужаса, увидев, как акушерка вручила хныкающий сверток ожидавшей ее мачехе. Весь облик Джорджины, одетой в розовое дневное платье с желтой отделкой, подчеркивал убогость жалкой обстановки мебелированной комнаты.

— Итак, она поправится? Мне нужно, чтобы она встала на ноги как можно скорее. — Напряженное выражение лица Джорджины свидетельствовало о том, что та не смягчилась и не изменила свое мнение.

Акушерка указала головой в сторону Линни.

— Роды отняли у девочки много сил, она маленькая, а ребенок крупный.

Джорджина отмахнулась, даже не взглянув на своего внука.

— Лучше бы ей поскорее выздороветь. У нас на нее планы.

Конечно, Эви была в курсе планов мачехи. С того дня, когда родилась Линни, она слышала об этом достаточно. Еще ребенком она поняла, что мачеха возложила все надежды и мечты на свою дочь. Красота и изящество Линни подняли бы их от уровня незнатных дворян до привилегированных слоев высшего общества. Само собой разумеется, так же, как планы Джорджины не распространялись на Эви, они не включали в себя и обесчещенную дочь. Или незаконнорожденного внука.

— Делайте все, что сочтете необходимым, — мачеха извлекла набитый монетами кошелек из складок юбки. — Теперь можете уйти.

Нахмурившись, акушерка мрачно посмотрела на Эви.

— Вы мне кажетесь более разумной. Пошлите за мной, если кровотечение не...

— Мы уже выслушали ваши рекомендации, — прервала акушерку Джорджина. — Теперь уходите.

Пренебрежительно фыркнув, акушерка собрала свои вещи и открыла дверь спальни. Снаружи, в холле, стоял отец. Когда акушерка вышла, он ступил внутрь.

— Ну что, мы уже закончили с этим?

Как будто роды — это не больше, чем выполнение грязной работы по дому.

— Иди сюда, Генри, — Джорджина пихнула младенца ему в руки и слегка отряхнула юбки, словно, подержав внука, она каким-то образом испортила свой наряд. — Забери его. Надеюсь, ты помнишь адрес.

Ослабев, Линни откинулась на кровати и неразборчиво прошептала:

— У меня есть сын.

— Это не имеет никакого значения, — отрезала ее мать, вновь пристально посмотрев на мужа. — Генри, избавься от этого.

Этого. Вкус горечи наполнил рот Эви.

— Отдай его в детский приют, и, ради Бога, сделай это так, чтобы никто тебя при этом не увидел.

— Нет, — возразила Линни и, оперевшись на локти, попыталась приподняться на кровати. — Я хочу подержать...

— Замолчи! — лицо Джорджины от гнева пошло пятнами. — Мы уже решили, что будем делать. Я не допущу, чтобы ты окончательно разрушила свое будущее, Линни! Ты поняла меня?

Линни упала обратно на кровать, тихие рыдания сотрясали ее тело.

Сердце Эви тяжело билось в груди в отчаянном ритме, когда отец повернулся к двери. Ее руки сжались в кулаки, ногти впились в ладони. Это было неправильно. Она думала о Пенвике — обо всех одиноких, забытых детях. О промозглых студеных зимах. О еде, которой всегда не хватало... И эти дети даже не были сиротами, просто они были никому не нужны. Что ребенку Линни придется вытерпеть в детском приюте? Неизвестно даже, выживет ли он?

Бросившись вперед, она схватила отца за рукав.

— Папа, пожалуйста. *Не делай этого.*

Эви умоляла его теми же словами раньше, но о другом. Когда он отсылал ее в Пенвич.

Тогда они не поколебали его.

Отец застыл. Она знала, что он ненавидел, когда его втягивали в семейные дела. Он проводил все дни за картами и выпивкой, скрывшись от своей семьи и оставив жену наедине с возникающими трудностями и проблемами. Именно так Эви оказалась в Пенвиче в возрасте двенадцати лет.

— Посмотри на него, — умоляла Эви. — Он — твой внук.

Его взгляд смягчился.

— Генри, — предупредила Джорджина ядовитым тоном. — Даже не думай.

Эви с надеждой наблюдала, как изменилось выражение его лица, оно посветлело и стало более расслабленным.

— Мы не можем сделать этого! — прошипела Джорджина. — Мы будем опозорены! Не только Линни, а все мы. Не состоящая в браке женщина, родившая ребенка, все равно что шлюха...

— А что, если его мать состояла в браке, — быстро вставила Эви, прежде чем отец смог переметнуться снова на сторону жены.

— Как это возможно? — возразила Джорджина. — Глупая девчонка, да ведь каждый знает, что Линни никогда не была замужем...

— А я, — выпалила Эви, прижимая руку к сердцу. — Что, если это буду я?

— Да! — Линни опять приподнялась на кровати. — Эви только возвратилась из Барбадоса. Никто не знает, что она была вынуждена отправиться домой после того, как тот ужасный человек напал на нее. Она может сказать, что встретила там кого-то, они поженились, и после его смерти она вернулась пожить со своей семьей.

— Абсурд. Кто поверит в подобные рассказы? — Джорджина в раздражении скрестила руки на груди. — И зачем нам втягивать себя в такие неприятности, когда можно просто подкинуть ребенка в...

— Потому что он — наш внук, — прервал мачеху отец таким твердым и решительным голосом, которого Эви никогда прежде не слышала.

Джорджина моргнула.

— Генри, что ты говоришь?

— Это может сработать. Эвелина может вырастить ребенка. Как вдова, — под ворчание ее мачехи отец вручил Эви шевелящийся сверток, прошептав на ухо:

— Помни, ты сама сделала свой выбор.

Эви кивнула, в ее горле образовался ком, когда она внимательно посмотрела на ребенка, на которого она только что заявила права.

На руках у нее ребенок упокоился. Казалось, что его ясные темные глаза отыскивали ее лицо, и замерли, вглядываясь в него со странной пронизательностью. Словно узнавая ее.

— Но это же просто глупо! Если правда когда-нибудь выйдет наружу, мы все будем изгнаны из высшего общества, мы станем персонами нон-грата... В особенности ты, Эвелина. Тебе все время придется быть настороже. Никто не должен даже заподозрить, что нам есть что скрывать!

Эви коснулась щеки ребенка кончиком пальца, спрашивая себя, ощущала ли она когда-либо что-нибудь настолько мягкое, настолько чистое и невинное.

— Я знаю, что делаю, — прошептала она. — Или, скорее, она надеялась, что знала.

Ради всех них, она надеялась.

Крым, 1854 г.

Направив своего жеребца вниз в долину, Спенсер Локхарт бросился в атаку, и, вырвавшись впереди своего полка, помчался навстречу опасности, туда, где он последний раз мельком видел своего кузена за мгновение до того, как его строй исчез в завесе дыма и огня от разрывов артиллерийских снарядов.

Когда он спрыгнул с коня, горло перехватил спазм, но вызвано это было вовсе не пушечным дымом, скопившимся в воздухе.

Едва Спенсер коснулся земли, как воздух позади него содрогнулся от прогремевшего взрыва. Он быстро пригнулся, игнорируя стену из комьев земли, осколков и камней, медленно опадавшую вокруг него. Артиллерийские снаряды градом сыпались с неба. Вдруг его жеребец пронзительно заржал и, сотрясаясь в конвульсиях, рухнул на землю. Глаза животного закатились от дикой боли.

Спенсер поднял пистолет и выстрелил ему прямо в голову. Он сдержал накатившую волну скорби, которая уже начала охватывать его. Сейчас не время. Позже будет достаточно времени горевать о жеребце, который прошел с ним вместе через многие испытания за последние годы. Времени будет даже больше, чем достаточно, если он выживет.

Стиснув зубы, он вглядывался в землю вокруг себя, усеянную убитыми и ранеными солдатами, трупами лошадей, пока не нашел Йена. Перепрыгнув через бездыханные тела, Спенсер опустился на землю около кузена, используя павшую лошадь как прикрытие, все время помня, что он, как и оставшаяся горстка его почти истребленной бригады [\[1\]](#), не что иное, как пушечное мясо для стрелков русской пехоты, перестрелявших их как куропаток.

— Йен! — он осторожно приподнял кузена, просунув под него руку.

Тусклый взгляд кузена остановился на лице Спенсера. Йен приоткрыл было рот, чтобы что-то сказать, но вместо этого у него вырвался лишь кашель. Из его рта веером вырвались яркие брызги крови. Когда он наконец заговорил, его горло издало ужасный булькающий звук.

— Спенсер! Найди ее... Найди моего ребенка. Сделай все как надо, женись на ней.

Он говорил так, будто покидал этот бранный мир.

— Заткнись! — выдавил Спенсер, эмоции сдавили ему горло. Он инстинктивно пригнул голову, услышав характерный резкий свистящий звук. Еще одно пушечное ядро упало поблизости, взметнув в воздух фонтан из комков земли, осколков и пыли.

Когда он поднял голову, кровь залила ему один глаз, лоб саднило. Спенсер вытер лицо и подтащил кузена к себе вплотную.

— Мы выберемся отсюда, — его пальцы сжали плечо Йена. — Ты поедешь домой. — Тут он добавил другую ложь, еле выдавив из себя: — Линни ждет тебя, ты поедешь домой и женишься на ней.

От эмоций стало трудно глотать и даже дышать. Ничто не было так далеко от истины, но он должен был сказать именно это — как раз то, что... дало бы Йену хоть какую-то надежду. Заставило бы его цепляться за жизнь.

— Ты так думаешь?

— Конечно. Она любит тебя.

Йен отчаянно замотал головой из стороны в сторону.

— Я бросил ее. Я точно такой же, как Каллен или Фредерик. Я не заслуживаю ее. Я должен был жениться на ней... должен был дать ребенку свое имя.

— Ты не мог...

Йен с удивительной силой схватил руку Спенсера и притянул к груди.

Прищурившись от дыма и гари, Спенсер пристально взгляделся в лицо кузена.

— Найди ее, — хрипло выдохнул Йен. — И моего ребенка. Присмотри за ними, Спенсер. Защити их.

Спенсер кивнул.

Йен продолжил, его голос окреп.

— Дай мне слово, Спенсер.

— Оно твое. — Взглянув вниз, под их сплетенными руками, он увидел неуклонно растекающееся по груди кузена пятно крови, которой было уже так много, что оно казалось почти черным.

Пора было посмотреть правде в лицо. Казалось неправильным притворяться дальше. Йену осталось недолго жить на этом свете.

Спенсер стиснул их сплетенные руки.

— Я буду относиться к твоему ребенку как к своему. Клянусь тебе.

Йен откинулся назад на землю, обретя умиротворение в словах Спенсера. Не было никакого смысла напоминать ему, что все его письма Линни до единого остались без ответа. И что она вне всякого сомнения давно отказалась от Йена.

— Хорошо. Очень хорошо, — взгляд Йена все дальше устремлялся в пространство, словно он видел что-то через висевшую в воздухе мутную пелену дыма, гари и копоти.

— Скажи Линни, что я любил ее. Что умер с ее именем на устах.

Спенсер почувствовал прикосновение к руке чего-то мягкого. Кинув взгляд вниз, он увидел, что Йен вложил лоскут ткани в его сжатую в кулак кисть. Это был носовой платок с вышитыми на нем инициалами Э.К., который кузен всегда носил с собой.

Скомкав платок в руке, он мгновение изучал его, затем перевел взгляд на лицо Йена, чтобы посмотреть в глаза такого же оттенка зеленого, как его собственные, только уже остекленевшие, потому что жизнь покинула их.

— Йен! — прошептал Спенсер, повторяя имя кузена снова и снова, когда боль с новой силой накатывала на него. Затем он закричал, все громче и громче, пока звук его голоса не затерялся в грохочущем и ревушем шуме сражения.

Йоркшир, Англия, 1855 г.

Резко поднявшийся ветер всколыхнул ледяной воздух.

Эвелина села и выпрямила спину и убрала рукой в грязной перчатке упавшую на лицо золотисто-коричневую прядь. Повернув голову, она ждала. Слушала. Не могла понять, что случилось, но что-то точно изменилось. Она знала это, чувствовала в холодных порывах ветра, хлеставших ее по лицу. Почти как в ту ночь на Барбадосе, когда она пробудилась в темноте... уже не одна. Та ночь изменила для нее все. Привела к этому положению.

Задрожав, девушка отбросила воспоминания и вернулась к работе, решительно настроенная выкопать пастернаки ^[2] и турнепсы ^[3], прежде чем они погибнут от снега, который уже начал падать.

Все в Литл-Биллингс согласятся, что это самая холодная зима на их памяти, но Эви поклялась не потерять своих овощей, из последних сил борющихся с холодом. Она уже выкопала капусту — та была маленькая и жалкая, как и другие овощи, которые она одно за другим вытягивала из земли.

Но, даже работая в огороде, она не могла полностью забыть о беспокойстве, зародившемся в ней. Сев на пятки, девушка опустила руки на запачканный передник и медленно огляделась, раздраженно повернув голову сначала вправо, потом влево.

Двоюродная бабушка Гертруда на коленях стояла в другом конце огорода, яростно размахивая тонкими, как жерди, руками, пытаясь отогнать наглых черных птиц, шнырявших по цветной капусте. В воздухе повисло отчаяние. Как и Эви, Гертруда решительно была настроена собрать этот скудный урожай прежде, чем зима приведет к их смерти... и прежде, чем крылатые твари сожрут их единственную надежду на выживание.

— Чтоб вы сдохли, черти!

Эви сдержала улыбку. По виду не скажешь, но бабушка Герти могла съесть больше королевской армии. После смерти Линни — и, следовательно, прекращения их содержания — питаться они стали весьма скромно. Отец не мог ничем помочь. Щедрость зятя закончилась со смертью Линни. Эви не могла обвинять мужа своей единокровной сестры. Почему он должен помогать немногочисленным родственникам своей мертвой жены?

Неподалеку на одеяле Маргарит играла в кубики с Николасом. Эви наблюдала, как ее сын строил высокую башню, сосредоточенно прикусив губу, в сладком неведении о жестокости мира. Он остановился, чтобы насладится тихой похвалой Маргарит.

Вздыхнув, Эви стала вытягивать пастернаки, вновь чувствуя решимость накормить свою семью — своего ребенка. «Ребенка Линни», прошептал голосок в ее голове.

Наклонив голову, она замерла, когда на нее упала тень.

— Здесь джентльмен. Он ждет вас в гостиной.

У нее засосало под ложечкой. Слова только подтвердили ее предчувствие, убедили, что кое-что скрывалось в том холодном прикосновении бриза.

Ее пальцы ослабели, выпустив пастернак. Она наблюдала, как он покатился и остановился в грязи, затем напряженно посмотрела на экономку. Миссис Мэрдок, запыхавшись, прислонилась к потрескавшейся каменной стене, окружающей сад, прижав руку к своей внушительной груди, словно она пробежала всё это небольшое расстояние от

дома.

«Джентльмен». Вроде бы ничего страшного, но Эви хорошо знала, что ее убежище стоит на зыбкой почве.

Хотелось бы надеяться, что это не очередной сборщик платежей, требующий уплаты долгов.

Харбор, получивший имя после того, как жених бабушки покинул ее утром в день их свадьбы около пятидесяти лет тому назад, принадлежал бабушке Герти. Большая часть когда-то внушительного имения была распродана по частям за эти годы. Остался только дом и несколько акров земли.

Харбор и соседняя деревушка Литл-Биллингс совсем не походили на те места, которые мечтала посетить юная Эви, на те приключения, которые она хотела пережить. Но те мечты принадлежали другой девушке. Она пожертвовала ими ради Линни. И Николаса.

Она больше не была девушкой, верившей в мечты и загадывающей желание, увидев падающую звезду.

Опершись рукой на колено, она встала на ноги.

— Кто он?

Миссис Мэрдок покачала своей головой с проседью.

— Он совсем не похож на этих сборщиков. Сказал, что его зовут Локхарт. Спенсер Локхарт. Знаете его?

Эви покачала головой, нахмурившись.

— Никогда не слышала этого имени.

— Да, хм, он почему-то показался мне знакомым.

— У тебя посетитель? — приблизилась Маргарит, сжимая своей рукой пухлую ручку Николаса. — Может, доктор Шеффилд?

При упоминании деревенского доктора Эви покраснела.

— Нет.

Николас потянул Маргарит в сторону пруда, едва не сбив с ног.

— Идем, Мэгги.

— Через минуту, милый. Я разговариваю с твоей матерью.

— Идите, — Эви стянула с рук перчатки. — Я пойду посмотрю на нашего... гостя.

Маргарит внимательно посмотрела на нее. Подруга достаточно хорошо знала ее, чтобы понять, когда Эви что-то беспокоило. Они провели слишком много лет вместе в Пенвиче, в школе для добродетельных девочек, страдая от невыносимо холодных зим и жалкого рациона — терпели запугивания старших девочек, терпели мастера Брокхерста.

По какой-то причине перспектива столкнуться с незнакомым посетителем пугала Эви. Она молилась, чтобы миссис Мэрдок оказалась права, и он здесь не для сбора долгов. Но кем бы он ни был, у нее внутри всё переворачивалось при мысли об этой встрече.

— Пойду посмотрю. Возьми Николаса к пруду. Это твой последний день здесь. Отдыхай.

Когда она сказала это, у нее сдавило горло: она поняла, что Маргарит завтра уедет в Лондон, и они не увидятся еще год.

Отбросив в сторону мрачные мысли, она заставила себя обнадеживающе улыбнуться, в основном ради своей экономки и Маргарит. Не для себя. Это бесполезно. Ничто не могло избавить ее от беспокойного трепета.

Она решительно вошла в дом со стороны кухни. Миссис Мэрдок следовала за ней по

пятам, сжимая в руках свой передник. Эви обернулась, едва не столкнувшись с встревоженной экономкой.

— Нет необходимости сопровождать меня. Со мной все будет в порядке.

Румяное лицо миссис Мэрдок нахмурилось.

— Я позову мистера Мэрдока, нам может понадобится...

— Я уверена, что нет нужды беспокоить мистера Мэрдока и отрывать его от рыбалки. К тому же, то, что он может поймать, будет нам на ужин.

И прежде чем миссис Мэрдок успела снова запротестовать, Эви развернулась и вышла из кухни, перешагнув через две узкие ступеньки, направляясь на первый этаж ^[4]. Она тихо прошла по потертой узкой ковровой дорожке, ведущей к гостиной.

Снаружи свистел ветер, становясь всё сильнее. Она запоздало подумала о том, что надо было одеть Николаса потеплее для прогулки к пруду.

Но эта мысль исчезла, стоило ей войти в комнату.

Худощавый человек стоял к ней спиной, глядя в окно на давно заброшенные уголья перед домом. Миссис Мэрдок не забрала у него темное теплое пальто, и его элегантность лишь подчеркивала запущенность ее гостиной.

Несколько мгновений она наблюдала за ним — высоким и импозантным — в тишине, уставившись ему в спину. С руками, сложенными за спиной, он казался ей твердым, как скала. Пытаясь сглотнуть ком в горле, она предположила, что, скорее всего, он здесь, чтобы собрать долги.

Она зашла в комнату, готовясь к неприятной задаче умолять и торговаться с джентльменом. Может, ему будет нужна хорошая швея или прачка? Или он питает нежность к тощим пастернакам? Она сдержала смех в пересохшем горле.

Она сдвинулась с места, по пути задев юбкой подлокотник кресла, так что раздался шелест. Пол заскрипел под ногами.

Он быстро и плавно повернулся.

Она открыла рот, чтобы заговорить, но застыла. Их взгляды встретились, она словно окаменела и перестала дышать. Глядя на его прекрасное лицо, она знала. Она поняла. Предупреждение, которое она чувствовала в дыхании того ледяного ветра, обрело совершенный, внушающий ужас смысл.

Кровь прилила к ее голове. Внезапно почувствовав головокружение, девушка потянулась и ухватилась за спинку соседнего кресла, чтобы не упасть на колени. О Господи.

Глядя в его лицо, она почувствовала так, что словно через окно заглядывает в будущее, которое наступит лишь через несколько лет. Видя лицо, так похожее на другое личико, только начавшее формироваться.

Молчание затягивалось. Он не говорил, доказывая, подтверждая ее опасения. Ее желудок задрожал, взбунтовался.

Это был он — ее самый страшный кошмар осуществился. Он не мог быть никем иным.

Единственный страх, который она подсознательно чувствовала все эти годы, стал реальностью, хотя она убеждала себя, что это маловероятно, невозможно.

Отец ребенка ее сестры, ребенка Линни — ееребенка — стоял перед ней в ее гостиной.

Спенсер уставился на женщину, о которой Йен говорил до последнего вздоха, и почувствовал некую...тревогу. Неужели это Линни?

Он хорошо знал своего кузена, чувствовал, словно он сам себя похоронил рядом с Йеном несколько месяцев назад в Крыму.

Борясь за жизнь рядом со Спенсером, Йен говорил только о Линни Костгроув. Хотя он не получил от нее даже коротенького письма в ответ, чувства Йена не ослабевали. Спенсер никогда не понимал этого.

Сжав руки за спиной, Спенсер рассматривал эту представительницу слабого пола, женщину, совершенно очаровавшую Йена. Глядя в ее широко раскрытые глаза, он копался в своей памяти, вспоминая все, что он знал о любовнице Йена.

Возможно, что Йен никогда не упоминал цвет ее волос? Спенсер представлял себе длинные золотые локоны. Женщина средней привлекательности со светлыми прядями в каштановых волосах, с неаккуратными завитками, выбивавшимися из бесформенного узла на голове, не совпадала с образом, который он себе нарисовал.

Она не была ни высокой, ни низкой. Ее стройному телу не хватало выдающихся форм. Девушка перед ним напоминала ему турчанок, которых он видел в поле. Они тяжело трудились.

— Мадам, — он наклонил голову, приветствуя ее.

Она ничего не сказала в ответ. Ее нос и щеки покраснелись. На подбородке виднелась грязь. Она носила старомодный фартук поверх платья настолько отвратительного, что он гадал, зачем она вообще надевала что-то поверх него, чтобы его не запачкать. Безобразная коричневая шерсть, выглядывавшая из-под фартука, годилась только для того, чтобы сжечь ее.

У нее были поразительные глаза. Слегка раскосые, похожие на ясные, голубые озера, эти глаза холодно созерцали его, словно он был букашкой, которую нужно соскрести с подошв ее ботинок.

Неопрятное создание перед ним выглядело совершенно уверенной в себе женщиной, зрелой и смелой, окидывая его взглядом своих пронзительных голубых глаз. Йен восхвалял ее ангельскую улыбку и очаровательную застенчивость, но в ней не было ничего божественного.

Возможно, материнство изменило ее. Или замужество, напомнил внутренний голос. Ее отец поведал ему, что она была вдовой. Правда это, или выдумка, чтобы защитить ее от бесчестия. Он подозревал последнее. Все равно, он мгновенно что-то почувствовал к ней.

Потому что она принадлежит Йену... принадлежала, быстро поправился он. Наконец, он встретился с ней — призрачной женщиной, заполнявшей мир Йена и, таким образом, Спенсера. Его чувства были связаны только с этим. Ничего больше.

— Я могу помочь вам? — спросила она, поднимая подбородок.

Бедно одетая, но, тем не менее, встретившая его с безрассудной смелостью, светившейся в ее глазах, она напомнила ему женщин, следовавших за их армиями. Испуганные, измученные существа, покорные, и в то же время решительные, готовые сбросить свои юбки за полпенса и теплую кровать на ночь. Следовавшие за лагерем, готовые раздвинуть свои бедра ради гарантии пережить день.

Несмотря на свою злость на нее за то, что она не отвечала на письма Йена, то, что она напомнила ему тех жалких женщин, оставило неприятный вкус во рту. Несомненно, она пережила собственную битву.

— Сэр? — ее глаза наполнились голубым пламенем. — Кто вы?

Еще не готовый ответить, он пристально разглядывал ее, представляя ее без ее серого одеяния, как видел ее Йен — все гибкие линии и гладкую женскую плоть.

Откашлявшись, он попытался избавиться от внезапного напряжения. Конечно, ему нужна женщина. Он не утолял свою жажду неделями, скорбя по Йену и посвящая все свое время делам по продаже офицерского патента и возвращения домой.

Он вспомнил девушку-служанку в гостинице, где провел прошлую ночь — вспомнил приглашение в ее глазах. Он не должен был уезжать немедленно. Задержка на ночь не повредила бы. В конце концов, он не спешил в семейное поместье. Принять на себя обязанности. Войти в светское общество.

— Мисс Линни Косгроув? — уточнил он, слегка поклонившись, все еще изо всех сил пытаюсь совместить земное, соблазнительное создание перед ним с идеалом, который он возвел на пьедестал. И это было очень непросто.

Она кивнула, ее лицо было мертвенно-бледным, бескровным.

— Кросс, — прошептала она. — Теперь я миссис Кросс.

Все верно. Она заявила о вдовстве, чтобы спасти свою репутацию. Это уловка. Он был в этом уверен.

Кивнув, он выпрямился, став еще выше. Сосредоточив свой внимательный взгляд поверх ее головы, он произнес то сообщение, ради которого сюда приехал.

— С тяжелым сердцем я с прискорбием сообщая вам о смерти лейтенанта Йена Холкомба, — нервный тик возле глаза был единственным проявлением его эмоций.

Он продолжил, чувствуя боль, с которой он жил с тех пор, как похоронил кузена.

— Полагаю, вы были... знакомы.

Знакомая. Так теперь называется девушка, выносившая ублюдка его кузена. Если это правда. Он пока не выяснил этого. Ее отец не упомянул о ребенке, а он не был настолько наглым и безрассудным, чтобы спросить.

— Д-да, — она заикалась.

Он снова опустил взгляд на ее лицо. Ее холодная маска исчезла. Она выглядела так, словно сейчас упадет. Шагнув вперед, он поддержал ее за локоть. Прикоснувшись к ней, он почувствовал искру и нахмурился, не желая чувствовать ничего подобного.

Конечно, это не оставило ее равнодушной. Она задыхалась. Или, возможно, ее испугал его угрюмый вид. Одного его свирепого взгляда было достаточно, чтобы повергнуть обычного солдата в ужас.

Выругавшись про себя, он выпустил ее и двинулся к канапе. Последние пять лет его жизни прошли в служении Короне. Он забыл, как вести себя в светском обществе. Ему привили немного светского лоска, но на поле битвы это не понадобилось. Он едва мог вспомнить, когда последний раз стоял в гостинной леди.

Она со вздохом опустилась:

— Когда... как?

— Он погиб в битве при Балаклаве, — сказал Спенсер, выудив из кармана мешочек. Развязал его и достал грязный носовой платок. — Он хотел, чтобы это было у вас.

Она приняла его, проведя большим пальцем по Э.К., вышитым тусклой розовой ниткой

в уголке.

— Я помню его, — едва слышно прошептала она.

Он поморщился на кровь.

— Я пытался убрать это, — он пожал плечами. — Он всегда носил его с собой, — в его голосе прозвучало обвинение. — Он никогда не забывал вас.

Сжав обрывок ткани, ее глаза сфокусировались на нем.

— Неужели?

Он заморгал, увидев настоящую ярость в ее глазах. Его поразило, что Йен, расхваливая другие ее черты, не упоминал глаза. Он никогда раньше не видел такого ясного голубого цвета. Как раскаленное балтийское солнце.

— Если он был так дорог ему, тогда почему он не позаботился о том, чтобы написать мне?

Недоверие пронзило его, отрывая рану, появившуюся в его сердце от горя. Он ударил кулаком себя в бок.

— Вы должно быть шутите! Йен писал вам. Постоянно, — он тряхнул головой, прорывав: — Несомненно, вы решили жить дальше, забыли Йена, — он яростно кивнул. — Самое меньшее, что вы должны были сделать, — хотя бы написать письмо с объяснением. Он писал вам каждую неделю. До самой смерти, — говорил он так резко, как ножом полоснул. — Даже когда он не получал ни строчки, он продолжал писать.

Ее лицо покрылось пятнами гнева. Она закрыла глаза и тряхнула головой усталым движением.

— Ну конечно. Они... *сделали* это.

— Кто они? — потребовал он.

— Мои родители.

— Что сделали ваши родители...

— Не отдавали его письма мне, конечно. Они считали его худшим мерзавцем и желали порвать все мои связи с ним.

Его губы поджались в жесткую линию.

Она продолжила:

— Он слал корреспонденцию по адресу моих родителей, — от этого заявления она внезапно нахмурилась. — Как вы нашли меня?

— Я заходил к вашим родителям в Суррее. Они направили меня сюда, — его губы сжались. — Ваш отец всего минуту говорил со мной в своем кабинете, прежде чем сообщить, где вас искать. Кажется, он жаждал, чтобы я ушел.

Она прикусила нижнюю губу, пока она не стала глубокого соблазнительного розового цвета. Внезапное желание охватило его от этого безобидного жеста, он резко отвел взгляд и глубоко вздохнул, с трудом слушая ее бормотание.

— Да. Он чувствовал себя неудобно в вашем присутствии.

Он оглянулся на нее, наблюдая, как она дрожащими пальцами сворачивает носовой платок в крошечный квадратик.

— Я должен знать. Вы родили ребенка Йена?

Она отвела плечи назад. В глазах замерцал воинственный свет.

— Кажется, Йен много сказал вам. Как красиво с его стороны сплетничать с солдатами своего полка...

— Йен, — разразился он, его голос упал с резкого командного тона, которым он привык

пользоваться с солдатами, — был моим кузеном. Умирая, он просил позаботиться о его ребенке.

Она побледнела.

— Кузеном?

— Со стороны моей матери. Йен купил офицерский патент в моем полку, поэтому мы могли служить вместе, — он вскинул голову. — Он никогда не упоминал меня?

Она снова прикусила губу.

— М-м. Вроде бы нет.

Он, прищурившись, посмотрел на ее бледное лицо. Зная Йена, тот был очень занят, пытаясь залезть ей под юбки. Отбросив вольные мысли, он сосредоточился на единственной вещи, которая имела значение, одной вещи, из-за которой он появился в ее гостиной.

— Ребенок. Вы родили ребенка моего кузена?

— Да, — хриплые слова быстро потекли из нее. — В апреле Николасу будет четыре.

— И я так понимаю, что в действительности вы не вдова.

Она подняла подбородок, глаза засверкали так ярко, что заставили его напрячься.

— Что еще я должна была сделать? Мир жесток к шлюхам и ублюдкам.

Он вздрогнул.

— Вы не шлюха.

— Но все считали бы меня именно такой.

Он коротко кивнул.

— Я не осуждаю ваши действия.

Она вцепилась в маленький свернутый носовой платок и довольно безжалостно улыбнулась.

— Как любезно с вашей стороны одобрить мое решение.

Нахальная девчонка.

Они долго смотрели друг на друга. Воздух между ними накалился от странного напряжения. Он страстно желал стереть края этой неприкрытой насмешки на ее губах. И чем дольше он смотрел, тем сильнее чувствовал этот порыв... и жар в своей крови.

Глубоко вдохнув, он приказал себе опомниться и постарался охладить все места, где бушевал жар.

— Я хотел бы увидеть мальчика. Я уверен, вы понимаете, что у меня есть интерес...

— Нет.

— Я увижу его.

Она сделала глубокий вздох. Он смотрел, как поднялась ее грудь, и решил, что не всё ее тело было таким уж худым. Ее груди казались довольно пышными под этим ужасным, прямым платьем. Именно это он, в самом деле, одобрял.

Она яростно тряхнула головой.

— Я благодарна вам, что вы приехали сюда. Вы оказали мне честь, совершив такую дальнюю поездку, чтобы сообщить новости, но вы должны знать, что своим присутствием ставите меня в рискованное положение. Ставьте Николаса в рискованное положение. У вас с ним поразительное сходство. А последнее, в чем я сейчас нуждаюсь, это в предположениях о...

— Не волнуйтесь. У меня нет никакого желания ставить вас под удар. Но, как я сказал, мне нужен парень, и я не уеду, пока не увижу его.

Она облизала губы и стала постукивать пальцами по ручке кресла, размышляя над его

словами.

Он выжидающе выгнул бровь.

— Очень хорошо. Могу я хотя бы попросить вас нанести визит позже? Мне нужно время, чтобы соответствующим образом подготовить его.

— Подготовить его?

— Он будет задавать вопросы, когда я вас познакомлю. Я должна продумать, что говорить ему...

— Почему бы не правду? Я родственник его отца. Это может уменьшить кривотолки...

— Или дать им пищу.

— Риск невелик.

— И, тем не менее, риск.

Он снова пожал плечами.

— Мальчик моя родня. Я возьму на себя любой риск, чтобы убедиться в его благополучии.

Она оцетинилась и покраснела.

— Мой сын не обделен любовью.

— Есть вещи поважнее любви.

Ее ноздри слегка расширились.

— Полагаю, человек, которому можно доверять.

Он почувствовал, как угол рта приподнялся в усмешке. И прежде, чем смог себя остановить, он выпалил:

— Да уж, такая совершенно скомпрометированная особа рассуждает о любви, забывая о практической стороне жизни.

Потрясенный вздох сорвался с ее губ. Рука на коленях дернулась, словно она хотела его ударить.

Конечно, он не намеревался провоцировать ее, однако только что сделал это. Он больше ничего не сказал, просто выдержал ее яркий непокорный пристальный взгляд... и старался не слишком уделять внимание тому, насколько соблазнительно эти темные ресницы оттеняют слегка раскосые глаза.

Спустя несколько мгновений, она сухо кивнула.

— Отлично.

Он коротко кивнул.

— Я нанесу вам визит на следующий день.

— Завтра, — ответила она.

Он чувствовал нечто большее в ее согласии. Что-то скрывалось за бесхитростной голубизной ее глаз.

Если он не ошибся, то, наверное, это был страх.

Сперва запаниковав, Эви подумывала забрать семью с вещами и сбежать. Затем вернулось благоразумие и с ним холодное напоминание о том, что она не располагала никакими денежными средствами, и идти ей было некуда. Несомненно, полагаться на помощь отца она не могла. После смерти Линни он едва мог содержать себя.

Вскочив с канапе, она бросилась к окну гостиной, чтобы посмотреть, как уезжает чертовски привлекательный джентльмен, который заполнил собою ее гостиную и потряс ее чувства.

Спенсер Локхарт. Кузен Йена. Кузен Николаса. Ее живот скрутило узлом, она затряслась как ветка дерева, укутанная холодным снежным покровом.

Если правда всплывет — что никакая она не вдова, что она не мать Николаса...

Эта мысль потрясла ее. Внезапно она почувствовала слабость и дрожь в коленях. Эви снова присела, прижимая руку к напряженному животу.

Изгой общества *ибедная* как церковная мышь. Судья сочтет более целесообразным передать Николаса Спенсеру Локхарту. От этой простой мысли пульс заколотился у ее горла.

Расслабься, Эви. Ты даже не знаешь, что он хочет мальчика. Он только хочет его увидеть. Встретиться с ним. Понять. Глубоко вдохнув, она постаралась успокоиться и не паниковать.

— Эви? — в комнату вошла Маргарит. — Твой гость уехал?

Она молча кивнула, когда подруга села рядом с ней.

— Я видела, как он шел. Красивый мужчина.

Красивый? Горький смех вырвался из нее.

— В самом деле, — задыхнулась она. Хотя чему удивляться, он же родственник Йена? Ее сестра часто сетовала, что просто не могла устоять перед лицом Йена Холкомба. Теперь, сама будучи свидетельницей такой мужской красоты, она почти могла понять, почему Линни поддалась. Эви нахмурилась. Ее лишали сил не только красивое лицо Локхарта и его широкие плечи. Он смотрел на нее так, как никогда не смотрел другой мужчина. словно хорошо знал ее или хотел узнать. Его глаза гипнотизировали.

Маргарит накрыла своими теплыми руками одну из ее крепко сжатых в кулаки рук.

— Кто это был?

Она напряженно сжала губы, боясь говорить, боясь, что, открыв рот, она сломается, развалится на части.

— Эви, ты пугаешь меня. Пожалуйста, скажи хоть что-нибудь, — карие, цвета хереса глаза Маргарит ласково и ободряюще изучали ее лицо. Она всегда была такой.

— Джентльмен, который только что уехал, был кузеном человека, скомпрометировавшего Линни, — она вдохнула, чтобы продолжить. — Он приехал ко мне, чтобы сообщить, что Йен погиб в составе легкой кавалерийской бригады, — другой глубокий вдох. — И он хочет встретиться с Николасом.

— Он знает? — быстро спросила она. Обладая острым умом, Маргерит мгновенно поняла всю серьезность ситуации, зная, где ждала опасность.

— Нет. Он верит, что я — Линни. Что я — настоящая мать Николаса. Линни точно так же может быть уменьшительным именем от Эвелины.

Руки Маргарит растерли ее.

— Тогда не переживай. Нет причины, по которой он должен подозревать, что ты кто-то еще. Правильно?

— Правильно, — эхом отозвалась Эви, но слово прогремело у нее в голове. Не было ничего *правильного* этой ситуации. Ничего *правильного* разнюхивающем Спенсере Локхарте. Она прерывисто вздохнула.

Ничего *правильного* трепете ее живота, когда он стоял на расстоянии пять футов ^[5] от нее.

Спенсер раздевался. Служанка ждала его в кровати, голая, готовая, голова склонилась на бок, глаза сияли чувственным одобрением, когда она наблюдала, как он сбрасывал последние предметы одежды.

— Вы прекрасно сложенный парень, — она протянула руки, чтобы коснуться его, когда он повалился на кровать.

Спенсер не был святым, даже если он не был полноценным Лотарио ^[6], от наследственности не уйдешь. Его отец, единокровные братья, даже Йен... все мерзавцы, у каждого множество грешков за душой. По сравнению с ними, его сексуальные привычки выглядели банальными.

Тем не менее, за эти годы он получал удовольствие с женщинами. Безликими женщинами. Следующими за лагерем, в большинстве случаев, или с деревенскими женщинами, пытавшимися заработать денег, чтобы пережить военную разруху.

Они придут в солдатскую палатку под покровом ночи и предложат свои услуги, так что ни один из местных не узнает об их позоре — или о деньгах, которые они взяли, чтобы прокормить свои семьи.

Такое положение вещей удовлетворяло его лучше всего. Никакой путаницы. Никакого эмоционального влечения. После Адары, после того, как он стал свидетелем ужасов войны, он не привязывался сердцем к женщине. Он сомневался, что когда-нибудь снова станет тем мальчиком. Молодым глупцом, верившем в любовь, о которой заливались поэты.

Когда он склонился над медноволосой девицей, бледное узкое лицо Линни Косгроув — *Кросс*, он так решил думать о ней — предстало у него перед глазами. Те невероятные голубые глаза наблюдали за ним — *впивались* в него взглядом. Словно она была свидетельницей его забавы.

Его вождение тотчас сошло на нет. По крайней мере, вождение к готовой распутной девке в его кровати.

Не смотря на это, мысли о Линни проглотили его.

Он издал утробный звук. Почему его должны изводить мысли о бесцветной тростинке, когда фигуристая женщина целует его в шею? Это Йен во всем виноват. Казалось, кузен выжег ее в его душе. Сделал вечную татуировку в его голове.

Крепко зажмурившись, он жестко, глубоко поцеловал девицу. Отчаянно стараясь возбудить себя, его руки ласкали ее полные груди. Она стонала, ее обнаженное тело выгибалось под ним.

Но все равно она прочно сидела там. В его голове. *Мисс Косгроув... черт, [i]Кросс. Линни[/i].*

Девица впилась ногтями ему пониже спины, притягивая ближе, подгоняя его заявить на нее свои права. Движением, которое, вероятно, заставило перевернуться в могиле всех

Винтерсов мужского пола, он рывком освободился от нее.

Повалившись на бок, он хлопнул себя рукой по лбу. Удовлетворение, которого он хотел достигнуть в быстрой любовной игре, ускользало от него. В груди чувствовалась пустота, как прежде, тело ныло от неудовлетворенности.

Женщина рядом с ним тяжело дышала.

— Что случилось? Я сделала что-то...

— Нет, я просто изменил... намерения, — он почувствовал, как его губы изогнулись в гримасе, когда образ неприветливой миссис Кросс всплыл у него в голове.

— О, — она приподнялась на локте и провела пальцем вниз по его груди. — Жаль. Бывает.

Его рот искривился. Она думала, что он не может. Он не собирался ее разубеждать. Это лучше, чем объяснить, что его сводили с ума мысли о другой женщине.

— Мы можем попробовать еще раз. Может, позже?

— Может быть, — неопределенно ответил он, задаваясь вопросом, как полубезнее попросить ее покинуть его комнату.

— Я слышала, что сегодня вы посетили Харбор.

Он хрюкнул, лениво задаваясь вопросом, смог бы он бывать в Светском обществе, когда едва мог вынести бесцельный щебет одной девицы. Как бы он вытерпел *светскую болтовню*?

Девушка села, поерзала, бесстыдная, расслабленная, нагая.

— Что за дела у такого изящного джентльмена, как вы, с такими людьми?

— Тебя это не касается, — разве у нее нет неотложных дел по хозяйству?

— Тогда вы знаете Косгроувов? Вдова Кросс надменная педантка. Совсем не дружелюбная.

Его губы изогнула улыбка. Описание было правильное.

— В самом деле? — он представил, как она сооружает между собой и внешним миром стену. Чтобы лучше защитить свой карточный домик.

Девушка продолжила:

— Не то, чтобы она имела права на какие-то важничанья, чего она фактически лишена. И она не красавца, что уж говорить о...

— Ты можешь идти, — прервал он, не заботясь о ее чувствах.

Ее щеки заалели. Она нагнулась вперед, ее тяжелая, покачивающаяся грудь оказалась против его руки.

— Не хотите попытаться снова...

— К сожалению, нет, — он не улыбнулся, не потрудился добавить доброты в голос. Его слова прозвучали холодно.

— Очень хорошо, — захлопнув рот в жесткую линию, она спрыгнула с кровати. — Это из-за того, что я сказала о вдове Кросс? Я никого не оскорбила. У вас нет причин заступаться за *нее*. Местные нормально к ней относятся.

— Ей трудно, но она справляется, — глаза девицы вспыхнули. — И такой джентльмен, как Питер Шеффилд бегают за ней...

— У нее есть поклонник?

— Скорее влюбленный по уши щенок, вот кто он, — она презрительно фыркнула.

Это заявление не должно было взволновать его, не должно было тяжким грузом лечь на

его сердце. Сам Йен часто задавался вопросом, не вышла ли Линни замуж за другого... тогда это объяснило бы оставшиеся без ответа письма. Поклонник не должен заставлять его медлить. Наоборот, Спенсеру должно быть легче, что она нашла себе джентльмена, который заботится о ней.

Тогда почему у него сжимались кулаки при мысли, что какой-то безликий мужчина осмелился идти по стопам его кузена?

И было ли это истиной причиной?

Служанка покинула его комнату с монетой, зажатой в руке.

Спенсер быстро оделся, его движения были сердиты. Через несколько минут он признал, что его гнев был направлен на себя. Потому что он лгал. Себе. Призраку кузена.

Да он только что ласкал другую женщину... а все время думал о миссис Кросс. *Линни!* Женщине, которая всю войну стояла между ним и Йеном на золотом пьедестале, охраняемая, почитаемая. Сегодня он наконец-то встретил ее. И все, что он хотел сделать, это стащить ее с высокого пьедестала и самому испробовать ее женские прелести. Он фыркнул от отвращения. Он должен обладать большей честью, большим уважением к Йену, а думать о ней, как о женщине, чьи прелести он жаждал испробовать.

Вышагивая по комнате, он царапал ботинками деревянные доски пола, когда принял решение спуститься вниз в пивную, решившись утопить чувство вины в выпивке. Завтра он встретится с сыном Йена, убедится, что тот в безопасности и в хороших руках, а затем уедет и забудет эту ужасную одержимость миссис Кросс.

И куда поедет?

Он отбросил неприятный вопрос в сторону. Он продал свой офицерский патент. Он не мог вечно прятаться от действительности своего нового положения. Он должен встретиться со своими обязанностями. Кислый привкус наполнил его рот. Если бы он только мог найти какой-нибудь способ обзавестись положенной невестой и принять бразды правления как виконт Винтерс без необходимости терпеть Высший Свет и его фальшь. Да он охотнее вынес бы поле битвы и пообедал бы под пушечными залпами, чем прогуливался по бальной зале *светского общества*, где белоручки аристократы высказывались о войне, а сами воевать не отважились бы.

Входная дверь постоялом дворе распахнулась. Сильный порыв ветра ворвался в уютное помещение. Мужчина протопал внутрь, отряхивая теплое пальто, словно это могло избавить его от зимнего холода. Трактирщик поспешил приветствовать его, махнув рукой на один из многих свободных столов. В такую ночь деревенские, вероятно, грелись перед собственным очагом.

Джентльмен передал свое пальто служанке и уселся за стол.

Взяв в руку высокую кружку с элем, Спенсер оценивал новоприбывшего, думая, что знал его. Но какова вероятность, что он должен знать кого-то в таком маленьком уголке Йоркшира?

В этот момент мужчина поднял глаза, и их взгляды встретились.

— Лорд Винтерс! Неужели я нашел вас?

Спенсер напрягся, узнав его. Эндрю Бэгби — управляющий делами его недавнего умершего отца. Он изменился, постарел, но его певучий шотландский акцент остался таким же.

— Мистер Бэгби, — поздоровался Спенсер, когда худой старик опустился за стол перед ним.

Стянув перчатки, Бэгби растер руки друг о друга.

— Ужасный холод, не находите? Не могу передать, какое облегчение я испытал оттого, что нашел вас. Это долгое и утомительное путешествие по стране не для меня. Как вы справлялись с этим последние несколько лет... — Бэгби сделал паузу, чтобы улыбнуться служанке, поставившей перед ним пивную кружку. — Что вы можете порекомендовать на закуску, моя девочка?

— У нас есть вкусный пастуший пирог.

— Замечательно, — Бэгби довольно кивнул. — Милорд?

Глаза служанки расширились при упоминании титула.

— Не надо, благодарю, — резко сказал Спенсер, рассерженный, что тот упомянул титул, принимать который он не желал. И все же он сознавал и чувствовал себя частью этого. Девушка отошла, и Спенсер направил свою ярость на человека, сидевшего перед ним. — Что вы здесь делаете, Бэгби?

От резкости в голосе Спенсера, часть жизнерадостности Бэгби улетучилась.

— Ваша мачеха послала меня найти вас.

— Конечно, — женщина, все сделавшая для того, чтобы он чувствовал себя лишним и нежеланным в собственном доме, в собственной семье, теперь требовала его возвращения.

— Вы новый виконт. Она настаивает на вашем возвращении в...

— Она не в том положении, чтобы настаивать на чем-либо.

Бэгби улыбнулся почти с жалостью.

— Леди Винтерс грозная женщина. Ее невозможно разубеждать.

— Как вы нашли меня.

— Ваша сестра.

— А, — он кивнул. Сперва он посетил свою сводную сестру. Роуз всегда была ласковой и любящей, несмотря на влияние матери. Роуз не было наплевать, в отличие от его отца, единокровных братьев и различных леди Винтерс, прошедших через его жизнь, каждая из которых была счастлива пренебрегать им, сыном, которого все считали ненужным, тем более, что он был плодом наименее приемлемой жены виконта — какой-то женщины из Нортумберленда, которая была, в сущности, никем.

Бэгби с отвращением полосонул его пристальным взглядом.

— Маленькое провинциальное захолустье, так ведь?

— Лучше, чем Крым.

Принесли еду для Бэгби, и он накинулся на нее, одобрительно бормоча, вонзив зубы в жирный кусок картофеля.

— Еда, по крайней мере, вкусная.

— Поезжайте домой, Бэгби, — заявил Спенсер. — В скором времени я заеду ненадолго.

Бэгби покачал головой.

— Ваша мачеха не согласится на такое. Она решила, что вы должны жениться и обзавестись наследником еще до конца года. Она считает это своим долгом. За последние пять лет она наблюдала, как умерли оба ваших брата. Один за другим, — он закончил и покачал головой от этой трагедии.

Смерть молодых людей в расцвете лет могла показаться поразительной, если бы они не были Винтерсами. Сам образ их жизни ставил их под угрозу. Они скончались, как и ожидало общество. Фредерика застрелили на дуэли, а Каллен сгорел в борделе, который часто посещал.

— Она считает своей удачей, что вы не погибли в битве при Балаклаве. Когда до нас дошли вести, что вы не пали со своим полком в атаке, она от радости заплакала.

Спенсер фыркнул:

— Представить себе не могу.

— Нет-нет. Она предпочтет положиться на вас, чем на какого-то дальнего родственника, который выбросит ее и леди Адару на улицу.

— И они так уверены, что я этого не сделаю?

Бэгби скрипуче засмеялся.

— У вас было благородное сердце еще с тех пор, как вы были пареньком. Всегда спасали птиц и бездомных дворняжек. Помните мешок с котятами, который Каллен бросил в реку? Мы тогда думали, что вы погибнете, когда вы спрыгнули за ними с моста.

Спенсер скривился. Если бы фермер не вытянул его несколькими милями вниз по реке, он, вероятно, был бы мертв.

— Ваша мачеха знает, что вы правильно поступите по отношению к ней. Ваша честь не позволит вам сделать ничего недостойного, — Бэгби приложил ко рту салфетку. — Они с леди Адарой уже составляют список гостей и планируют большое торжество, приуроченное к вашему возвращению. Надеются, что вы подпишите контракт помолвки тем же вечером.

Со стоном Спенсер опустил голову на руку, с противной ясностью представляя свое возвращение домой. Его мачеха с Адарой под боком забросали бы его каждой подходящей молодой леди сезона. Он со всех сторон был бы атакован неискренними девчонками и их болтливыми мамами. Чем яростнее он сопротивлялся, тем яростнее они толкали бы его в Свет.

Он хотел лишь покоя в своей жизни, но ничего этого у него не будет, пока он не женится. Пока он не обеспечит титул наследником. Внезапно его посетила мысль, и выпрямился на скамейке. Ему нужно всего лишь помешать невыносимым планам мачехи и Адары и приехать домой... *неподходящим*.

Но был только один способ сделать это.

Его кровь побежала быстрее, когда созрела идея, захватившая его.

Он поднялся на ноги, ножки скамьи скрипнули об пол.

— Куда вы идете?

— На прогулку.

— Так поздно, милорд? — Бэгби глянул на дребезжащую от порывов ветра снаружи дверь. — В такую погоду?

— Я должен освежить голову, — скомандовал он твердым и решительным голосом. — Возвращайтесь завтра домой, Бэгби. Заверьте маю мачеху, что все ее желания будут удовлетворены. Я сохраню свой титул и исполню свой долг.

Бэгби прищурился, явно пораженный таким счастливым поворотом.

— Несомненно. Очень хорошо, милорд. Она будет очень рада таким новостям. Очень рада.

Коротко кивнув, он развернулся и ушел с постоялого двора.

Имя Спенсера Локхарта пронеслось в ее голове так же яростно, как зимние ветра, веявшие за окном. Она не могла заснуть, так что сбросила тонкое одеяло, встала и прошла босиком по тонкому, потертому ковру.

С самого его отъезда она ходила словно в дымке, видя его образ в своей голове. В ее небольшой гостиной он был таким впечатляющим и красивым. Горящий и решительный взгляд, глубокий голос, вызывающий у нее мурашки, что одновременно волновало и пугало ее.

Он был на самом деле красивым мужчиной. Но она видела, как красивые мужчины могут уничтожать женщин, и не собиралась поддаваться слабости.

Впервые увидев этого человека, заметив его потрясающее сходство с Николасом, она подумала, что он — Йен. Любовник Линни.

Теперь она будет осторожней. Несмотря на его сходство с Николасом, в нем не было ничего мягкого и романтического, ничего, что привлекло бы нежное сердечко Линни. Ее сестра никогда бы не влюбилась в такого резкого мужчину с крепко сжатыми, неулыбчивыми губами. Его вид должен был напугать ее.

«Как пугал меня».

Но совсем по другим причинам.

Она нагнулась, открыла каминную решетку, поворошила угли и подбросила еще немного из стоящего рядом ведра, чтобы тлеющие угольки продолжали гореть. И не только из-за тепла. Камин горел даже летом, наполняя комнату красно-оранжевым сиянием. Драгоценным светом, чтобы отогнать темноту. Вечная темнота, жадно желающая затянуть ее в свое страшное брюхо.

Она не могла спать в темноте после Барбадоса.

С тех самых пор, как она узнала, что чудовища существуют, ходят по земле под человеческой личиной. Невозможно увидеть, что подбирается к тебе в темноте... или что уже здесь, очень близко, готовое напасть.

Это правда. Как малое беспомощное дитя она боялась темноты. Никто не знал ее постыдного секрета и слабости. И никто никогда не узнает.

Вздыхая, она подошла к окну, в комнате слышался лишь шелест ночной сорочки, касавшейся ее лодыжек. Полная луна высоко сияла в небе. Иней светился на земле и на траве словно бриллианты. Скоро пойдет снег. Она испытывала облегчение от того, что они спасли все, что могли из сада. Еды должно хватить, по крайней мере, на несколько месяцев.

Дрожа, она поднесла руку к окну и прижала ладонь к ледяному стеклу. Несколько месяцев. Она сглотнула комок в горле. После этого выбора у нее не будет. Весной она поедет к отцу. Будет умолять его, если придется.

И снова она мысленно увидела Спенсера Локхарта. Еще одна проблема. Правда ненадолго, так как завтра он уедет, повидавшись с Николасом.

Его присутствие нервировало ее... вызывало странные ощущения, оживляло те места в ее теле, которые она считала давно умершими. Он заставлял ее *чувствовать*, помнить, возвращал ей головокружительные девичьи мечты о приключениях и увлекательных событиях.

Полная луна ярко светила, окутывая лужайку перед домом и дорожку переливающимся

сиянием. Она смотрела вдаль, куда-то за горизонт, и тут заметила фигуру на гребне холма за подъездной дорожкой. Одиноким наездник был прекрасно виден в лунном свете. Спенсер Локхарт. Она знала, что это он, и никто другой.

В груди сжалось сердце. Что он тут делает? Она поборола свой первый порыв побежать в детскую и обнять Николаса. Это глупо. Опустив руку, она поспешно отступила от окна и глубоко вздохнула. Он не станет красть ребенка. И даже если сбудется ее самый худший страх, и он пришел сюда за Николасом, он не станет забираться в дом тайком посреди ночи и похищать мальчика. Она просто знала это, не понимая, почему так в этом уверена. Он станет действовать честно, открыто, используя закон, чтобы решить дело в свою пользу. И она будет с ним бороться до последнего вдоха.

— Он не может так поступить. Не может. Не может, — она повторяла скороговоркой эти слова, как мантру. Зачем ему обременять себя ребенком? Забирать его у единственной матери, которую он знал? Если он поверил в ее ложь, поверил, что она — Линни, он не станет разлучать ее с ребенком. Она прикусила нижнюю губу, веря в то, что думала. Ей только надо сделать всё, чтобы он не узнал правды.

— Зачем вы здесь? — прошептала она, обращаясь к призрачной фигуре, такой маленькой на большом расстоянии от нее, и все же в этот момент наполнившей собой весь ее мир, ставшей больше самой ночи.

Боялся ли он, что она убежит под покровом ночи с сыном его кузена? Наверное, если бы у нее было убежище и средства, позволяющие себя содержать, отец, заботящийся о ней так же, как и о себе, она бы так и сделала.

Но нет. Ей пришлось остаться, так что надо будет убедить его в том, в чем она убедила весь мир. Потом он уедет из Харбора, уверившись, что его родственнику обеспечен хороший уход.

Всадник задержался на вершине еще несколько мгновений. Ветер налетал на его теплое пальто, как знамя развевавшееся вокруг Спенсера.

Она озадаченно смотрела на него, затаив дыхание.

Конь нетерпеливо бил копытами. Прижимая пальцы к губам, она нетерпеливо стала переступать с ноги на ногу. О чем он думал, глядя на ее коттедж?

И нарушив тишину спальни, она прошептала:

— Уезжайте. Разворачивайтесь и уезжайте.

Наконец, он так и сделал.

Она смотрела, как он исчезает, молясь, чтобы он передумал и не возвращался завтра.

Скользнув под накрахмаленные простыни, она поморщилась от того, насколько бесполезной была ее мольба. Разумеется, он вернется. Он считал себя защитником, которого назначил отец Николаса. Спенсер Локхарт считал, что это давало ему право остаться и судить ее. Ее охватил гнев, когда она вспомнила его резкие слова:

«Да уж, такая совершенно скомпрометированная особа рассуждает о любви, забывая о практической стороне жизни».

Она несколько лет ходила по лезвию ножа, поддерживая свой обман, все время стараясь экономить. Она очень много внимания уделяла практической стороне жизни! Каждый день она только об этом и думала.

Повернувшись на бок, она положила руку под щеку. Ее желудок сжимался и дергался при одной мысли о том, что ей придется снова с ним увидеться

Он пугал ее своими размерами, суровостью и мужественностью. Настойчивость его

взгляда заставляла ее чувствовать себя неловко, хотя вовсе не из-за ее тщательно оберегаемых секретов, а скорее с тем, насколько сильно он ее привлекал, напоминая, что она — женщина. Женщина, давно уже отказавшаяся от близости и физической любви.

Впервые с тех пор, как она вернулась с Барбадоса, она задумалась о своем решении жить, не зная ничего о близости с мужчиной. Наверное, теперь в двадцать пять лет она почувствовала желание попробовать наслаждения, которое доступно лишь супругам.

С кем-то вроде Спенсера Локхарта.

Нет, нет, нет. Разумеется, не с ним самим, а лишь с человеком, похожим на него: красивым, широкоплечим, темноволосым. И ей не нужен *именно* он.

Снова перевернувшись на бок, она уже почти убедила себя в этом.

— Ты уверена, что не хочешь, чтобы я осталась? — спросила Маргарит, сжимая руку Эви в своей руке.

— Нет, поезжай. Ты опоздаешь на поезд.

Улыбаясь, Эви кивнула мистеру Мэрдоку, ждущему Маргарит у экипажа, чтобы отвезти ее в деревню.

— Ты уверена?

— Он лишь хочет увидеть Николаса.

Эви деланно беззаботно пожала плечами.

— Но если он узнает...

— Он не узнает. Он даже ничего не подозревает.

Маргарит покачала головой с черными волосами, блестящими под тусклым солнечным светом раннего утра.

— Ему может быть известно что-то, чего ты не знаешь, что-то, о чем Йен говорил с Линни. Что если ты нечаянно скажешь что-то...

Эви знала и переживала об этом по ночам. А тут еще это странное появление Спенсера Локхарта, которого она заметила через окно прошлой ночью. Она не могла отбросить подозрения, что его привело сюда не только желание увидеться с Николасом.

— Поезжай, Маргарит. Он никогда не догадается, что я не Линни. Это просто невероятно.

Маргарит поморщилась.

— Твоя правда, — насмешливо сказала подруга. — Это непостижимо.

Эви вымученно улыбнулась. Маргарит несколько лет назад пыталась отговорить ее от этой затеи. Маргарит и ее другая школьная подруга, Фэллон. А вот Эви, только что уволенная и вернувшаяся с Барбадоса, была несколько не в себе и не последовала их совету. Она совершила доброе дело. И даже сейчас об этом не жалела. Кто знает, что бы стало с Николасом без нее?

Маргарит крепко обняла Эви, которая удивилась силе своей такой невысокой подруги, которая едва выжила в Пенвичской школе. Отступив, она решительно смотрела золотыми глазами в глаза Эви.

— Береги себя. Я буду очень волноваться, пока не получу от тебя весточку, что все хорошо. Напиши мне, как только он уедет, и расскажи о том, как все прошло, — она помахала пальцем руки в перчатке перед лицом Эви. — *Все.*

— Разумеется.

Облизав губы, Маргарит не впервые сказала:

— Ты же знаешь, что Фэллон могла бы помочь...

— Это необязательно.

Фэллон, вышедшая замуж за герцога Дамона, обладала значительными связями, не говоря уже о богатстве. Эви и так уже не раз убеждали обратиться к ней, когда дела становились совсем плохи. Она принимала щедрые подарки Фэллон: игрушки и одежду для Николаса, устрицы и засахаренные фрукты, покрытые шоколадом на Рождество. Ее подруга дала бы больше, стоило только попросить, да вот Эви не хотелось никого просить.

— Не упрямясь, — пожурила ее Маргарит.

— Разумеется, если мне придется воспользоваться ее помощью, я так и сделаю, но я все-таки надеюсь, что нам поможет мой отец.

Маргарит фыркнула.

— Не жди слишком долго. Не стоит надеяться на такого родителя, который отправил тебя в Пенвич, — ее золотые глаза блеснули, и Эви поняла, что подруге это известно из своего опыта.

Взяв Маргарит под руку, Эви проводила ее до экипажа.

— Ты еще приедешь сюда?

— В это же время в следующем году, — пообещала Маргарит, забираясь в трясущийся экипаж.

— И мы увидимся на Пасху? У Фэллон?

— Разумеется.

Эви отступила, сложив руки на груди и укутавшись в плащ, и смотрела, как экипаж поехал, громыхая, по дороге. Она напряглась, когда экипаж скрылся за поворотом, освободив дорогу для коня и всадника. Спенсера Локхарта.

Она крепко вцепилась пальцами в юбки и заставила себя стоять неподвижно, натянуто и в то же время приветливо улыбаться.

Когда он подъехал ближе, она заметила бледность его лица и уже знакомый пристальный взгляд. Неужели он на всех так смотрит? Или только на нее?

И у всех ли вот так сжимается желудок под его взглядом?

— Миссис Кросс, — поздоровался Локхарт, приподнимая шляпу и склонив в приветствии голову, когда плавно спрыгнул с лошади.

— Мистер Локхарт, — произнесла она в ответ. — Благодарю вас, что смогли уделить время встрече с Николасом. Он так жаждет встретиться с вами.

Появление кузена породило в ее сыне огромное количество вопросов. В число которых входили вопросы о войне, об отце и, конечно, о самом Спенсере Локхарте, родственнике, которому, очевидно, было до него дело, раз он разыскал его. Одно это уже доставляло мальчику радость. А у Эви щемило сердце. Ее сын заслуживал большего. Всего. Николас заслуживал семьи, в которой есть и мать, и отец, и сестры с братьями. Он заслуживал мира, наполненного возможностями.

— Так же, как и я, — низкий голос Локхарта прогремел в воздухе.

Эви повернулась и пошла.

— Боюсь только, что он может засыпать вас вопросами, — предупредила она его.

Он зашагал рядом с ней.

— Как и у большинства маленьких мальчиков у него есть собственные представления о войне и солдатах, пусть они и не совпадают с действительностью.

Темная пелена затмила его взор, и Эви заподозрила, что война — это тема, которую он избегал.

Локхарт ничего не сказал, лишь кивнул, глядя на нее тем самым взглядом, который лишает всяческого присутствия духа, словно он мог видеть ее насквозь, то чем она на самом деле являлась. Самое неприятное ощущение для того, у кого имеется куча секретов. А в ее случае именно так и было.

— Вам обязательно делать *это*? — выпалила она, не придумав ничего лучше.

Локхарт остановился, выпрямившись во весь рост прямо перед ней. Взгляд же его стал еще пристальнее.

— Что делать? — произнес он в ответ невыносимо ровным тоном.

Сжав руку, придерживающую подол платья, в кулак, она повернулась лицом к нему и испытала всю глубину его взгляда.

— Смотреть на меня так, так... — ее голос затих от раздражения. Пятна румянца ползли по ее шее, покрывая лицо. Как она могла объяснить ему, что его взгляд заставляет ее чувствовать себя уязвимой, дрожащей и хрупкой подобно травинке.

— И как же я смотрю на вас? — он повернул голову, ожидая ее ответа.

Она устремила взгляд прочь, затем снова посмотрела на него, тяжело переступая с ноги на ногу. Она не решалась объяснить, что когда он смотрит на нее, то напоминает волка, собирающегося расправиться со своим обедом.

— Линни, — подтолкнул он ее, при этом его скрипучий голос стал смертоносно

нежен. — Так, *какая* смотрю на вас, — произнес он, подчеркивая каждое слово.

Ее взгляд снова метнулся к нему, жар опалил щеки. Она не давала ему разрешения обращаться к себе подобным образом. И ей не нравилось. Имя ее сестры, слетающее с его губ — слышать это было невыносимо.

— Ваш *взгляд*, — с упреком произнесла она. — Вы пожираете меня глазами, сэр. Это скорее грубо.

Он едва заметно дернул головой.

— Разве? Я не осознавал этого, — на долю секунды уголки его губ подернулись, и она была убеждена, что он знает о том, как смотрит на нее. Он знал это и наслаждался каждым моментом.

— Прошу простить меня. Я много слышал о вас все эти годы. Вы вызываете любопытство.

Эви передернуло. Он слышал истории о ее очаровательной и чрезвычайно соблазнительной сестре-красавице. Не о ней. Для него, должно быть, было сложно примирить такие понятия с тем, что являла собой она.

Сощутив глаза, Эви продолжала смотреть на него.

— Хотела бы я, чтобы вы прекратили смотреть на меня так, словно я вызываю такое же *любопытство*.

— Я постараюсь сделать это.

Но огонь, ярко вспыхнувший в его глазах, заставил ее усомниться в том, что он станет что-нибудь делать. На самом деле она заподозрила, что в тайне Локхарт смеется над ней. Чтобы Йен не рассказывал ему о Линни, очевидно, это произвело впечатление. Почему же еще он смотрит на нее как на восхитительную закуску, вкус которой можно смаковать? Проклятье. Он не на нее так смотрит, а на Линни, и она никогда не должна забывать об этом.

Вздернув подбородок, она повернулась.

— Сюда, пожалуйста. Николас у пруда с Эми.

— Эми?

— Это его няня, но мы не относимся к ней как к прислуге. Она — часть семьи.

Локхарт изумленно поднял темную бровь, но ничего не сказал. Эми училась в Пенвиче на два класса младше Эви. Она вспоминала о девушке с нежностью и написала ей, когда они с тетей Герти переехали сюда, надеясь, что переписка может ее заинтересовать. Даже сейчас, когда они не могли позволить себе платить ей зарплату, Эми осталась. И это сделало ее членом семьи, не прислугой.

Локхарт шел рядом с ней, нога в ногу, когда они следовали узкой тропой вдоль дома. Руки сцеплены за спиной, широкие плечи расправлены, на нем была темная шинель, подчеркивавшая его выправку. Эви хорошо могла представить его в полном обмундировании.

— Когда вы... когда вы возвращаетесь к своим обязанностям?

— Я не вернусь. Я оставил офицерскую должность.

Она резко взглянула на него.

— Самое время, — уточнил он, — я нужен здесь. Мой старший брат умер прошлой весной.

— Мне жаль.

Когда они проходили мимо сада, Эви вздрогнула, увидев, что ее тетя все еще занята тем,

что прогоняет дроздов. Даже зимой, когда урожай был уже собран, она во что бы то ни стало решила разогнать их.

Локхард внимательно следил за попытками бабушки, погрузившись в раздумья.

— Чем она занимается?

— Моя тетя сама себя назначила защитником нашего сада, — сбивчиво объяснила она.

— Знаете, а она *вооружена*.

Эви вздохнула.

— Не волнуйтесь. Стрелок из нее никудышный. На самом деле, она безобидна, и птицы-то ни разу не подстрелила.

Они уже почти подошли к пруду, когда их заметила Эми. Отложив альбомы, в которых они с Николасом рисовали, она поднялась на ноги и потянула мальчика за собой. Николас же был весь в нетерпении и пританцовывал на месте, когда мать и Локхарт остановились возле него.

— Николас, — негромко произнесла Эви. — Это Спенсер Локхарт. Я рассказывала тебе о нем.

Николас запрокинул голову и посмотрел на человека, что стоял перед ним, его ротик слегка округлился от охватившего трепета. С обычной для себя непосредственностью он подошел к Локхарту и нежно погладил одну из блестящих пуговиц на его шинели.

— Здравствуй, Николас. Я твой кузен.

— У меня никогда раньше не было кузена. Чем мы будем вместе заниматься?

Мистер Локхарт моргнул.

Эви сдержала улыбку.

— И чем бы нам таким *заняться*? — осведомился мистер Локхарт.

— Я люблю ловить рыбу. Мистер Мэрдок позволяет мне с ним рыбачить. А вам нравится рыбачить? У нас есть удочка, и вы можете ее взять.

— Ну, я не ловил рыбу вот уже несколько лет, но да, я знал в этом толк.

Он опустил на корточки перед мальчиком, и некоторое оцепенение, владевшее его телом, испарилось. В груди Эви возникла тупая боль при виде того, как ее сынишка немигаючи смотрит на Локхарта светящимися от восхищения глазами.

— Вообще-то, я ходил на рыбалку с твоим отцом.

— Правда?

— Я бы не стал врать о таком, — с совершенно серьезным видом произнес Локхарт.

— Ты слышала это, мама? — обратился к ней Николас. — Мой папа тоже любил ловить рыбу. Прямо, как я.

Слезы жгли ей глаза, и Эви подставила лицо легкому ветерку, чтобы охладить пылающее лицо.

— Да, Николас, прямо, как ты. Как и ты.

Такая мелочь, но и этого было достаточно, чтобы доставить ему радость, связать с отцом, которого он никогда не знал.

Локхарт повернулся и обвел ее холодным и пристальным взглядом своих зеленых глаз. Эви расправила плечи, решив всем своим видом продемонстрировать ему, что ей нет до этого никакого дела. Ей все равно. И он ничуть не производит на нее впечатления, и она не тронута ни его непринужденностью, ни обаянием, с которыми он держится с Николасом. *Они не нуждаются в его присутствии.*

— Эми, — вмешалась она, — думаю, Николасу уже пора спать.

— Мама, — надулся и затопал ножками ребенок, возмущенный ее внезапным заявлением.

— Николас, — тихо, но сурово произнесла она, — я уверена, что мистеру Локхарту необходимо отправляться в дорогу, если он хочет проделать часть пути сегодня.

Губы Николаса задрожали, и хотя сердце Эви разрывалось от боли, что приходится расстраивать его, она знала, так будет лучше. Они не могли позволить этому человеку войти в их жизнь. Риск слишком велик.

Локхарт источал неодобрение, его зеленые глаза оставались все такими же холодными.

Эви моргнула и отвернулась, пытаясь избавиться от невыносимого жжения в глазах. Его просили лишь встретиться с Николасом, а не проводить с ним весь день. Чем скорее мистер Локхарт покинет их дом, тем лучше для всех.

Эми, собрав все свои альбомы и прочие принадлежности для рисования, взяла в охапку Николаса и повела его в дом.

— До свидания, Николас, — выкрикнул вслед Локхарт, и звук его низкого голоса нежно отозвался где-то глубоко в ней, в потаенных местах ее существа. Почувствовав, что дрожит, она плотнее укуталась в шаль.

Эви не смотрела на него. Она держалась твердо и наблюдала, как Эми и Николас тяжело бредут к дому, позволяя им удаляться все дальше, даже несмотря на то, что это означало для нее терпеть еще какое-то время остаться с Локхартом наедине.

— Вы так торопитесь избавиться от меня, миссис Кросс, — его слова с абсолютной точностью достигали самой сути правды, отражая ее явную потребность изгнать его из своей жизни как можно быстрее. Она даже не проявила такта, чтобы попытаться скрыть свое рвение. — Хотел бы я знать, почему?

Шея ее запылала, жар охватывал все лицо.

— Это абсурд.

Удостоив его лишь мимолетным взглядом, она приподняла подол платья и направилась по следам сына в сторону дома. Но ей пришлось остановиться, когда его ладонь, словно тиски, сдавила ее руку, заставив развернуться. Воздух застрял у нее в груди, легкие сжались. Изумленная, Эви посмотрела на большую загорелую ладонь на своем рукаве, прежде чем встретиться с его взглядом.

— Я узнаю правду, — он с такой силой стиснул челюсть, что заходили желваки. Внутри у нее все скрутило.

— Что такого в моем присутствии, что вы находите его столь оскорбительным для себя, миссис Кросс?

Его рука прожигала насквозь шерстяной рукав платья, заставляя ее кожу гореть. Она пыталась найти подходящее оправдание, но только и смогла, что, заикаясь, произнести:

— Ни-ничего.

— Ну же, не нужно юлить. На вас это совсем не похоже.

Его слова разозлили ее.

— А вы так хорошо знаете меня, да?

Ее резкий язвительный ответ вызвал у него лишь нечто походящее на улыбку, что едва тронула его губы.

— А вот это больше похоже на вас.

Негодяй! Он ее не знал. И определенно она приложит все усилия, чтобы этого никогда не произошло.

— Я лишь не хотела задерживать вас. Вы уже провели здесь ночь, и я не смею больше отрывать вас от неотложных дел...

— У меня есть обязательства перед вами и сыном Йена.

Тревога сдавила грудь Эви. Именно это его чувство долга и беспокоило ее. Насколько же далеко оно простирается? Намеривался ли он присутствовать в их жизни постоянно, став ее неотъемлемой частью? *Господи боже*. Этого не должно произойти. Она не могла так рисковать, не могла позволить ему узнать правду. Вся ее жизнь — шарада, а сама она — обманщица. Он никогда не должен узнать этого.

Она дернула свою руку.

— Отпустите меня.

— Миссис Кросс, — выдавил он. Его теплые пальцы обхватывали ее, посылая разряды тока по рукам, — я тешил себя надеждой, что мы могли бы лучше узнать друг друга. Стать друзьями, в некотором роде.

В ужасе она отпрянула от него. *Стать друзьями?*

Глаза его потемнели, сделавшись цвета дягиля.

— Нет никакой необходимости выглядеть столь потрясенной.

— Я...я, — когда это она начала заикаться? — Вы желаете быть моим... *другом?*

Его напряженный пристальный взгляд изучающе бродил по ее лицу. И если она не ответила ему на этот взгляд, если сердце ее не забилося быстрее, пытаясь вырваться из груди, то все это лишь благодаря помощи Всевышнего.

— А это так неправильно? Боюсь, мы скверно начали...

Чтобы он ни намеривался сказать, слова резко оборвались в воздухе. Локхарт внезапно умолк. Глаза широко распахнулись, взгляд застыл на чем-то позади ее плеча.

Все, что случилось потом, произошло мгновенно.

Его ладонь до боли сжала ее руку. Жалобный стон рос в груди, но прежде чем она смогла обрести голос и потребовать во второй раз, чтобы он отпустил ее, Локхарт резко оторвал ее от земли.

Шея Эви резко дернулась от боли, когда он развернул ее к себе.

Перед глазами у нее все поплыло, в ушах засвистел ветер.

Она что есть силы вцепилась в его руки, стараясь не замечать, каким крепким и теплым было его тело.

Что он делает?

Эви не могла кричать, воздух, стремительно вырывавшийся из ее легких, душил крик у нее в горле. Локхарт притягивал ее все ближе, крепко прижимая к своему телу, настолько крепко, что она испугалась, как бы он не переломал ей все ребра. Когда-то она уже ломала ребра и сильно намучалась. Ей бы не хотелось снова испытать такое. И Эви колотила его по плечу туго сжатыми в кулаки ладонями.

Его всего трясло, он сжимал ее с невероятной чудовищной силой, несомненно оставляя синяки.

Заточенная в его руках, она не имела не малейшего шанса вырваться, и крупная дрожь, от которой содрогалось его тело, передавалась ей.

Затем он замер.

Совершенно уверенная, что попала в лапы безумца, Эви разомкнула губы, пытаясь обрести голос, но в итоге лишь слабый приглушенный стон вырвался из ее груди:

— Мистер Локхарт! Что вы делаете?

Руки, сжимавшие ее, разомкнулись и опустились. Со странным резким вздохом Локхарт отшатнулся от нее.

Ловя ртом воздух, она взглянула на него, провела рукой по волосам, слава Богу, все в порядке.

Когда Эви взглянула на его мертвенно бледное лицо, руки ее похолодели.

— Мистер Локхарт, вы хорошо себя чувствуете?

Его губы выглядели посеревшими, в то время как он произнес:

— Не совсем, миссис Кросс, — он говорил так, словно каждое слово доставляло ему боль. Локхарт умолк и лицо его исказилось. — Похоже, ваша тетушка наконец-то во что-то попала. И боюсь, что это что-то — я.

Сердце ее замерло. *Нem!*

Взгляд ее метнулся к тете Герти, похожей на палку фигуре, склонившейся над луком, словно пытаясь скрыть свидетельство своего злодеяния.

— Тетя Герти, вы что, сошли с ума?!

Ее тетя выставила вперед подбородок и посмотрела в их сторону мятежным взором.

— Это не моя вина. Внезапный ветер сбил меня с курса. Я ничего не могу поделать с тем, что он такая большая мишень. Я что, убила его? — требовательно проговорила тетя Герти раздраженным и обиженным тоном, так, словно его смерть могла бы оскорбить ее.

Лицо Эви пылало от жара, в котором смешивались стыд и ужас. Дрожа, она обошла вокруг Локхарта, чтобы осмотреть нанесенную рану. Эви проглотила крик и закусил губу при виде стрелы, вонзившейся в его плечо сзади.

Сквозь стиснутые зубы, он требовательно спросил:

— Насколько все плохо?

— Это, — *окровавленная стрела в его спине!* — Не так, чтобы очень.

Старясь обрести спокойствие, которого она не ощущала, Эви взяла его за руку и повела в сторону дома, восхищаясь самообладанием и уверенностью, с которой он держался, шагая рядом с ней.

— Мы устроим вас внутри и пошлем за доктором.

Локхарт лишь едва заметно кивнул, будто в том, что она делала, не было ничего такого, и ему просто предложили отправиться в дом на чай. Только бледность его лица и глубокие бороздки по сторонам его губ говорили о том, что он чувствует дискомфорт.

— Мне очень жаль, мистер Локхарт, — с жаром прошептала она, — никогда прежде тетя Герти не причиняла никому вреда.

Когда они проходили мимо сада, тетя Герти вновь выкрикнула:

— Так я его убила?

— Он идет, разве нет? — прошипела Эви, желая, чтобы ее тетя вовсе перестала говорить.

— Годы в Крыму — и почти ни царапины, — выпалил он. — Стоило приехать домой и двух недель не прошло, как меня подстрелила старуха, — затем, поразительно, но его плотно

сжатые губы подернулись. — Вот так ирония.

Она с изумлением вглядывалась в его лицо, представляя, что именно с юмором и никак иначе большинство мужчин прореагировали бы в подобной ситуации. Не зная, как ответить, Эви неловко похлопала его по руке и заверила:

— С вами все будет в порядке.

Она придерживала его, обхватив рукой вокруг пояса, и так дошла до двери балкона. Локхарт наваливался на нее всем телом, и Эви пыталась не позволить этому отвлечь ее. Прежде она никогда не была так близко к мужчине — по собственной воле, во всяком случае — и никогда рядом с человеком, обладающим такой мужской силой. Ее горло сжалось.

Он завладел ее взглядом, стоя неподвижно у дверей.

— Я рад, что это не вы. Рад, что с вами все хорошо.

Тогда-то она и вспомнила, что он отдернул ее и подставился под стрелу. Вместо нее, святые небеса! Это она стояла прямо на пути летящей стрелы. Он спас ей жизнь.

Внутри все перевернулось. Она прижала руку к животу и повернулась, глядя на свое отражение в стеклянных дверях.

— Зачем? — прошептала она. — Зачем вы сделали это?

Она могла видеть в отражении стекла, что он наблюдает за ней, могла чувствовать его пристальный взгляд на своем лице.

— А почему я не должен был этого делать?

Эви могла бы назвать целую кучу причин, наиболее очевидная — стрела, торчащая в его плече. Мотая головой, она произнесла твердо:

— Я не могу придумать ни одной причины, почему вам следовало рисковать из-за меня.

— Не можете? — повернув голову, он изучающе посмотрел на нее, как на какую-то диковину. — Вы Линни Йена. Одного этого вполне достаточно.

Эти слова были брошены столь сухо и так просто. Она повернулась, глядя на него уныло. Боль тревожила сердце, и лишь одна мысль пронеслась в ее голове: *нет, это не так. Я не Линни, не она.*

Но только он никогда не должен узнать этого.

Все еще борясь с неприятным чувством дрожи внутри, она повела его вверх по лестнице в свою спальню, самую лучшую комнату во всем доме. Конечно, он мог пользоваться ею. Все что угодно для его удобства, для того, чтобы ускорить его выздоровление и его отъезд.

Вскоре пришла миссис Мэрдок и принялась за дело. Она суежилась над Локхартом, осторожно укладывая его на кровать и подкладывая подушки для его удобства, как можно осторожнее, чтобы не задеть стрелы до прихода Питера.

Эви отошла и наблюдала, медленно втягивая воздух сквозь сжатые губы, она клялась себе, что увидит его полностью выздоровевшим.

Позже она спрашивала себя, спас бы он ее, зная правду? Спас бы он ее, если бы знал, что она лгунья, обманщица, а вовсе не любимая его кузена? Спас бы он ее, если бы знал, что она вовсе не настоящая мать Николаса?

На самом деле, она никто для него.

Лежа на животе, Спенсер чувствовал, как теплая струйка крови стекает по его спине. Он зашипел, когда миссис Мэрдок приложила к ране кусок ткани, чтобы остановить кровь. Плечо его горело, словно было охвачено адским пламенем. Он замотал головой. Чертова стрела. Старуха же просто представляла угрозу. Наверняка стрела, летящая в миссис Кросс, достигла бы своей цели. Убила ее. Он содрогнулся. Определенно, его присутствие

необходимо здесь. Что, если бы Николас стоял на пути стрелы?

— Вот так, сэр, — кудахтала миссис Мэрдок, подсовывая еще одну подушку ему под грудь.

— Миссис Кросс сейчас будет здесь с доктором Шеффилдом, и он вытащит эту стрелу из вас. А пока мы вас устроим поудобнее.

А, доктор Шеффилд. Поклонник Несмотря на свое затуманенное от боли состояние, им овладел интерес, он желал встретиться с заменой Йена, если словам служанки из гостиницы можно было верить.

— Бедняжка мисс Герти, — продолжала кудахтать экономка, — Надеюсь, вы не очень сильно вините дорогушу.

Бедняжка мисс Герти?

— Так жаль вашу прекрасную одежду. Я все постираю, выглажу и починю, сделав, все, что смогу — не унималась миссис Мэрдок.

— Не утруждайте себя — прошептал он.

Его одежда валялась кучей тряпья возле кровати. С помощью экономки миссис Кросс разрешила его одежду, щеки ее при этом пылали.

За дверью слышались шаги.

— А, вот и миссис Кросс с доктором.

Спенсер не знал чего ожидать и каким окажется поклонник Линни. Возможно, это будет кто-то, похожий на его кузена.

Я похож на Йена. Он с трудом моргнул, отгоняя мысль, не смея даже думать о том, что это может иметь значение для нее... и для него.

Человек, вошедший в комнату, не имел с Йеном ни малейшего сходства. Он был высоким, бледным, светловолосым мужчиной с бакенбардами, которые расширились к низу.

— Мистер Локхарт, не так ли? Действительно, у нас здесь рана.

Он держался чопорно, выглядел старше, чем был на самом деле и весь пропах заплесневелыми книгами и чесноком.

Чувство отвращения переполнило Локхарта, когда он представил Эви с этим человеком.

— Доктор, — приветственно произнес он, пока тот снимал пальто и закатывал рукава.

Миссис Кросс ходила возле кровати, голубые глаза ее были полны сожаления.

— Мне так жаль...

— Вы уже извинились, мадам, — прервал он ее.

Она остановилась, услышав его неодобрение, и опустила свой светящийся взгляд, ее длинные ресницы отбрасывали на щеки притягательные тени.

Он проклинал себя за резкие слова. Это была не ее вина, что ее поклонник произвел на него впечатление неинтересного человека. Все, что он знал — парень дышал и источал благородство.

Локхарт зашипел, когда Шеффилд прикоснулся, надавив на больную плоть вокруг стрелы своими ледяными руками. Ухватившись за древко, доктор покачал его с явным усилием. На мгновение перед глазами Спенсера побежали звездочки. Быстро взглянув через плечо, он понял, что такая сила была полностью спланированной. Во взгляде водянистых глаз доктора обнаруживалась определенная доля удовлетворения.

— Слышал, вы и впрямь герой.

— Вовсе нет, — сквозь стиснутые зубы бросил Спенсер, концентрируя свое внимание на миссис Кросс, стоящей у кровати. Руки ее были на уровне его глаз, тонкие белые пальцы

туго переплетены. Это были не гладкие безукоризненные руки леди, но изящные, несмотря ни на что, чувственные руки — те, которые, он подозревал, знают, как прикасаться к мужчине. По крайней мере, в его воображении так и было.

— Сражались с Легкой бригадой, а? — Шеффилд сделал долгую паузу. Задавая вопрос, он пристально посмотрел на миссис Кросс, прежде чем вернуть свое внимание к Спенсеру: — Это, кажется, делает вас героем. По крайней мере, формально.

Он ухватился за древко стрелы и неожиданно резко дернул. Агония запульсировала, расходясь от раны по спине Спенсера.

Локхарт подавил крик, он услышал, как всхлипнула миссис Кросс... словно сама чувствовала боль. Серые пятна заполнили его взор. Сомнений быть не могло. По какой-то причине Шеффилд решил причинять ему боль.

— Нужно просто расширить отверстие, чтобы я смог вытащить стрелу...

Кровь теплой струей побежала по его спине.

Миссис Кросс судорожно вздохнула.

— Прошу, покончите с этим, — услышал он ее мольбу сквозь звон в ушах. Ее рука крепко сжала его ладонь на кровати.

Шеффилд бросил пропитанную кровью одежду на прикроватный столик, не задумываясь о кружевной салфетке.

— Отлично.

Спенсер лежал, тяжело дыша, его пальцы впивались в ее. Шальная мысль крутилась в его голове, что ее руки мягче, чем кажутся.

Доктор рылся в своей сумке, бормоча:

— Вам повезло, что стрела не попала в лопатку. Тогда нам бы пришлось доставать ее спереди, а это было бы намного неприятнее.

Спенсер вздрогнул, признательный за это. Вероятно, доктор бы убил его таким маневром.

— Просто покончите с этим, — прорычал Локхарт, приготовившись к следующему движению Шеффилда, он сомкнул челюсть и сосредоточился на нежной, дрожащей ладони, сплетенной с его.

Нежный голос Эви словно бальзам пролился на него.

— Можем мы дать ему что-нибудь, чтобы унять боль?

Шеффилд вздохнул, размахивая скальпелем.

— Полагаю, у меня есть настойка опия, но мы не можем ждать, пока она подействует. Эта стрела уже долго торчит внутри.

— Забудьте об опиоиде, — огрызнулся Спенсер, — Просто вытащите чертову штуковину из моей спины.

Шеффилд ухватился.

Рука миссис Кросс дрожала в его ладони.

Проклиная все, он отшвырнул ее руку.

— И уберите ее отсюда.

— Мистер Локхарт! Нет...

— Идите, — приказал он, в то время как доктор делал надрезы на его плоти вокруг древка стрелы.

— Просто нужно еще чуть-чуть расширить, — бормотал Шеффилд. — Он прав, вам незачем быть здесь. Лучше уйти.

Как бы сильно Спенсеру не нравился этот человек, все же он был благодарен за его поддержку.

— Пойдемте, — подхватила миссис Мэрдок, уводя ее, но прежде одарила Локхарта осуждающим взглядом.

Тот фыркнул. Это в его спине торчала стрела.

Дверь за ними хлопком закрылась, и Спенсер облегченно выдохнул. Сказать по правде, он не хотел, чтобы она вдела его уязвимым, как сейчас, когда ее ухажер вспарывал его, будто брюхо рыбе. Так же он не желал причинять ей страданий, а Эви оказалась весьма мягкосердечной особой, чтобы этот его вид мог расстроить ее.

Мысли о ней исчезли, когда лезвие глубже вонзилось в его израненную кожу. Он задержал дыхание и не смел выдохнуть до тех пор, пока пытка не закончилась и стрела не выскользнула из его плоти. Кровь теплым потоком хлынула вниз. Шеффилд приложил что-то к ране, пытаясь остановить кровотечение. А спустя несколько мгновений он принялся обрабатывать ее, прикосновения его при этом нежностью не отличались. Спенсер стиснул зубы и зашипел.

— Знаете, я подумывал о том, чтобы присоединится.

Спенсер моргнул, мысли его перепутались от боли, голова работала медленно, чтобы он мог понять произнесенные слова.

— Просто я сделал вывод, что мог быть более полезен здесь, а не сражаясь в бессмысленной войне на чужой земле. Следующий ближайший доктор в нескольких часах езды отсюда.

Губы Спенсера искривились в улыбке. По какой-то причине хороший доктор искал его признания.

Он продолжал монотонно:

— Шеффилды жили в Литл-Биллингс со времен правления Елизаветы. Мой дед был сквайром Эпплби.

— Замечательно, — Спенсер даже не попытался скрыть отголосок насмешки, звучащий в голосе. Этот человек что, пытался произвести на него впечатление посредственной родословной?

В тот самый момент игла вошла в его плоть. Локхарт задержал дыхание, в то время как острие иглы пронзало его, сшивая кожу.

— А потом здесь появилась Эвелина, — продолжал Шеффилд, голос его зазвучал близко, когда он наклонился над Спенсером. Эвелина. Спенсеру всегда было любопытно, как было полное имя Линни. Йен никогда не упоминал его.

— Мы понимаем друг друга. В какой-то степени. Я не мог оставить ее одну, без помощи. В случае, если вы не заметили, ей крайне необходим мужчина.

И Шеффилд явно считал этим мужчиной себя. Странное напряжение сковало Спенсера.

— Похоже, что она справляется.

— Да. Но ей вовсе не нужно справляться, — голос Шеффилда от важности повисился, — Не тогда, когда я рядом. Я вложил достаточное количество заботы и времени в отношения с миссис Кросс. Естественно, что незнакомый джентльмен вызывает во мне защитные инстинкты.

— Естественно, — выдавил из себя Спенсер.

— Вы можете понять, что я сделаю что угодно, чтобы защитить ее.

Спенсер почувствовал угрозу, услышав то, что Шеффилд не произнес — доктор хотел,

чтобы он ушел.

— Полагаю, нет.

— Вы чужой, не важно, что вы состоите в родстве с ее погибшим мужем, — так она так много рассказала ему, неужели? — Незнакомец. Мужчина, истекающий кровью на постели Эвелины.

Спенсер фыркнул. Неужели Шеффилд думает, что он сам себя специально загнал в такое положение?

Доктор резко оборвал нитку на израненной коже Спенсера, связывая концы. Направившись снова к своей сумке, он зашуршал содержимым.

— Я надеюсь, вы закончили здесь свои дела и покинете нас, — произнес Шеффилд, при этом слово «дела» прозвучало с изрядным скептицизмом.

С губ Спенсера все больше желал сорваться колкий ответ. Но вместо того, чтобы ответить, что он уедет лишь тогда, когда будет полностью здоров, Локхарт повернулся на кровати и втянул воздух, улавливая слабый запах Эви на подушке под его щекой. Лимон? Бергамот? Что бы это не было, запах опьянял его.

Улыбка коснулась губ Спенсера. Мысль о том, что он лежит в постели, где она проводила свои ночи, заставила все внутри сжаться.

Шеффилд закончил перевязывать его рану.

Хрипя, Спенсер с трудом повернулся на бок.

— Осторожно не разорвите стежки, — предостерег его Шеффилд, неторопливо складывая свои вещи. — Так, вы кузен покойного мужа миссис Кросс.

Спенсер нахмурился. Он знал уже так много.

— Да, — ответил он, проявляя намеренную рассеянность.

— И как он умер? Этот ваш кузен?

Спенсер прищурил глаза. Шеффилд разнюхивает правду? Подозревает ли он, что Линни придумала мужа? Его прибытие подвело ее под подозрение? Могло случиться именно то, чего она так боялась, но Локхарт не позволил этому разубедить его. Он решил встретиться с Николасом, чтобы лучше узнать ее.

— Разве миссис Кросс никогда не говорит о нем? — спросил он. — Учитывая ваши отношения, я думал, она определенно должна была бы.

Доктор замер, на его бледном лице проступала злость.

В этот момент открылась дверь и миссис Кросс заглянула в комнату. Ее взгляд встретился с его, в голубых глазах светилась решимость, придавая ему дерзость вновь попытаться прогнать ее.

— Что-нибудь нужно, джентльмены?

— Я закончил, — Шеффилд поднялся, его движения были скованными и резкими. — Ваш пациент чувствует себя лучше. Не вижу никакой причины, почему он не может отправиться в дорогу...

— В самом деле, — она прищурила взгляд и быстро зашла в комнату. — И как он поскочет?

Лицо Шеффилда покрылось пятнами.

— Он может взять экипаж в деревне...

— И оставить лошадь? — Спенсер несогласно замотал головой.

— Разумеется, нет, — миссис Кросс посмотрела на своего ухажера, словно тот потерял разум. — Ехать в таком состоянии невозможно. Должно пройти хотя бы несколько дней.

Шеффилд тяжело выдохнул и наклонился к ней ближе, несдержанно прошептал:

— Вы же не хотите сказать, что он останется здесь, Эвелина? Абсолютно незнакомый мужчина в доме с вами, одинокой женщиной... что скажут люди?

Она расправила плечи.

— Я не одна. Здесь Эми, мистер и миссис Мэрдок, тетя...

— Едва ли подходящая компания, — он указал жестом на Спенсера. — После сегодняшнего дня вам следует начинать задумываться о приюте для вашей тети.

— О! — румянец залил ее щеки.

Спенсер нахмурился, глядя на доктора, он спрашивал себя, почему к его вмешательству она проявляет много меньше терпения, нежели к его ухаживаниям. Ей следовало гнать его взащей.

Этот человек явно был туп, поскольку продолжал, то ли не замечая, то ли не обращая внимание на ее возмущение.

— Если этот человек останется с вами в доме, это лишь развяжет злые языки.

Ее глаза вспыхнули.

— Я благодарю вас за заботу о моих интересах, но он остается.

— Прекрасно. Если вы не хотите прислушиваться к голосу разума и признавать мое безошибочное мнение, то хотя бы подумайте о Николасе.

Было очевидно, что доктор еще был не готов признать свое поражение.

Она вскинула голову.

— Я думаю о Николасе.

То, что она произнесла потом, поразило Спенсера, если учесть ее предыдущее рвение к его отъезду.

— Мистер Локхарт — кузен моего покойного мужа. Он родственник Николаса по отцовской линии. И ему здесь рады, он может оставаться сколько пожелает.

— В самом деле? Мистер Локхарт — кузен вашего покойного мужа? — Шеффилд подхватил свою сумку, держа спину так, будто проглотил аршин. — Вы абсолютно в этом уверены?

Затылок Спенсера покалывало в предостережении. Прямо как раньше перед началом атаки. Затишье перед первым залпом пушки на поле боя.

— Что вы хотите этим сказать? — голубые глаза ее сузились.

— Я лишь хочу быть уверен в данном вопросе. В конце концов, я имею на это право.

Ее щеки все еще заливал румянец, голубые глаза сверкали, встав подбоченившись, она требовательно произнесла:

— Тогда, пожалуйста, говорите начистоту.

Эви представляла зрелище, которым можно было восхищаться. Внезапно он смог увидеть, почему Йен никогда так и не освободился от нее.

— Я требую правды, Эвелина! Вы должны мне хотя бы это.

Она вскинула голову.

— О чем, ради всего святого, вы говорите?

Шеффилд указал пальцем на Спенсера:

- *Этот человек отец Николаса?*

Чувство удовлетворения, которое ощутил Спенсер, было абсолютно неуместным. Он знал это, знал, что ему не следует получать удовольствие от обвинений со стороны Шеффилда. Но будь он проклят, если не чувствовал удовольствие от созерцания вспышки ревности в глазах её ухажера.

Однако когда широко раскрытые голубые глаза девушки наполнились ужасом, его удовольствие сразу же испарилось.

Почему она выглядит такой потрясенной? Неужели упоминание о нем, о них, вызывает у неё такое отвращение?

Эвелина в изумлении уставилась, беззвучно, как рыба, открывая рот, и переводила взгляд с него на Шеффилда.

— Николас просто копия этого мужчины, — осуждающе продолжил Шеффилд, всё ещё грозя пальцем. — Любой дурак это заметит!

Её пристальный взгляд обратился к Спенсеру, рассматривая его, не отрываясь, несомненно, пытаясь увидеть мужчину глазами Шеффилда.

Он пожал одним, здоровым, плечом. Веское замечание. Спенсер и Йен часто ошибочно принимались за братьев из-за поразительно похожих темных волос и зеленых глаз.

— Ты отрицаешь это? Отрицаешь, что он отец Николаса? — Шеффилд потряс головой, прищурился, как будто сам её вид причинял боль. — Никакая ты не вдова! Так ведь?

— Осторожнее, Шеффилд, — предупредил Спенсер хриплым голосом.

Краска гнева, выступившая на шее соперника, была единственным свидетельством того, что он слышал слова Спенсера.

— Твое молчание говорит за тебя, Эвелина. Меня принимали за болвана? Я впустую потратил все эти годы, мечтая о будущем с тобой...

Она яростно тряхнула головой, золотисто-каштановые локоны вырвались на свободу, в прелестном беспорядке обрамляя лицо.

— Я не давала тебе никаких обещаний, — с жаром сказала Эвелина, в голосе звенело возмущение. Ему нравилось, как звучал её голос. Слишком нравилось. Даже будучи взволнованным, его страстное звучание возбуждало его.

Изумление отразилось на лице Шеффилда. Он схватил её за руку и развернул её к себе лицом.

— Ты такая глупая? Во что, по-твоему, я всё это время играл?

Не обращая внимания на свою рану, Спенсер приподнялся с кровати.

— Убери от неё руки, — прорычал он.

Он намеревался лишь понаблюдать, позволить ей самой разобраться с таким интересным поворотом событий, но это было до того, как Шеффилд её коснулся. До того, как Спенсер увидел её содрогание. До того, как сомкнувшаяся на её руке рука другого мужчины разожгла в нем холодную ярость.

Не обращая внимания на рану, Спенсер спустил ноги с кровати и вскочил. Широко переставляя ноги, он встал грудью перед Шеффилдом, борясь с головокружением.

— Мистер Локхарт! — сказала она, нахмурившись на него. На него! Неужели она не понимала, что он лишь пытался защитить её?

— Вы не должны вставать, — воскликнула она. — Возвращайтесь в постель.

Его глаза сузились при взгляде на Шеффилда:

— Отпусти её.

Неуверенность промелькнула в глазах мужчины, а пальцы сжались на руке девушки, как бы обдумывая команду Спенсера.

— Ты не имеешь здесь права ничего требовать, — парировал он, хотя голос выдал легкую дрожь. — Кем бы ты ни был.

Взбешенный и разгневанный зверь метался внутри Спенсера, и прежде чем смог себя остановить, он напрямую заявил:

— Я имею здесь все права. Кем бы я ни был, я — часть семьи.

Позволить Шеффилду сделать из этого выводы, которые бы тому хотелось. В тот конкретный момент с первобытным огнем, полыхающим в крови, Спенсер был только рад поддержать заблуждение Шеффилда. *«Позволить ему думать, что я — отец Николаса. Её любовник. Что она принадлежит мне»*. Не подумав, как следует, он выпалил:

— В отличие от тебя, я часть этого.

Безудержная ярость отразилась на лице мужчины. Он отпустил руку миссис Кросс и холодно отступил.

Она сердито смотрела на Спенсера широко раскрытыми глазами, похожими на сверкающий лед. Застывшая. Удивленная. Её рот от потрясения и изумления застыл в форме совершенной буквы О.

— Эвелина, — произнес доктор, приглаживая бакенбарды. — Мы поговорим об этом ещё раз. Когда я восстановлю свое самообладание... и твой гость уедет.

Он повернулся к двери.

Придя в себя, Эвелина шагнула за ним:

— Подожди! Не уходи. Ты не так понял...

Потряхивая головой, доктор стремительно пронесся к двери, захлопнув её за собой.

Она повернулась, остановив горящие глаза на Спенсере, заставив кровь в его венах бежать быстрее.

— Что вы наделали? — она всплеснула руками. — Вы позволили ему уйти, думая, сомневаясь...

Она закрыла глаза на один долгий миг, прижав ко лбу руку, как будто об этом было слишком ужасно думать.

Спенсер пожал плечами, сморщившись от боли при напряжении в месте ранения.

— Мне не понравилось, как он с вами обращался.

— Как он со мной обращался, не ваша забота. Вы мне не покровитель. Я сама могу позаботиться о себе. Я делала это всю свою жизнь, — она убрала руку со лба и направилась к нему. — Как я теперь смогу убедить его, что вы не отец Николаса? — она зарделась. — Что вы и я не... не были...

— Любовниками, — он с готовностью подсказал, и слово прозвучало как рычание.

Она моргнула, удивленная его резкостью. Скользнув по нему взглядом, Эвелина поняла, насколько он был обнажен. Её щеки стали ещё пунцовой. Для леди с опытом она имитировала скромность очень убедительно. Можно было практически поверить, что она была нетронута. Но он знал всё о двуличной сущности женщин. Давным-давно одна девушка, на которой он собирался жениться, принесла ему лишь ложь и предательство.

Больше книг на сайте — Knigolub.net

Сделав глубокий вдох, она тихо спросила:

— Что вы здесь делаете на самом деле?

Ему и самому было бы интересно об этом узнать. Он полагал, что ему предстоит несложная задача. Дело, с которым можно быстро справиться — исполнение обещания, данного Йену, и приятная отсрочка от вступления в общество в качестве нового виконта Винтерса, находящегося в поисках жены. Жалкие перспективы, имеется в виду последний пункт.

— Вы знаете, зачем я здесь. Йен хотел...

— Хотел, чтобы вы устроили скандал? Поставили клеймо незаконнорожденности на его сына?

Её слова потрясли его. Она была права, конечно. Что, черт возьми, он делал, когда позволил тому ослу уйти, думая, что он был отцом Николаса? Что Линни и не вдова вовсе, а падшая женщина?

Её голубые глаза с мольбой взирали на него.

— Я ходила по лезвию бритвы с самого рождения Николаса, добавляя одну ложку к другой до тех пор, пока сама с трудом могла вспомнить, что говорила... или кем я теперь являюсь... — она отвернулась, неистово моргая. Её хриплый смех заставил его содрогнуться. — Верите вы или нет, но не из-за своего стыда я так сильно боюсь... а из-за Николаса, — она встряхнула головой. — Незаконнорожденность — тяжелая ноша.

Не тяжелее, чем считаться шлюхой в глазах общества.

Он действительно был эгоистичным ублюдком, думающим лишь о себе. Если отставить в сторону ранение, он не торопился уезжать, не торопился оставить женщину, которую считал обворожительным предметом для изучения сочетаемых в ней противоречий. Ранимая, но сильная. Невинная, но опытная. В самом деле, мысль, что захватила его прошлой ночью, давила всё сильнее.

Чем больше времени он проводил в компании Эвелины, тем больше она его волновала. Любуясь чувственной полнотой её губ, он представлял, как пробует их на вкус, неспешно наслаждаясь ими.

Он вздохнул. Лишь одно можно было сделать в этой ситуации.

К счастью, он как раз находился в поисках невесты.

Может быть, это было его намерением с самого начала, с того момента, как впервые после отправления в плавание, он засобирался домой. С тех пор, как Йен впервые, сидя у костра, шепотом рассказывал о ней истории.

— Это дело исправить проще простого, — он жестко посмотрел в её озадаченное лицо, прокручивая мысль в голове, пока не облек её в слова, которые решат его судьбу и её.

Слова, которые исполнят его клятву Йену.

Слова, с помощью которых он выполнит свой долг титулу и семье.

Слова, которые помогут удовлетворить его мучительное желание этой девушки.

— Выходите за меня замуж.

Несколько мгновений стояла тишина, повиснув в густом воздухе. На лице Эвелины отразилось потрясение, но продлилось лишь мгновение, сменившись возмущением. Возмущением и чем-то ещё. Чем-то мимолетным и мечтательным. Оно отразилось в её прекрасных глазах и затем исчезло перед тем, как она дала ему пощечину.

Удар руки по щеке гулко прозвенел в воздухе. Эвелина прижала руку к своему телу, сжимая горящую ладонь.

Выходите за меня замуж.

Сгибая руку, она немедленно пожалела о том, что потеряла контроль. Так необычно для неё. Смелые демонстрации эмоций были скорее сильной стороной Фэллон. Эви всегда упрекала ту за это. И вот пожалуйста — ударила человека, которого её тетка ранила стрелой. И всё из-за того, что он имел опрометчивость предложить ей выйти за него замуж?

Её лицо пылало. Девушка плотно прижала руку-виновницу к своему телу, как будто бы та действовала по своей собственной воле, и ей не стоило доверять.

Спенсер дотронулся до своей щеки, приподняв темную бровь.

Её грудь поднималась и опускалась, как если бы она пробежала большое расстояние.

А взгляд внимательно рассматривал его упругое мускулистое предплечье, двигаясь к широкой груди и плоскому, поджарому животу. При взгляде на твердое и жаркое тело во рту то высыхало, то он снова наполнялся слюной.

Она не знала, что бывают такие джентльмены, как он. Он был создан для полей, а не гостиных. Он мог с легкостью раздавить её. И такому мужчине она дала пощечину? Однажды она уже чуть не испробовала на себе кулак мужчины, и это был совсем не тот опыт, который ей хотелось бы повторить.

Несмотря на то, что он смотрел на неё глазами, светившимися дьявольским ледяным зеленым цветом, она не думала, что он собирается вернуть ей пощечину. На самом деле, то, как он смотрел на неё, пробуждало в памяти все самые недозволенные мысли, в которых присутствовали они оба, их прижатые друг к другу тела, её руки, изучающие его восхитительное мужское тело.

Спенсер проговорил медленным, глубоким голосом, от которого в животе как будто запорхали бабочки:

— Не та реакция, что я ожидал.

Подняв подборок, она пыталась вернуть себе хладнокровие. Достоинство.

— А что вы ожидали? Вы так жестоки, чтобы насмеяться надо мной...

— Я не насмехаюсь, — прервал он. — Уверю вас, что женитьба не та тема, к которой мужчина стал бы относиться несерьезно.

Она поджала губы, полагая, что так оно и есть.

Осторожно изучая Спенсера, Эвелина сделала несколько шагов от его внушительной фигуры: большой, мускулистой и мощной. Хоть что-то, чтобы отдалиться от него. Уменьшить его подавляющее влияние на её чувства.

— Вам лучше вернуться в постель. Мне бы не хотелось, чтобы вы свалились.

Его губы дернулись. Спустя мгновение он послушался её, опустившись вниз.

— Я предлагаю свою руку со всей искренностью.

Она пристально смотрела.

— Вы серьезны.

— Если мы поженимся, у вас будет мое имя, моя защита. Любому, кто начнет подозревать, что вы лгали о своем прошлом, придется держать свое мнение при себе, — он сжал губы. — Или навлечь на себя мое неудовольствие.

Нервно покусывая нижнюю губу, она отошла к окну и уставилась на лужайку, где обнаружила его прошлой ночью. Неужели он подумывал об этом уже тогда?

Его голос обволакивал её.

— Подумайте о мальчике.

Эви перевела взгляд туда, где он сидел на кровати. Вид его голой груди заставил её желудок сделать сальто.

— И он является причиной вашего предложения?

Она должна была знать. Ей необходимо было знать, что им двигало. Ведь, безусловно, были люди гораздо достойнее неё.

Эта лишаяющая сил мощь снова была в его глазах.

— Он — сын Йена, мой родственник.

Она кивнула.

— Я понимаю.

И она действительно понимала. Спенсер Локхарт был в родстве с Николасом. Она погрязла во лжи во всем, кроме этого.

— Он заслуживает будущего лучшего, чем вы можете дать ему. Я могу дать ему его. Лучшие дома. Путешествия. Лошади, охота. Лучшие учителя, и когда придет время, он будет учиться в университете, который сам выберет.

Эвелина прижала руку ко лбу, почувствовав внезапную слабость. Это было больше, чем она когда-либо могла мечтать для Николаса. Больше, чем её собственный отец дал ей. Но для этого от неё требуется выйти замуж за этого мужчину, незнакомца с глазами такого пронзительного зеленого цвета, что она едва могла думать, когда он смотрел на неё.

У неё вырвался дрожащий вздох.

— А как же я?

Она должна была знать, должна была спросить.

— Йен любил вас. За это я предлагаю вам защиту своим именем. Я не без средств. Вы никогда не будете нуждаться. Простите, что говорю это, но я считаю, что этот брак будет значительным улучшением по сравнению с обстоятельствами, в которых вы находитесь сейчас.

Но они будут женаты. Связаны перед Богом в этой жизни и следующей. Высокая цена за безопасность.

— Это огромная жертва с вашей стороны.

Он окинул её внимательным взглядом, вызывающим дрожь в коленях и томление.

— Соглашение будет не без выгоды.

Его низкий голос наполнил Эвелину теплотой, чувствовать которую у неё не было никакого права. Он не предлагал ей женитьбу потому, что она привлекала его как мужчину привлекает женщина, на которой она намерен жениться. Делить постель. Честь вынуждала его. Долг. Не важно, как он смотрит на неё прямо сейчас, ей лучше бы помнить об этом.

Он продолжил:

— Из-за смерти моего сводного брата семья надеется, что я женюсь и произведу наследника. Я хочу этого наследника, — Эвелина затрепетала. По блеску его глаз она могла практически представить, как он сказал «Я хочу вас». — Чем раньше, тем лучше. Несомненно, вы способны на это.

Наследники? Он хочет детей. От неё.

Горло у неё сжалось. Страх шипящей змеей проснулся внутри, понуждая отказать ему. Для её же блага. Но она не могла заставить себя ответить отказом. Какой матерью тогда она была бы? Это было бы несправедливо по отношению к Николасу.

— Если я должна обдумать это, то нам следует прояснить некоторые моменты.

Он поднял голову.

— Все моменты, касающиеся брака, довольно ясны.

— Брака да, но что я имею в виду, так это... — глубоко вдохнув, она выпалила: — Я не

могу допустить интимных отношений с незнакомцем.

Его глаза сузились до щелочек, выражающих угрозу.

— Я буду вашим мужем.

— Но всё же незнакомцем.

В его взгляде зажегся опасный огонек.

— Это то, чем занимаются все женатые пары, и даже..., - он резко наклонил голову. —

Неженатые.

Она напряглась, уловив недвусмысленный намек на себя. Прямое попадание. Жгучий стыд охватил девушку.

Он продолжал:

— Вы находите мысль о том, чтобы делить со мной постель, настолько оскорбительной?

Её взгляд скользнул по его мужественной фигуре. Он был хорошо сложен, а она ещё не достигла возраста двадцати пяти лет, не познала удовольствий, которые получают мужчины и женщины. Несмотря на свое прошлое. Воспоминания о пробуждении в темноте и грубых руках не оставляли её. Если бы жена Стерлинга, та самая девушка, которую ей поручено было сопровождать на Барбадос, не обнаружила бы их, тот негодяй закончил бы свое грязное дело.

И к тому же она испытала на себе грубые пьяные ощупывания Хайрама Стерлинга. Она была уверена, что мистер Локхарт никогда не поднимет руку на женщину за отказ на ухаживания. Это в самом деле так.

Мысль о том, чтобы делить ложе со Спенсером Локхартом была далека от оскорбительной. С тех пор, как она встретила его, эта мысль, чувственный голод на грани её осведомленности витали в воздухе. Сама мысль о том, чтобы познать его, о том, что он познает её, посыпала жаркие стрелы в самые сокровенные местечки её тела.

Мужчина перед ней излучал дух авантюры, напоминая, что когда-то она была девушкой, страстно её желающей. Когда она хотела узнать мир. Желудок куда-то ухнул и в животе затрепыхали бабочки. Спенсер был им — приключением, которого она всегда желала, но от которого, велика вероятность, не сможет никогда оправиться. Если теплота в животе могла служить хоть каким-то предвестником, значит, она будет радушно принимать его прикосновения, позволит ему сделать всё, что мужья обычно делают с женами.

Но тогда он узнает.

Женщина не может родить сына, не будучи осведомленной хотя бы приблизительно, что происходит на супружеском ложе. Как она объяснит свою неопытность, свою девственность?

Она прижала руку к животу попытке унять волнение и подняла подбородок.

— Я не могу даже допустить мысли о вступлении в такие близкие отношения. Я едва знаю вас.

Ложь слетела с её губ с удивительной легкостью.

Его зеленые глаза обжигали. Изогнув губы в озорной улыбке, насмешливым тоном, который подразумевал, что он знал, что она лжет, знал, что она может допустить такую мысль, заверил:

— Не волнуйтесь. Вы меня узнаете.

Слова, сам намек в них, наполнили живот приятным теплом.

Эвелина встряхнула головой.

— Если я должна всерьез обдумывать ваше предложение, я должна иметь ваше слово, что вы не станете... — она сделала паузу, облизнув губы. В животе сжалось ещё сильнее при виде того, как он проследил за движением её языка. Прочистив горло, она закончила:

— Я должна иметь ваше слово, что вы не станете от меня требовать этого.

— «Требовать»?

Она резко кивнула.

От его зеленых глаз повеяло холодом.

— Мне нет толку от женщины, которая менее, чем готова. На свете полно других, которые примут меня в свою постель с расprostертыми объятьями.

Жар обжег щеки Эвелины. Его слова не должны были причинять боль, но, тем не менее, причиняли.

Он продолжил, при этом голос был такой же холодный, как и его взгляд.

— Я никогда не брал женщину, которая меня не желает. Не собираюсь начинать этого и со своей женой.

Жена. Это слово потрясло её. Неужели она делала это?

Его рука лениво кружила по своему упругому животу. Она, как зачарованная, не отрывала взгляда от этого движения.

— Но это не значит, что я не стану вас переубеждать. Как я уже сказал, мне нужен наследник.

Её пульс подскочил, а взгляд вернулся к лицу мужчины. Она боялась, что Спенсер был прав, и одним лишь взглядом сможет убедить её сделать, что угодно.

— М-мне нужно время.

Может быть, вечность.

Он оценивающе окинул её взглядом.

— Мне нужна жена в истинном смысле этого слова. По крайней мере, пока вы не произведете наследника. Затем мы сможем смягчить наше соглашение.

— Смягчить соглашение?

— Конечно. Я никогда не подписывался на брак по любви. Оставим это для романов и мечтательных девиц. Брак — дело практичное. Так к нему и надо относиться. Вы сможете вести жизнь, какую вам будет угодно. И где будет угодно: в городе, деревне. Сможете путешествовать, если захотите, — он пожал плечами, как если бы это имело небольшое значение.

— А вы?

— Буду делать то же самое, конечно.

Она внимательно его рассматривала, взвешивая возможность жить с ним, делить постель, если только на короткое время. Это определенно уменьшит риск того, что он узнает правду, учитывая, что она смогла скрыть это от него во время уже случавшихся между ними интимных моментов. Можно пережить что угодно, когда перед тобой маячит конец.

Она крепко сжала ладони.

— Как много времени потребуется, прежде чем мы сможем жить... отдельно?

На какое-то мгновение он выглядел раздосадованным, но затем лицо превратилось в холодный мрамор.

— Я полагаю, это зависит от того, насколько решительно и часто мы будем выполнять задание по производству наследника.

Её щеки запылали.

— Конечно.

— Конечно, — вторил он ровным и любезным тоном.

Эвелина вдохнула. «Ты сошла с ума? Как ты можешь даже думать о том, чтобы выйти за него замуж? Делить с ним постель?» Заставив шепчущий внутренний голос замолчать, она спросила себя, как она не может об этом думать. Как она может отказаться от этого ради Николаса? Он предложил её сыну будущее. Не говоря уже о том, что наступит конец их бедственному положению. Не придется больше беспокоиться об истощающихся в кладовой запасах. Она совершит сделку с дьяволом за такую защищенность.

Скрестив руки на груди, она подняла подбородок.

— Очень хорошо. Я согласна.

Некоторое время он оценивающе на неё смотрел, затем кивнул.

— Мы уезжаем завтра.

Её руки упали.

— Завтра? — она указала на его тело, лежащее в её кровати. — Вы не в том состоянии, чтобы путешествовать.

— На лошади нет, но нам будет достаточно удобно в экипаже.

— Я не смогу подготовиться к завтрашнему дню.

Потребуется больше одного дня, чтобы объяснить происходящее всем домочадцам и передать им все дела.

Он нахмурился.

— Тогда послезавтра мы отправимся в Шотландию.

— В Шотландию?

Эвелина потрясла головой. Всё происходило слишком скоро, становилось реальностью слишком быстро. Она сжала руки ещё сильнее.

— Вы знаете более быстрый способ пожениться без специальной лицензии? — он внезапно усмехнулся, обнажив белые и блестящие зубы.

Она моргнула.

— Почему вы выглядите таким довольным?

— В один день я смог и исправить дело чести от имени моего кузена, и уладить утомительное дело по поиску невесты.

— О! — абсолютно разочарованная, Эви направилась к выходу.

Конечно, он не стал бы улыбаться потому, что женится на ней. Это было бы нелепо. Сколько мужчин радовалось бы при вступлении в брак с настоящей незнакомкой? Он ничего не знал о ней, а то, что он о ней знал, было не о ней, а о Линни.

Их брак был для него вопросом чести. Холодным расчетом. И ничем больше. Она сделает всё, чтобы помнить об этом. Через несколько месяцев они оставят этот фарс позади и продолжат каждый свою жизнь.

Улыбка на губах Спенсера увяла, как только дверь захлопнулась за миссис Кросс, будущей леди Винтерс. Он содрогнулся, вспоминая, что не упомянул этого факта. Это было сделано ненамеренно. Он и сам едва об этом помнил. Формальное обращение звучало странно и чуждо для него. Лишний ненавистный титул, который принадлежал сначала его отцу и братьям. Он никогда не предназначался для Спенсера. Факт, о котором ему не забывали напоминать каждый день. И всё же надо было сказать. Не то, чтобы он считал, что Эвелина будет против. Какая женщина откажется от титула перед своим именем?

Спенсер тряхнул головой. Неужели он на самом деле сделал предложение драгоценной Линни Йена? И более того, неужели он поставил перед ней условие о наследнике, которого необходимо зачать как можно быстрее?

Он хрипло рассмеялся. Он мог говорить, что им движет долг, но будьте уверены, что сам-то страстно желал сорвать с миссис Кросс убогие одежды и неспеша познавать её... для самого себя открыть всё её скрытое очарование. Желание зарыться в её мягкость не имело ничего общего с необходимостью в наследнике, а было связано лишь с желанием обладать ею.

Он осторожно переместил свой вес на кровати, помня о пульсирующем плече. Испытывать вожделение к женщине Йена никоим образом не могло служить почтением его памяти. И всё-таки он, кажется, не может остановить свои распутные мысли.

Его вина несколько смягчалась при мысли, что он сможет обеспечить сына Йена. Причина, которой уже достаточно, чтобы взять Эвелину в жены. И знакомство Линни с его мачехой, что положит конец её матримониальным интригам, имело определенную привлекательность. Без сомнения, Адара тоже приложила руку к этим интригам. Она будет пристально рассматривать ту, что заняла её место в качестве леди Винтерс.

Пять лет назад Спенсер был раздавлен, когда Каллен объявил о своей помолвке с Адарой на ежегодном семейном рождественском балу. Особенно учитывая тот факт, что за день до этого девчонка согласилась убежать с ним. После отъезда из Англии он никогда не задумывался о возвращении. Никогда не задумывался о встрече со своими братьями-выродками, бессердечной мачехой или вероломной Адарой снова.

Без малейшего предупреждения дверь широко распахнулась.

Тетка миссис Кросс прошествовала в комнату, два ярких пятна украшали её тонкую, как пергаментная бумага, кожу лица.

— Что вы замышляете? — потребовала она ответа.

— В данный момент? — он выгнул бровь и шутливо ответил. — Оправиться от стрелы, которую вы выстрелили мне в спину.

Она фыркнула.

— Но вы же живы, не так ли? — она ткнула в него изогнутым морщинистым пальцем. — Итак, Эви говорит, что вы хотите жениться на ней.

— Так и есть.

Её влажные голубые глаза сузились.

— С чего бы это вам хотеть этого? Вы же знаете, что её репутация загублена, — она изобразила в воздухе удар. — Она сказала мне, что вам всё известно. И позвольте сказать вам, что известно мне. Мне известно, что ни один мужчина не захочет обеды другого

мужчины.

Прелестно.

— По всей видимости, я хочу.

С презрительным фырканьем она скрестила тонкие руки на худой груди.

— Я не доверяю вам.

— Отец мальчика был моим родственником.

Она качалась на каблуках.

— А, так это честь вами движет, значит?

— Ваша внучатая племянница согласилась выйти за меня. Она доверяет мне. Всё остальное не имеет значения. Даже ваше одобрение, — он наклонил голову. — Хоть и желательно, но необязательно.

Её тонкие седые брови высоко взлетели, практически достигнув линии волос.

— Да уж. И разве вы не высокомерны после этого? — изогнув палец, она указала на него. — Учтите, я буду следить за вами, — она пристально разглядывала его лицо. — Привлекательная мордашка и красивые глазки меня не обманут. Обидишь её и в следующий раз моя стрела, возможно, найдет дорогу к твоему сердцу.

До того, как Спенсер успел ответить на эту зловещую угрозу, она, не дав ему сказать ни слова, решительно умчалась из комнаты, чуть не сбив по дороге довольно крепкую миссис Мэрдок, когда та заходила.

— Думаю, — шутливо сказал он экономке, глаза которой от удивления широко раскрылись, — что если бы она оказалась на передовой, война закончилась бы гораздо раньше.

Миссис Мэрдок тихо засмеялась.

— Это точно, сэр.

Она поставила поднос на столик у кровати. Струйки пара поднимались над чашкой густого супа. Отойдя назад, она прочистила горло.

— Она волнуется за нашу девочку. Как и все мы. Никто из нас не хочет, чтобы она совершила ошибку. А это та разновидность ошибки, за которую женщина может расплачиваться всю жизнь.

Он сурово кивнул.

— Верно. Но справедливо и то, что мужчина также может страдать.

— Не стану отрицать, но при всем уважении, когда брак дает трещину, у женщины остается гораздо меньше выбора, — она пожала одним округлым плечом. — Мир принадлежит мужчинам. Я видела многих женщин, раздавленных... — она помедлила, осматривая его фигуру, растянувшуюся на кровати её госпожи, — неудовольствием мужа.

— Я не причиню ей боли, — пообещал он. — У меня слишком много уважения к памяти кузена, чтобы сделать такую вещь.

— А что если это уважение будет потеряно? — прервала она, сдвинув от беспокойства брови. — Что если вы узнаете, что она не... — она замолчала, отведя взгляд в сторону.

— Что она не...? — подсказал Спенсер.

Она подняла на него глаза, в которых светилась решительность.

— Что если окажется, что она не та женщина, на которой, как вы думали, женитесь?

Как он может разочароваться? Мог ли он даже требовать узнать её? Он знал только, что она была Линни Йена. Матерью ребенка Йена. И больше ничего. Ему и не надо было знать что-то ещё. Этого достаточно.

Ах, ты знаешь что-то ещё. Кое-что больше этого. Ты знаешь, что хочешь её. Ты хочешь иметь с ней близость. Так, как имел эту близость Йен.

Прогнав эти мысли из головы, он ободряюще улыбнулся экономке.

— Верно, что я не знаю её достаточно, чтобы впоследствии наказать за то, что она не соответствует моим ожиданиям. У меня нет ожиданий.

Ничуть не переубедившись, она кивнула и направилась к двери.

— Приятного аппетита.

— Спасибо, — пробормотал он.

Положив руку на задвижку, она помедлила.

— В противоположность тому, что вы сказали, у вас есть ожидания. Признаете вы это или нет. Даже осознаете вы это или нет. Они есть у всех.

Дверь со щелчком захлопнулась. Спенсер уставился на темное дерево панели. Когда слова экономки прокручивались в голове, к нему закралось сомнение.

Что он действительно знал о женщине, на которой собирался жениться?

«А что тебе необходимо о ней знать?», — прошептал тихий голос. Он думал, что знал Адару, её сердце и душу. К счастью, ему удалось избежать этой западни.

Тряхнув головой, он взялся за ложку. Пожалуй, миссис Мэрдок была права. Кое-что он знал о своей невесте, у него действительно было одно ожидание.

Он заполучит её в свою постель.

Милли Андерсон, деревенская прачка, снимала комнаты у кузнеца. Ходили слухи, что кузнец получал арендную плату наверху в её личных покоях каждое воскресенье после возвращения из церкви. Плата отдавалась не в обычной форме.

Знать избегала Милли, и Эви очень сочувствовала её ситуации. Линни подверглась бы такому же остракизму, если бы мир узнал о её падении с точки зрения приличий. Эви сама могла бы повторить такую судьбу, если бы отсутствие у неё мужа было обнаружено. Угроза подобного скандала всегда будет висеть над ней дамокловым мечом.

Будучи абсолютно убежденной, что Милли поможет ей, Эви осторожно постучала в дверь. Сквозь широкую трещину просачивался свет, пока его не загородила тень. Резкий запах навоза поднимался от конюшен снизу.

— Да? — спросил голос изнутри.

— Мисс Андерсон? Это Эвелина Кросс.

Через мгновение дверь открылась. Эви вглядывалась в женщину с холодными глазами. Она была хороша собой. Возможно, когда-то красива. Кожа век обвисла; лицо было серым там, где не было растерто до красноты и ссадин. Белоснежные пряди пронизывали темную косу, перекинутую через плечо.

Выдохнув, Эви объявила:

— Мне нужна ваша помощь.

Милли выгнула бровь, помедлив лишь мгновение перед тем, как широко распахнуть дверь и пригласить Эви внутрь.

Внутри её приветствовала скудная комната. Одна кровать, незаправленная. Стол, стулья, большой таз со сколами на подставке. Истрепанный диван стоял недалеко от медленно тлеющего в камине огня. Милли неуклюже хлопнулась на его изношенные подушки, подвернув под себя ногу.

Она дернула подбородком в сторону Эви.

— Что привело такую изящную даму сюда? Я не привыкла развлекать леди.

Эви прочистила горло и устроилась на другом конце дивана.

— Вы знаете, кто я?

— Да, я знаю, кто вы. Вы та, кто живет с этой старой крысой мисс Гертрудой, — Милли шмыгнула носом и высморкалась в свой запачканный подол.

Эви дотянулась до своей сумочки, приготовившись заплатить за услугу, о которой собиралась попросить, деньгами. У неё было немного средств, но она полагала такие расходы необходимыми. Если она должна была выйти замуж за Локхарта, значит, ей нужен опытный советник.

— Мне нужна информация.

— От меня? — пробормотала Милли низким и скептическим голосом.

— Интимного характера.

— Ах, — улыбнулась женщина. — Полагаю, что знаю парочку вещей интимного характера.

Эви покраснела румянцем, пытаясь сформулировать свой первый вопрос.

— Я слышала, что вы можете.

— Я была любовницей богатого человека, — поделилась Милли. — Моя жизнь не всегда была такой.

Её уставшие глаза с отвращением пробежались по комнате.

— Если поверите, я служила аристократу. Даже любила его преданно в течение почти пятнадцати лет, — её глаза заблестели.

Эви сжала пальцы на сумочке:

— Что случилось?

— Он забрал у меня всё. Мою молодость. Мою красоту, — уголки её рта побелели. — Он использовал меня, да, он так сделал, а затем вышвырнул, когда закончил, — она махнула рукой. — Никогда не считала обручальное кольцо настолько важным. Я всегда насмехалась над щепетильными матронами, вышагивающими по Бонд-стрит. У меня были другие драгоценности: изумрудные ожерелья, рубиновые броши, — она фыркнула. — Но я не сказала ничего для вас нового. Вам ведь известно, что значит быть покинутой женщиной. Даже если и смерть тому причина. Разница невелика, так ведь? — её взгляд изучал лицо Эви в поисках подтверждения этого.

— Нет, — прошептала Эви. — Одна значит одна.

Милли кивнула.

Эви не знала этого наверняка, но она точно знала, что смотря на достойную жалости Милли Андерсон, видела в ней Линни. Она видела, что могло бы случиться. Если бы она не была осмотрительной, что бы было сейчас.

Её сестра никогда не пережила бы такой жизни. Не выдержала бы и двух недель. Эви благодарил Бога, что оказалась там, чтобы помочь. Так что Линни могла прожить свои последние годы в мире и спокойствии в качестве жены богатого человека. Так что Эви получила преимущество быть матерью Николаса, даже если она и жила с вечным чувством страха, что закончит так же, как Милли Андерсон: парией, избегаемой обществом, в случае, если правда когда-нибудь выйдет наружу.

Крякнув, Милли запахнула поношенную шаль плотнее.

— Так что же у вас за дело ко мне?

Эви сглотнула ком в горле и выпалила:

— Судьба оказалась благосклонна ко мне, предоставив ещё один шанс выйти замуж.

Брови Милли взлетели вверх:

— Да уж, несомненно. Но что вы хотите от меня?

— Я отправляюсь в Шотландию, — она снова сглотнула вернувшийся назад ком. —

Выйду замуж до конца недели.

— Мои поздравления, — Милли поднялась и приоткрыла решетку, чтобы добавить ещё угля из своих убывающих запасов.

— Да, но я немного волнуюсь из-за... первой брачной ночи...

Мили обернулась, нахмурившиеся брови перечеркнули усталые линии лица.

— Вы же были с мужчиной ранее. Чего же здесь бояться?

Эви зарделась.

— Да, это было некоторое время назад. Тогда меня едва можно было назвать женщиной.

— Всё так плохо, да?

Щеки Эви заалели как маков цвет.

— Нет, — поспешила она ответить. — Я просто была молода. Неопытна. Действительно, это всё... как будто покрыто пеленой.

— Разве в первый раз не всегда так?

— Мне бы хотелось, чтобы это было лучше... более незабываемое, — на этих словах она задохнулась. — Мне бы хотелось быть, — «не девственницей», — естественной во время процесса.

— Понятно, — Милли пристально рассматривала свою гостью, в то время как та боролась со своей суетливостью.

Чтобы заполнить повисшую тишину, она спросила:

— Вы не могли бы дать несколько советов, с помощью которых я могла бы показаться более искусной? — она облизнула губы. — И доставить ему удовольствие?

Так, чтобы он не заметил, насколько она скорбно неумела и не пришел к логичному заключению.

Закусив губу, Эви ждала.

Губы Милли подрагивали.

— Ну, у меня есть парочка подсказок, которые всегда у меня срабатывали, — она откинулась на диване, вытянув руку вдоль спинки. — Хотя они могут оскорбить ваши возвышенные чувства.

Эви покачала головой:

— Пожалуйста, говорите откровенно. Я готова.

— Точно?

Мысли Эви направились к мужчине, спавшему в её постели. Была ли она готова?

К браку?

К нему?

Она заерзала на диване, внезапно забеспокоившись:

— Да, — она глубоко вдохнула. — Пожалуйста, продолжайте.

Часом позже Эви покинула комнату Милли Андерсон с пылающим лицом и трепетом в районе живота.

Ей было трудно воспринимать всё, что женщина сообщала, как факты. К сожалению, или к счастью, в зависимости от того, как на это посмотреть, сведения Милли включали детальные описания, в результате чего в голове Эвелины возникли живые образы.

Возмутительные образы Эви и Локхарта, разыгрывающих каждый из описанных непристойных сценариев.

Теперь, когда она была обо всем осведомлена, сможет ли она вести себя так смело? Сможет ли она вытворять все вещи, о которых рассказывала Милли? Чтобы убедить Локхарта в своей опытности, есть ли у неё выбор?

Внизу выстроившиеся в ряд стойла издавали такое зловоние, будто бы их не чистили целый год. Зажав нос рукой, она поспешила к выходу, резко остановившись, когда на её пути возник дородный кузнец.

Вытирая руки об испачканный кожаный передник, он придвинулся ближе.

— Хорошо поболтали с Милли, миссис? — его глаза нахально осматривали её фигуру.

— Да, достаточно, — она подняла подбородок, рассматривая его с подкатывающей тошнотой и думая о бедной Милли, поджатой под этой потной массивной тушей. При этой мысли она выудила из сумочки монету, которую отказалась принять Милли.

— Позаботьтесь о том, чтобы свежий уголь доставлялся к мисс Андерсон каждый день.

Прищурив глаза, он схватил монету.

— И вы будете доставлять только уголь... не себя, — она поморщила нос. — Нежеланную для неё персону.

Его мясистая губа завернулась над грязными зубами.

— Какая вам разница, что происходит с какой-то проституткой?

Рассматривая красное круглое лицо кузнеца, она просто не могла смириться с мыслью, что Милли приходилось терпеть его ухаживания.

— Если она не сможет заплатить за аренду, обратитесь ко мне, — вымолвила она. О том, как объяснить подобные расходы мужу, она подумает позже.

— Соглашение между мной и Милли меня вполне устраивает.

Свинья.

— Если вы отказываетесь от моих денег, уверена, мы сможем найти мисс Андерсон жильё где-нибудь ещё. Может быть, ваша жена сможет порекомендовать нам другую квартиру?

— Очень хорошо, — со злостью сказал он, его румяное лицо теперь пылало.

Эви ослепительно улыбнулась, чувствуя внутри себя облегчение.

— Спасибо. Всего хорошего.

Она запахнула шаль поплотнее и отправилась домой. Впервые будущее не казалось ей таким уж мрачным. Она справилась с этим делом — справится и с мужем.

Правильно это или нет, она позволила себе ощутить надежду. Что значили несколько месяцев, когда она и её обожаемый мальчик получали пожизненную защиту?

Локхарт присоединился к Эви этим вечером за обедом на двоих. Это была идея миссис Мэрдок. Обычно обед был шумным и громким событием, в котором ведущую роль играл её сын. Все они обедали за одним столом: тетя Герти, чета Мэрдок, Эми и Николас.

Эвелина не могла платить Мэрдокам и Эми должную зарплату в течение практически года. И те оставались лишь из любви и по доброй воле. Принимая это во внимание, Эви не позволяла, чтобы за столом прислуживали. И все же сегодняшним вечером миссис Мэрдок настояла на том, что будет прислуживать, заявив, что данный вечер требует большего внимания. Она даже заставила Эми уложить Николаса спать пораньше... оставив Эви ужинать наедине со своим будущим мужем.

Спенсер сидел напротив неё как истинный военный. Его твердые губы были жесткими, без намека на улыбку, когда он неподвижно сидел на стуле. Неисправимый солдат... или он просто пожалел о своем предложении? Она не знала, не знала его достаточно для того, чтобы рискнуть предположить.

Эви жевала безвкусный для неё ужин, пытаясь не беспокоиться о будущем. Всё уже решено. Они отбывают послезавтра. Локхарт хотел бы уехать раньше, но у него не было ни шанса против упрямой миссис Мэрдок. По мнению экономки, он будет готов вынести путешествие не раньше. Никто не предложил пригласить Шеффилда, чтобы узнать мнение специалиста по этому вопросу.

Всё решено. Она станет замужней дамой ещё до конца недели. Эви взяла маленький стакан с хересом и выпила его залпом. Увидев это с места, на котором стояла вдоль стены, обделанной панелями, миссис Мэрдок широко раскрыла глаза.

Её будущий муж надменно выгнул бровь.

— Как вам камбала? — звук её голоса, прорезавшего тишину, почти напугал её саму.

Он поднял глаза:

— Замечательно. Очень вкусная.

Она кивнула, будучи рада хотя бы этому. Миссис Мэрдок совершила маленькое чудо, обменяв свою особенную вытягивающую мазь на свежую рыбу в деревне. Иначе вечерней едой было бы рагу. Миссис Мэрдок знала толк в том, как экономить запасы.

Спенсер изучал Эви так пристально, что практически пугал. Её взгляд устремился на его рот. Полные, четко-вырезанные губы для мужчины. Мужчины, который, казалось, неспособен на улыбку. Он был привлекательным, это правда, но таким мужественным! Её мысли вернулись к разговору с Милли.

Захочет ли он когда-нибудь, чтобы её губы коснулись...

Она тряхнула головой, чтобы избавиться от этих постыдных мыслей.

Спенсер хотел заполучить её в свою постель. Он признал это. Она затрепетала, прижав руку к чрезмерно разгоряченной щеке. Нет, нуждался. Ему было нужно заполучить её в свою постель. Ему нужен был наследник. Он ничего не сказал по поводу желания. Это большая разница, и она сделает всё, чтобы помнить об этом. Даже если он очаровал её и заставил чувствовать тепло в местечках, о которых она не подозревала, она должна сохранить их брак пристойным.

В этот момент в комнату ворвался Николас в ночной рубашке, шлепая босыми ножками, извиняющаяся Эми следовала за ним по пятам. Взобравшись на колени Эви, не обращая

внимания на блюда, которые задел локтями, он потребовал свой поцелуй на ночь.

Пока Локхарт в повисшей тишине смотрел, Эви осыпала поцелуями милое личико сына, убрав локон темных волос, падающих на его лоб.

— А теперь отправляйся в кровать.

Николас помедлил перед тем, как вернуться к Эми, остановив любопытный взгляд на Локхарте.

— Вы собираетесь жениться на моей маме?

Эви вдохнула и бросила вопрошающий взгляд на Эми. Подруга пожала плечами.

Ей следовало бы подготовиться к этому. Николас был не по годам развитым ребенком, и сегодня она объяснила ему, что уедет ненадолго, а затем, когда вернется, будет уже замужней дамой. Всё же Эви не думала, что он всё поймет. Будучи малодушной, она посчитала, что будет лучше оставить его со смутным чувством приближающихся перемен. Она не хотела отказываться от всего удобного и привычного. По крайней мере, не сразу.

Её будущий супруг серьезно посмотрел на её сына:

— Да, Николас, собираюсь.

— Значит, вы будете моим папой?

Эви моргнула. Такой невинный вопрос. Но услышав его из уст ребенка, почувствовала, как будто ей нанесли удар. Неужели он так сильно хотел отца?

— Да, — снова ответил Локхарт твердым голосом.

Она закрыла глаза, будучи благодарна за такой ответ, за решительное обещание, что светилось в его взгляде.

— Ты бы хотел этого? — добавил он.

Николас поднял голову.

— Я не знаю. А вы возьмете меня на рыбалку?

— Если захочешь.

Николас неистово закивал.

— Очень хочу. Мистер Мэрдок берет меня на рыбалку, но я ещё никогда не рыбачил с папой.

У Эви вырвался дрожащий вздох.

Довольный Николас направился к Эми, остановившись в последний момент, чтобы броситься к Локхарту. Без приглашения взобравшись на его колени, он прижался маленьким ротиком к его щеке.

— Спокойной ночи.

— Спокойной ночи, — ответил Локхарт, его губы теперь немного смягчились, практически сложившись в улыбку. Его глаза также изменились, мягко светясь, когда он смотрел, как Николас спрыгивает с его колен и покидает столовую.

Снова оставшись с ним практически наедине, если бы не присутствие миссис Мэрдок, Эви не отрывала взгляда от гороха в масле в своей тарелке. Она медленно передвигала вилкой блестящий лук-севок, сосредоточившись на том, чтобы подавить зарождающееся в горле рыдание.

Неужели она всё это время была такой глупой, убеждая себя, что Николасу не нужен отец? Что он не хочет его? Что он никогда не будет чувствовать его отсутствие?

Эви сильно встряхнула головой. Ему ещё нет и пяти лет, а он уже понимает, что в его жизни не хватает папы.

Все имеющиеся сомнения исчезли. Он устремила на Спенсера Локхарта свой взгляд.

Николасу нужен был этот мужчина. Этого было достаточно. Достаточно того, что её сын нуждался в нём.

Даже если она нет. Даже если она не могла позволить себе чувствовать к нему ничего, кроме благодарности. Преданности, которую жена испытывает к мужу.

Она не могла позволить себе нуждаться в нем, и не могла рисковать больше, чем уже себе позволила. Она не могла рисковать своим сердцем.

После ужина Эви в одиночестве гуляла по саду, думая о человеке, занимающему ночами её спальню. Он пытался вернуть ей её комнату, но она отказалась и разместилась в маленькой продуваемой сквозняком комнате для гостей. Рана от стрелы практически исцелилась, и Эви не могла позволить ему свалиться с лихорадкой.

Она вдохнула холодный ночной воздух и пристально вглядывалась в аккуратные ряды её неплодородного огорода. Ворон поблизости не виднелось. Её губы дрогнули. Тетя Герти будет довольна.

Она будет скучать по этому месту. В течение последних лет она чувствовала себя здесь в безопасности. После Барбадоса ей очень сильно было необходимо почувствовать себя в безопасности. И иметь цель. Мысль об отъезде, даже на короткое время, заставила её почувствовать себя, как ребенок, готовящийся расстаться со своим любимым одеялком. Увеличивая шаги, она растерла руки от свежего воздуха.

Скоро. Скоро она вернется. Замужем, конечно, но во всём остальном неизменившаяся. Ну, может быть, с ребенком, если Локхарт достигнет цели. Её сердце сжалось — ей совсем не нравилось становиться племенной кобылой для какого-то мужчины. Выкинув из головы это отвратительное сравнение, она напонила себе, что будет более чем вознаграждена. Пожизненная безопасность для Николаса и неё, для всех зависимых от неё, было веской причиной.

Но где же любовь? Желание и привязанность между двумя людьми?

Воспоминание о руках Локхарта всплыло в памяти. Она так ясно видела их — сильные, с широкими ладонями, с островками волос на крепких запястьях. За ужином они притягивали её взгляд. В животе как будто начали порхать бабочки, когда она вспомнила... представила, как эти руки будут неторопливо двигаться по её телу.

Так-так. Желание отсутствовать, может, и не будет. По крайней мере, с её стороны.

Она возьмет всё от проведенных с ним месяцев, будет делить с ним ложе до тех пор, пока он либо не устанет от неё, либо она не забеременеет. Она получит от их соглашения столько удовольствия, сколько сможет, и смирится, когда оно подойдет к концу.

Она не могла винить его в том, что он использует её. Не в том случае, когда она сама его использует.

Не в том случае, когда она не могла предложить ему полную откровенность.

Эви задрожала и поплотнее укуталась в шаль, понимая, что её дрожь может быть вызвана причинами иными, чем прохладный вечер.

Вздыхая, она продолжила прогулку, желая быть такой же храброй, как Фэллон. Невозмутимой, как Маргарит. Её подруги не чувствовали бы этого цепенеющего страха, который спускался по спине и оседал в желудке как тонна кирпичей.

Она хотела бы быть хоть немного похожей на прежнюю себя. На девушку, что запрыгнула на корабль, направляющийся на Барбадос, готовую покорить мир. Та девушка ухватилась бы за идею выйти замуж за притягательного, загадочного мужчину... мужчину, от которого у неё поджимались пальцы ног в туфлях.

Её взгляд скользнул на окно в спальне. Слабый свет виднелся там. Она вернулась мыслями к вечернему ужину, к тому необъяснимому напряжению в воздухе. К Локхарту... Спенсеру. Мужчине, который мало разговаривал, но много говорил своими внимательными зелеными глазами.

И она знала. Чувствовала это своим существом.

Он был отчасти, вернее, полностью виновен в том, что её желание вернулось. Что часы повернулись вспять и вернулась прежняя Эвелина. Девушка, готовая охватить жизнь и приключение. Его.

Внутренняя дрожь ушла, сменившись закипающим теплом, когда она представила, что всего лишь через несколько дней будет спать в одной кровати со Спенсером Локхартом. Ну, может, спать как раз и не будет.

— Это правда?

Эви обернулась, чувствуя себя Ромео, застигнутым за разглядыванием окна комнаты Джульетты.

Перед ней стоял доктор Шеффилд, худая грудь которого поднималась и опускалась, как будто бы он пробежал большое расстояние. Обратив внимание на отсутствие шляпы и его растрепанные волосы, она заподозрила, что он и в самом деле примчался из дома сломя голову.

— Шеффилд, — пробормотала она, засовывая под шаль и энергично растирая руки. — Что ты здесь делаешь?

Бессмысленный вопрос, призванный лишь дать ей дополнительное время, передышку, хоть и недолгую.

Эвелина знала, почему он пришел.

До него дошли вести о том, что она выходит замуж за Локхарта. Миссис Мэрдок, вероятно, упомянула что-то об этом сегодня в деревне. Такие сплетни распространяются со скоростью света.

— Шеффилд? — переспросил он. — Я думал, мы покончили с формальностями давным-давно, Эвелина.

Она слегка зарделась.

— Ну конечно, Питер.

— Это правда? — язвительно проговорил он, чеканя каждое слово.

— Я не понимаю, о чем ты, — солгала она. Она прикрыла глаза медленно, мучительно, прекрасно понимая, что он имел в виду, но всё же надеясь избежать надвигающейся ссоры.

Шеффилд быстро подошел, схватив её за руку.

— Не прикидывайся глупой, — прошипел он ей в лицо. — Ты должна мне ответить. Я — посмешище для всей деревни!

Эвелина задыхалась от жестокости в его голосе, от грубости его хватки. Она никогда не видела его таким. Вид его покрытого красными пятнами лица послал сигнал тревоги и вернул страх, который ей довелось почувствовать лишь однажды. Но за этим страхом последовало ещё одно чувство. Гнев.

Она не будет жертвой снова.

— Отпусти меня! — её голос прозвучал властно, без намека на вежливость.

— Нет, пока не получу объяснения, которого заслуживаю.

Его голос, его лицо... она была в смятении. Все эти годы она считала Питера добрым. Настоящим другом. Да, он заслужил объяснения, но он не имел права обращаться с ней

таким образом.

Она покрутила рукой, пытаясь вывернуть её из его безжалостной хватки.

— Ты делаешь мне больно.

Что-то сродни боли промелькнуло в его взгляде:

— Не так, поверь, как мне делаешь больно ты.

Делает ему больно? Он должно быть шутит! Несмотря на его ухаживания, она никогда не думала, что он действительно её любит. За эти три года он никогда не стремился к объяснению.

— Я ничего тебе не обещала, Питер. Напротив, я советовала тебе найти достойную девушку.

— Да, действительно. Может, тебе стоило немного больше рассказать о нем, — он резким жестом махнул в направлении дома. — Если бы ты упомянула, что ждешь его возвращения...

— Я не ждала его!

По крайней мере, это правда. Как она могла знать, что однажды объявится прошлое её сестры? Она не рассматривала даже такой возможности. Насколько она знала, Йен Холкомб бросил Линни.

— Питер, пожалуйста...

— Я ждал все эти годы тебя.

— Тебя никто не просил, — прервала она, разозлившись.

— Я думал, ты горевала. Я не хотел на тебя давить.

Эвелина тряхнула головой, расстроенная ощущением своего бессилия.

— Что ты хочешь от меня, Питер?

Он ослабил свою хватку, больше не причиняя ей боли. В его глазах горело душевное волнение, заставляя её чувствовать себя настоящей негодяйкой.

— В тот самый момент, как я увидел тебя, я знал, Эвелина..., - его голос прервался, сорвавшись.

Боже мой, неужели он правда испытывал к ней привязанность? Неужели она была так слепа? Или просто безразлична?

Горячий стыд затопил Эвелину.

— Питер, — прошептала она. — Мне так жаль. Я никогда не намеревалась сделать тебе больно.

Он устремил свой горестный взгляд на её лицо.

— Немного поздно для этого. Ты так не думаешь?

Её губы двигались, пытаясь найти подходящий ответ. Она подняла ладонь и положила её на его руку, схватившую её.

— Мне так жаль. Мне так жаль, что я не могу вернуть тебе время, потраченное на меня, но я не сомневаюсь, что молодая леди с безукоризненными качествами где-то ждет тебя. Ты действительно самая блестящая партия.

Он медленно кивнул, касаясь рукой бакенбард с одной стороны лица и открывая рот для ответа, когда посторонний голос, пошатнув хрупкое согласие, которого она достигла с Питером, прорычал:

— Убери от неё свои руки.

Эви оторвала взгляд от Питера, уставившись во все глаза на своего будущего мужа. С практически виноватой поспешностью она убрала свою руку с руки Питера. К сожалению,

тот её жест не повторил. Даже наоборот его хватка только усилилась.

Соединение их рук было единственным местом, на которое Локхарт, казалось, смотрит.

Спенсер глядел на свою будущую жену в объятиях другого мужчины, а его кулаки тем временем то сжимались, то разжимались. Мрачно усмехаясь, Спенсер задумался: а не совершил ли он роковую ошибку?

Соперничать с призраком кузена, которого он любил и по которому до сих пор горевал — это одно, но иметь дело с человеком из плоти и крови, появившимся, чтобы снискать привязанности его будущей жены — совсем другое.

Привязанность, черт побери! С каких это пор ему потребовалась привязанность? Он же считал, что его единственные требования к будущей супруге — это верность и способность произвести на свет наследника.

Неведомое ранее чувство обожгло Спенсеру глотку и проникло в кишечник подобно мутной, бурлящей пене. И чем дольше он смотрел на нее, то есть на них, тем сильнее становилось это чувство.

Как еще можно истолковать ее влюбленный взгляд и нежный голосок, когда эта женщина общалась с Шеффилдом? Точно так же невозможно ни с чем спутать и кипящую в его венах ярость.

Так она любила его? Во рту появился неприятный привкус. Хороший врач, который исправно ухаживал за ней все эти годы?! В то время, когда его кузен увертывался от пуль, дышал орудийным дымом и думал только о ней, говорил только о ней и прожужжал Спенсеру все уши рассказами о ней, о ней, о ней?!

Если Эвелина влюблена в него, почему же не вышла за Шеффилда замуж? Или он недостаточно богат?

Он поймал пристальный взгляд Шеффилда. Спенсер, не мигая, жестко и настойчиво смотрел на него, надеясь взглядом поведать этому человеку, что он сделает с ним, если тот не уберет от Эвелины свою руку. В глазах Шеффилда мелькнуло понимание. Поражение.

Наконец Шеффилд отвел взгляд, его ладонь соскользнула с ее руки.

— Мне пора, Эвелина, — он кивнул со сдержанной учтивостью, его лицо исказилось, глаза стали пустыми. Безжизненными. — Поздравляю с предстоящим бракосочетанием.

— Благодарю, — чуть слышно прошептала она. Почему бы это? От стыда? Или ей грустно? Сожалеет, что выкинула этого человека из своей жизни?

Теперь, когда они остались одни, Эвелина осторожно поглядела на Спенсера.

— Впечатляет, — съязвил он.

Она покачала головой.

— Что именно?

— Как же?! Завоевать безоговорочную преданность двух мужчин. В таком юном возрасте. С такой скоростью вы соберете целую коллекцию поклонников, не достигнув и тридцати лет.

Она поплотнее завернулась в шаль.

— Вы, конечно же, говорите о Йене и Питере.

Его губы скривились.

— А что, есть и другие, о которых я еще не знаю?

Ее подбородок резко дернулся.

— Конечно, нет.

Она кивнула вслед ушедшему Шеффилду.

— Я никоим образом не поощряла Питера. Я ничего ему не обещала...

— Однако он все же влюбился в вас, верно? Поведайте мне, что в вас так сильно влечет мужчин?

Он задрал голову и принялся пристально рассматривать ее.

Даже в полумраке он смог различить румянец, окрасивший ее щеки, и бешено бьющуюся на шее жилку. Им завладела безумная жажда коснуться и присосаться губами к этому месту. Спенсер закрыл глаза и отвернулся. Он действительно сошел с ума, если так сильно захотел свою будущую жену. Тем более, что он намеревался оставаться с ней лишь до тех пор, пока она не понесет наследника.

Только привязанности ему еще не хватало! Жены предназначены для того, чтобы вести домашнее хозяйство и проводить сезоны в Лондоне. Балы, приемы, походы по магазинам на Бонд-Стрит. Он не намерен втягиваться в светскую жизнь, чтобы всякие там длинноносые сплетники хлопали его по спине, обзывали героем и приглашали выступить в своем загородном клубе. Спенсер стремился к уединению — управлять своим именем и удалиться в Нортумберленд, где бы он мог обрести относительный покой, где его сны не будут заполнять видения умирающих людей и разрывающихся артиллерийских снарядов.

— Я не соблазняла Питера. Мы с ним — хорошие друзья. Только и всего.

Только и всего! Да тут было все и не только. Особенно учитывая, что мужчины слетались на нее как пчелы на мед.

В эту секунду Спенсер поклялся себе, что не станет еще одним воздыхателем в ее списке — очередным глупцом, упавшим к ее ногам.

Вероятно, он женится на ней, но останется непоколебим. Он не станет в нее влюбляться. Не позволит этим голубым глазам заманить себя в ловушку.

— Вы настолько уверены в этом? — потребовал ответа Спенсер.

Она склонила голову, золотисто-коричневые пряди ее волос в полумраке отливали черным.

— Можно ли по-настоящему любить человека, который не отвечает тебе взаимностью? Я бы не стала называть это любовью. Я бы назвала это безумной страстью.

А она умна. Спенсер удивился, почему Йен ни разу не упоминал об этом. Он превозносил ее красоту, изящество, кротость и утонченность. Но ее ум — ни разу. Неужели эта женщина так сильно изменилась? Или Йен никогда по-настоящему не понимал ее?

— А про Йена что тогда скажете? — потребовал ответа Спенсер. Он не хотел ее уязвить, но его вопрос прозвучал именно так. — Он любил вас. Я могу это засвидетельствовать. Вы отвечали на это чувство, или же это был всего лишь юношеский каприз?

Она замерла, а Спенсер, едва не поперхнулся от собственной глупости: зачем было спрашивать, когда ответ и так очевиден. Конечно, она любила Йана. Иначе, почему за столько лет она так и не вышла замуж?

— Я... — она открыла рот, пытаясь что-то сказать. — Да, — в конце концов, ответила она. — Это была любовь. Истинная и неподдельная. Такая встречается лишь раз в жизни.

Великолепно! Ее чувства бесповоротно связаны с прошлым. С Йеном. Чем дальше, тем больше их брак обретал черты суровой прозы жизни. Она не станет тосковать по его любви и ласке. Она не стала бы печалиться, предложи он ей всего лишь минутную страсть. Да он и не стал бы ей ничего предлагать. От человека в нем осталась лишь оболочка: его сердце и душа

затерялись где-то там — на поле боя в Крыму.

И все же, стоя здесь, в сумраке сада, эта опустевшая оболочка страдала, глядя на женщину, которая должна была выйти замуж за его кузена, но станет его женой. Хотя он и намеревался через несколько месяцев покинуть ее, все же Спенсер хотел оставить на ней свою метку. Заклеймить ее.

Он чувствовал себя вором. Жалким негодяем, задумавшим поскорее затащить ее в постель и заставить позабыть Йена. Йена и всех прочих мужчин, включая Шеффилда.

— Надеюсь, что в будущем вы станете прилично вести себя с вашим чрезмерно заботливым доктором.

— Прилично вести себя? — ее голубые глаза полыхнули огнем в темноте. — В чем это вы меня обвиняете?

— Я, вне всякого сомнения, помешал вашему любовному свиданию. Хотя вы и утверждаете, что не любите его, вы явно питаете нежные чувства к этому человеку, — Спенсер ходил вокруг нее. — Раз уж мы решим расстаться, вы можете захотеть вернуться к нему, разве не так?

— Возможно, — призналась она.

Спенсер остановился прямо напротив нее.

— В таком случае, я не позволю, чтобы вы заигрывали с ним таким образом, как я только что видел.

Она рассерженно скрестила руки на груди.

— Почему это вас так волнует? Вряд ли наш брак будет настоящим.

Его взгляд переместился на ее губы.

— Он будет очень даже настоящим.

— На некоторое время, — Эвелина едва заметно кивнула, соглашаясь с ним.

Спенсер поднял руку и провел пальцем по ее пухлым губкам. Так приятно!

— Вполне настоящим. Даже не сомневайтесь, вы выйдете за меня и... разделите со мной брачное ложе.

Она отшвырнула его ладонь и отшатнулась от него.

— Так вот каково ваше толкование настоящего брака? Брак подразумевает нечто большее, чем осуществление брачных отношений.

— Может относиться к этому, как вам угодно. После того, как мы расстанемся, и вы возвратитесь сюда... или еще куда-нибудь, вы все равно останетесь моей женой, а я не намерен становиться рогиносцем.

Его рука сжалась в кулак. Спенсер поразился внезапно накатившему на него обжигающему чувству собственника.

Стоя рядом, он увидел, как дрожат ее губы. Пристально глядя на него, Эвелина вздернула подбородок, стоя пред ним, словно тонкая прямая колонна, если к ней можно было применить такое сравнение.

— Не бойтесь. Я не опозорю вас. Я буду вести себя согласно всем правилам этикета. Да я даже и не думала поступать вразрез с общепринятыми правилами.

— Ну, что ж, — Спенсер вскинул голову, в нем зрело какое-то опасное чувство, — тем более, что вам не впервой.

Она ахнула.

Спенсер крепко зажмурился, злясь на самого себя. Какой чет дернул его сделать это злобное замечание? И так ясно, что Эвелина уже сбилась с пути истинного. Он и сам не

святой. В отличие от остальной части светского общества, Спенсер не являлся приверженцем безоговорочного соблюдения дамами нереальных моральных норм.

Или он ревнует, что она согрешила с Йеном? Но если бы не это, то его бы теперь здесь не было. Он бы даже не знал ее.

Эвелина шагнула назад, явно готовясь к бегству, и Спенсер не винил ее за это.

Она уставилась на него, словно на какую-то грязь, прилипшую к подошве ее туфли.

— Давайте-ка прямо сейчас кое-что проясним. Разве я должна при каждой встрече отчитываться в моем прошлом? Вы так и будете всю жизнь порицать меня за это?

Черт возьми!

— Линни, — начал, было, он.

— Нет, нет, — она подняла руку и расставила свои изящные пальчики, жестом прося его помолчать. — Пожалуйста. В конце концов, вы правы. Я не могу претендовать на благопристойность. По крайней мере, не в том смысле, как вы это себе представляете. Я — всего лишь наивная, глупая девчонка, которую ваш кузен обесчестил, прежде чем уехать на войну. А вы, — она смерила его взглядом, — благородный родственник, жертвующий себя на алтарь супружества.

Ее голубые глаза ослепительно вспыхнули.

— Вы, должно быть, так гордитесь этим.

— Я этого не говорил...

— Нет, но имели в виду, — ее голос задрожал, и на Спенсера словно сквозняком повеяло. — Вот вам правда.

Поплотнее натянув на плечи шаль, она обошла Спенсера, стараясь держаться от него подальше, и прошла мимо него вся преисполненная чувства собственного достоинства.

Спенсер остановил Эвелину, положив ладонь ей на руку.

Он ни за что не допустит этого; он не позволит ей уйти. Этой незнакомке, на которой он собирается жениться. Он чувствовал, несмотря на все, о чем рассказал ему Йен, ему еще предстоит узнать и понять эту женщину. Он почти ничего не знал об этом умном и храбром создании с огнем в глазах и выразительным лицом, на которое жизнь наложила свой неповторимый отпечаток. Он не знает о ней ничего. Пока не знает. Однако он намерен исправить это положение.

Упрямо выдвинув твердый, маленький, узкий подбородок, девушка сердито посмотрела на все еще удерживающую ее мужскую руку, потом — на его лицо. Спенсер сторгал от желания схватить ее за руку, притянуть к себе и попробовать на вкус эти губы, чтобы убедиться в том, что они и впрямь такие же нежные, какими кажутся.

— Вы хотели бы еще что-то добавить? — прошипела она. — Я думаю, что для одного вечера сказано уже вполне достаточно. Пожалуй, завтра мы сможем начать новый день с обмена свежими оскорблениями.

Он усмехнулся. Господи боже, да она же злючка!

Даже сквозь шерстяной рукав женского платья он чувствовал, как трепещет ее теплая плоть. Эвелина возбуждала его. Он вспомнил о покладистой служаночке в гостинице. Может, ему следовало согласиться на ее предложение. Потому что в данную минуту, ощущая близость Линни, прикасаясь к ней, он с невероятной силой хотел обладать ею. Глубина этого желания вынуждала его перейти к делу. Схватить и заявить на нее свои права.

Спенсер притянул ее поближе к себе. Она подчинилась, упав ему на грудь. Едва почувствовав сквозь ее уродливое одеяние нежное прикосновение женских сосков, он тут же

ощутил томление в чреслах. Девушка откинула голову, вглядываясь в его лицо. Ее сверкающий взгляд тихо вопрошал. Спенсер рассматривал длинные ресницы, черной паутиной обрамлявшие ее яркие голубые глаза. Ему хотелось увидеть, как они потемнеют. В его постели. Вот бы заглянуть ей в глаза, когда их тела сплетутся вместе в пароксизме страсти.

Возбужденный, дрожащий, он отпустил ее руку, будто обжегшись.

Эвелина смотрела на него широко раскрытыми глазами.

— Уходи, — прорычал он. — Убирайся отсюда, Линни.

— Замолчите! — она тяжело дышала, грудь ее вздымалась. — Не называйте меня так. Я — Эви, — она облизнула губы. — Никто не зовет меня Линни.

Она отвела взгляд и вдруг добавила уже более спокойно:

— Больше никто.

Он отрывисто кивнул. Он уже слышал, что другие люди звали ее «Эви» и думал, что это просто один из вариантов для имени «Эвелина». Он не догадывался, что теперь она предпочитала только это имя.

— Эви, — произнес он, пробуя слово на вкус, смакуя его.

Это ее вполне устраивало. Линни больше подходило для маленькой девочки. Он рассматривал ее стройное тело, грудь, спрятанную под лохмотьями, которые она именовала платьем. Эви была женщиной. Соблазнительнейшей женщиной.

— Эви, — повторил он, приподнимая упавшую ей на щеку прядь волос и заправляя ее за ухо.

Ее зрачки блестели во тьме, взгляд неуверенно блуждал по его лицу. Воздух вокруг них гудел от напряжения, потрескивая и угрожая вот-вот взорваться. Словно тлеющие угли. В его глазах что-то вспыхнуло и погасло. Неумная жажда обладания немого отступила.

Спенсер склонил голову, их губы почти соприкасались.

— Эви, — выдохнул он. Ему понравилось, что он может называть ее иначе, нежели. Йен. Линни принадлежала Йену. А Эви — только ему.

— Да.

Ее ответ смешался с его дыханием. Спенсер пожирал глазами ее лицо, каждую его черточку, каждую линию.

— Зови меня Спенсером.

— Спенсер, — прошептала она, снова глядя на его рот.

Он кивнул, наслаждаясь тем, как нежно звучит его имя на ее устах.

— Эви, — снова повторил он. — А теперь я намерен поцеловать тебя.

Его слова зависли в воздухе, вспорхнули и растаяли.

Ее глаза широко раскрылись, однако она не пошевелилась, когда Спенсер наклонил голову. Он легко коснулся ее губ, осторожно пробуя на вкус их теплую, пьянящую нежность. Она отвечала ему как-то нерешительно, словно впервые. Похоже, ее давненько никто не целовал.

Кровь забурлила в его венах. Спенсер содрогнулся, едва сдерживая вожделение.

Она прижималась к нему, предлагая себя, и он сломался. Обняв ее одной рукой за шею, а другой за талию, Спенсер подхватил девушку на руки.

Крепко удерживая ее за шею, он наклонил ей голову и прижался к ее мягким губам, раздвигая их и проникая языком внутрь.

Его ладонь ощущала нежность ее кожи. Шелковистые завитки щекотали тыльную

сторону его руки, в то время как он крепко удерживал ее, а его поцелуй становился все глубже. Изголодавшись по женскому телу, он жаждал большего. Спенсер с трудом оторвался от ее губ и приник к шее, то облизывая, то осторожно покусывая местечко, где неистово бился ее пульс.

Жалобный стон сменился потрясенным вздохом.

Словно испугавшись собственной реакции, Эвелина отвернулась. Слишком уж быстро все закончилось.

Он неохотно отпустил ее, позволив ей соскользнуть вниз вдоль его тела.

Она, словно пьяная, вырвалась из его объятий, прижав дрожащую ладонь к губам. К губам, вкус которых он все еще ощущал.

Спенсер сжимал и разжимал ладони. Его руки сами собой тянулись к ней, стремясь прижать к себе и снова ощутить ее стройное, податливое тело.

Словно какая-то непонятная боль застыла в ее широко раскрытых глазах, когда Эвелина снова посмотрела на него.

— Еще не время. Я еще не успела привыкнуть к тому, что выйду за вас... к... к тому...

— К тому, что будешь спать со мной, — тут же продолжил Спенсер.

Или она бы предпочла, чтобы он вел себя как-то иначе? Спенсер тяжело дышал. Его грудь вздымалась.

— Я сообщил тебе о своих требованиях. Чтобы это не стало чем-то неожиданным.

Она покачала головой. Обласканные солнцем завитки волос, выбившиеся из ее незамысловатой прически, словно ореолом обрамляли ее лицо, отчего она казалась совсем юной и неопытной. Чрезвычайно соблазнительно.

— Мы еще даже не поженились.

Спенсер ничего не мог с собой поделать. Он откинул голову назад и расхохотался. Громкий смех наполнил сад, эхом отдаваясь вокруг. Значит, Эвелина боится, что поцелуй до свадьбы опозорит ее? Притом, что до этого она позволяла себе куда большее? С Йеном?

Ее глаза вспыхнули от гнева, она понимала значение его хохота.

Даже в сумраке он заметил легкую краску стыда на ее бесстрастном лице. Из ее горла донесся какой-то звук, эдакое тихое животное рычание. На этот раз он успел заметить взмах ее руки, но, в отличие от предыдущего случая, успел ее перехватить. Он сжал ее изящные пальчики в своей ладони. Такие тонкие, что сожми чуть сильнее — и сломаешь.

Она заскулила и попыталась вырваться.

— Один раз ты уже ударила меня, — выпалил Спенсер. — Не надо этим злоупотреблять.

Она рванулась сильнее. Румянец неровными пятнами покрывал ее щеки. А у нее есть характер, надо отдать ей должное.

— Сам не злоупотребляй. Нечего обращаться со мной, словно с проституткой.

— Приходится согласиться, — Спенсер легонько кивнул, словно не в силах отрицать ее утверждения.

По какой-то непонятной причине, она снова и снова вынуждала его попрекать ее прошлым. Это сбивало его с толку. Он не упрекал ее, он сам определенно не являлся образцом нравственности. Напротив, он происходил из древнего рода отъявленных мерзавцев. Справедливости ради, пару раз он даже причислял себя к ним. До войны он был таким же сумасбродным и закоренелым в грехе, как и большинство представителей его семейки по мужской линии, подавая надежды пополнить ряды негодяев.

И все же то, что было у нее в прошлом с Йеном, мучило его. Вынуждало бросаться гневными, необдуманными словами. Спенсер печально вздохнул, злясь на самого себя.

Он разжал пальцы и отпустил руку Эвелины.

— Иди, — приказал он.

Она не шелохнулась.

— Уходи же! — рявкнул он.

Оставив его в саду, она пустилась наутек, словно испуганный заяц. Несколько секунд он стоял, запустив пальцы в свои волосы. Завтра он отправится в Нортумберленд — единственное место, где он всегда чувствует себя как дома. Там они, скорее всего, заночуют, прежде чем отправиться в Шотландию.

Строя планы на будущее, он пытался унять волнение в груди. Во время войны он мечтал о возвращении в Эштон-Грэйндж. Когда-то его мать еще мальчишкой привозила его туда... хорошие были деньки. Он надеялся хоть отчасти возродить то время.

Только теперь с ним будет его жена. Эви.

Спенсер потер ладонью бедро. Он услышал, как в где-то далеко захлопнулась дверь, и понял, что Эвелина ушла. Пока ушла. Вскоре она не сможет никуда убежать. Очень скоро она будет принадлежать ему.

Словно очнувшись ото сна, Эви подняла голову и выглянула между раздвинутыми шторками.

— Что это за место?

— Эштон Грейндж. Поместье досталось мне от матери.

Спенсер слегка покачнулся на сидении, когда экипаж свернул на подъездную дорогу.

— Это все, что у меня от нее осталось, если не считать немногочисленных мрачных воспоминаний.

Он покачал головой, его изящное лицо слегка исказилось в хмурой гримасе.

Эви обнаружила, что смотрит, не отрываясь, на его красиво очерченный рот. Почувствовала, как при воспоминании об их поцелуе ее губы затрепетали и раскрылись в едва слышном вздохе.

За время их путешествия к северу Эвелина почти ни о чем другом не думала. Она даже представить не могла, как сильно это может взволновать ее. Насколько болезненным окажется ее желание вновь соприкоснуться с ним губами.

Она закрыла глаза — где же ей набраться долготерпения? В ее ушах звучал голос Милли, а в голове крутились недвусмысленные образы. Где-то в груди, под тугим корсетом зародилась горячая волна, захлестнувшая ей шею, лицо...

В мыслях она видела себя обнаженной в объятиях Спенсера: их ноги сплетались, а губы трепетали, оставляя обжигающие поцелуи...повсюду. На всех сокровенных местечках, которые, как ей теперь известно — благодаря Милли — можно ласкать, целовать, любить.

Щеки Эвелины пылали, дыхание участилось. Смутившись от того, что Спенсер может обнаружить, сколь унижительно он на нее воздействует, она поспешно вернулась к созерцанию пейзажа за окном кареты, благо, что они как раз остановились перед обширным загородным домом.

Его голос в закрытом пространстве кареты будто перышком зашевелил ей кожу:

— Мы переночуем здесь.

Хотя Спенсер и говорил ранее, что хорошо обеспечен, Эвелина определенно не ожидала, что он владеет чем-то подобным. С огромными сводчатыми окнами и, окружавшей его, безупречно подстриженной живой изгородью, Эштон Грейндж выглядел так, словно в нем жила какая-нибудь герцогиня, вроде Фэллон.

Эви стало подташнивать. Деньги и собственность приносят статус и влияние. Но она ничего этого не хотела. Общество всегда тщательно следит за своими наиболее привилегированными членами. Только этого ей не хватало... тогда уж точно кто-нибудь выкопает на свет божий кое-какие факты, которые лучше предать забвению.

Мистер Мэрдок соскочил со своего места на крыше кареты, чтобы открыть дверцу экипажа; он выглядел настолько усталым, что Эви почувствовала укол жалости. Этому человеку нужно было отдыхать у собственного камина, положив ноги на скамеечку, а не носиться в зимнюю стужу по северу Англии на крыше кареты.

Должно быть, Спенсер прочел ее мысли. Или возможно сам заметил усталые морщинки вокруг глаз мистера Мэрдока.

— Мэрдок, завтра вы можете вернуться в Литл-Биллингс. У меня здесь есть экипаж. А кто-нибудь из моих лакеев проедет с нами остаток пути.

Мэрдок гаркнул в ответ на это предложение:

— Я не оставлю хозяйку одну...

— Она не будет одна. Она будет под моим покровительством. Начиная с этого момента, я стану о ней заботиться.

Очевидно, это не устраивало Мэрдока. Он впился взглядом в Эви, вопросительно изогнув густую, похожую на толстую гусеницу, бровь. Спенсер напряженно посмотрел на Эвелину, выжидая, что та ответит. Доверится ли она ему, как и долженствует жене, или нет.

Эви кивнула.

— Все будет в порядке, — она мельком взглянула на Спенсера. — Я буду в безопасности.

Заметив, что его рот искривился в порочной усмешке, Эви засомневалась: уж не оговорилась ли она.

В этот момент парадная дверь распахнулась. Перед ними появилась высокая, краснолицая женщина.

— Спенсер? — она бросилась вниз по ступенькам. — Это ты, мой мальчик?

И прежде чем Спенсер смог ответить, она распахнула ему свои объятия, демонстрируя почти неприличную привязанность.

— Миленький мой! Мой дорогой, милый мальчик! Вот уж не думала, не гадала, что мои старые глаза увидят тебя еще раз. Ах, дорогой, ты здесь, а в доме не хватает половины прислуги. Мне нужна неделя, чтобы все организовать должным образом...

Спенсер похлопал ее по спине, украдкой поглядывая на Эви.

— Как здесь хорошо, миссис Брукс. И не беспокойтесь. Мне следовало предупредить о своем визите.

— Ай-ай, следовало бы, — пожурила она. Женщина приподняла и крепко сжала обеими руками лицо Спенсера. — Ах, ты только посмотри на себя! Ты же весь в мать. Каким великолепным красавцем ты стал.

Наконец она соизволила обратить внимание на Эви.

— Кого это ты с собой привез?

— Это Эвелина Кросс. Поутру мы с ней отправимся в Шотландию. Чтобы пожениться.

Миссис Брукс всплеснула руками. Не успела Эви толком поздороваться, как эта крупная женщина сгребла ее в свои объятия.

— Ах, девчушка! Я всегда знала, его суженая от нашего паренька никуда не денется.

— Ну, вы, миссис Брукс, полегче! Я бы хотел получить ее обратно целой и невредимой.

Миссис Брукс отступила назад, выпустив Эви из своих проворных рук.

— Простите меня. Я совершенно потеряла голову.

— Мы устали с дороги, миссис Брукс.

— Конечно, — она махнула рукой Мэрдоку, чтобы тот оставил их багаж в покое. — Любезный, предоставьте это дело одному из лакеев и ступайте на кухню. Там вас покормят.

Лучезарно улыбаясь, она подхватила свои юбки и повела Спенсера и Эви в дом.

— Я мигом вас обоих устрою.

Эви украдкой посмотрела на шедшего рядом Спенсера: его лицо сохраняло невозмутимое выражение, одной рукой он поддерживал ее за локоть.

Странно, но она воспринимала эту руку на локте, как нечто естественное. Миленько!

— Повариха приготовит «пастушью запеканку» [7]...

— Ага, я ее прекрасно помню. Ничего вкуснее я не ел.

Миссис Брукс мрачно кивнула.

— Все из-за красного вина. Она добавляет его с избытком.

В холле Эви изо всех сил пыталась не разинуть рот при виде хрустальной люстры. Это шикарное безобразие не поместилось бы ни в одной из комнат ее дома. Она зажмурилась от внезапно появившихся солнечных лучей, словно приветствующих их появление, пробудивших ее от грез и напомнивших, что все это не по-настоящему. Ничего этого на самом деле нет: ни его руки на ее локте, ни его, ни ее... ни их двоих в этом мавзолее, собирающихся вскоре пожениться.

Да и откуда ему взяться-то — этому настоящему? Ведь так? Этот мужчина ее не знал и возможно никогда не узнает. С теми-то увертками и отговорками, что стоят между ними. И уж точно не в брачном союзе, лишь отдаленно напоминающем супружество, да и продлится эта пародия всего несколько месяцев.

Когда они стали подниматься по лестнице, его рука сместилась от локтя Эвелины к талии. Она вздрогнула; лишь одно его прикосновение разнесло ее выдержку в пух и прах. На краткий миг, лишь на долю секунды, Эви захотелось, чтобы все это оказалось правдой, а не притворством. На мгновение она задумалась: а не признаться ли? Может рассказать Спенсеру, кто она такая? И кем не является?

Вдыхая, Эвелина последовала по коридору за миссис Брукс; ее будущий муж горделиво шествовал рядом. Губы Эви безмолвно шевелились, пока она воображала, как произносит те слова: «Я не Линни».

Нет. Она не может рисковать. Она не может себе позволить потерять Николаса. По пути Эви разглядывала пышную обстановку дома. Совершенно очевидно, Спенсер вполне мог отобрать у нее сына [\[8\]](#). На один судья ему бы не отказал. Особенно в пользу женщины, которая даже не является Николасу родной матерью.

Сохрани она свою тайну — она сохранит и Николаса. Что касается ее брака, она изо всех сил постарается стать Спенсеру хорошей женой. Сколько бы они не пробыли вместе. Если верить Спенсеру, долго это не продлится.

А теперь ей следует сосредоточиться на том, как пережить предстоящую ночь.

Чуть позже тем же вечером Эви взяла расческу и энергично провела по волосам, зацепившись за колтун. Ее отражение в зеркале поморщилось. Тем не менее, она продолжила расчесывать золотисто-коричневое облако волос, пока кожа на голове не зазудела, а пряди не начали потрескивать.

Вероятно, завтра они пересекут границу Шотландии. Завтра они должны пожениться. Завтра Эви добавит очередную ложь к всевозрастающему нагромождению вранья.

Она всегда находила оправдания своему решению занять место Линни. Ведь Николай нуждался в матери, а Линни не могла с этим справиться — только не без поддержки отца и Джорджианы. Однако Эви, по их мнению, щадить не стоило.

Так или иначе, она не думала, что Спенсеру доставит удовольствие узнать, что он собирается жениться на старшей единокровной сестре Эванджелины Косгроу. И не важно, насколько бескорыстными были мотивы ее неискренности.

Не в силах и дальше смотреть на себя, Эви отложила щетку для волос и поднялась со стула. Ей еще не хотелось спать и, потирая руки, она отвернулась от широкой кровати под балдахин.

Что-то бормоча себе под нос и пребывая в твердом убеждении, что где-то поблизости есть библиотека, она схватила свой пеньюар, Накинув его на плечи, Эви вышла в коридор,

намереваясь найти хорошую книгу, чтобы отвлечься.

Спенсер жадно наблюдал за Эви из своего тайного убежища в «вольтеровском кресле» [9], стараясь не спугнуть ее, ненароком обнаружив свое присутствие в библиотеке, и одновременно попивал бренди.

Он затаил дыхание, когда Эви встала на цыпочки, потянувшись за стоявшим на книжной полке тонким томиком. Он никогда не видел ее распущенных волос и упивался видом волнистых прядей, касавшихся кончиками округлых изгибов ее ягодиц. В неярком свете ее волосы мерцали, словно мед под лучами солнца. Ладони Спенсера горели от непреодолимого желания зарыться в эти густые локоны. Отблески тлеющих угольков в камине прекрасно обрисовывали ее силуэт. Он пожирал взглядом высокую грудь, просвечивавшуюся сквозь пеньюар. Изящный вид ее грушевидной попки был и по-прежнему соблазнительным. Ладони ныли от возбуждения — вот бы самому потрогать эти формы.

Спенсер шевельнулся, поглаживая себя через халат. Это уже ни в какие ворота не лезет: тверд как камень. И от того, что он почти голый, никакого толку. Стоит лишь дернуть за пояс халата, и он освободится от него. Стоит сделать всего один шаг, и он окажется прямо позади нее, отделяемый от нее лишь тонким хлопковым пеньюаром. А приподняв подол, он мог бы прижаться к ней всем телом и потереться об ее очаровательно-круглую попку.

Держа книгу в руках, Эви опустила на пятки, перелистывая страницы. Ее ягодицы подрагивали — невероятно чувственно. Решительно кивнув, она повернулась, намереваясь уйти.

Этого Спенсер был не в силах вынести. Ну, уж нет!

— Не спится?

Она слегка вздрогнула от неожиданности и выронила книгу себе под ноги.

— Спенсер. Я тебя здесь не заметила.

Пламя камина осветило ее лицо. С распущенными волосами она выглядела по-другому. Моложе. Свежее лицо казалось нежным и куда менее чопорным.

— Тебе давно следовало быть в постели, — проворчал он. — Завтра нам предстоит долгий день.

— Я могла бы тебе сказать то же самое.

Спенсер поднес бокал к губам и сделал щедрый глоток, наслаждаясь обжигающим прикосновением спиртного к глотке. Эви с опаской посмотрела на него, ее взгляд блуждал вдоль его вытянутых перед собой ног.

— Я скоро лягу, — он жестом указал на стоявший подле него маленький палисандровый столик [10]. — Хочешь выпить?

Спенсер перегнулся через подлокотник и наполнил стоявший на подносе пустой бокал.

— Может, это поможет тебе заснуть.

Она открыла рот, чтобы, как он предположил, отказаться, но потом притихла. Удивив его, она только пожала плечами и шагнула вперед, чтобы принять бокал. Их пальцы соприкоснулись, между ними словно искра проскочила.

Шумно вздохнув, она опустилась в кресло напротив него, стиснув бокал обеими руками, и осторожно отпила глоток.

— Когда ты рассчитываешь прибыть на место?

— Гретна-Грин в двух шагах от границы.

Она кивала головой, а ее взгляд задумчиво блуждал по комнате, вдоль книжных полок у

стен, потом добрался до куполообразного потолка красного дерева.

— Тебе повезло получить этот дом в наследство от матери. Куда удобнее, чем постоянный двор.

— По мнению моего отца, она была одной из его величайших ошибок, — его губы искривились. — А ошибался он частенько.

— Отчего же твоя мать была величайшей?

— Он утверждал, что она ему не пара. Отец отчасти стыдился ее. В семье матери водились кое-какие деньги — им принадлежала фабрика в Морпете, но ее провинциальность и неспособность принять его многочисленные любовные интрижки... — Спенсер пожал плечами.

Эви притихла и сделала еще один глоток.

— Должно быть, твой отец когда-то очень ее любил. Поначалу, — пробормотала она.

Спенсер расхохотался, тихо и неприятно, словно ему было не до смеха.

— Да уж! И ее и всех остальных жен. Он их всех любил поначалу. Поначалу он замечал лишь их красивые личики.

Ее глаза удивленно распахнулись.

— Сколько же жен было у твоего отца...

— Четыре. Моя теперешняя мачеха Камилла была четвертой и последней. Она продержалась дольше всех. Она лучше других понимала его... привычки, его бесконечную ложь.

— Ложь, — необычно тихо повторила Эви.

— Да, он был искусным лжецом — ему не было равных в умении убедить женщину, что он любит лишь ее одну.

Спенсер невольно презрительно скривил губы.

— Он был способен кого угодно в чем угодно убедить. Даже меня. Иногда я даже воображал, что небезразличен ему.

— Судя по твоим словам, он был неприятным человеком.

Спенсер замолчал, закашлявшись.

— Когда мне было шесть, я застал своего отца с помощницей повитухи [\[11\]](#). Незадолго до этого моя мать разрешилась мертворожденным сыном.

Эви задохнулась от ужаса.

— После этого она недолго прожила. Две недели. Потом появилась Камилла. К счастью для нее он первым отправился на тот свет.

Вытаращив глаза, она отхлебнула бренди из своего бокала и сморщилась.

— Уж не хочешь ли ты сказать, что твой отец...

— Был убийцей?

Она молча кивнула, несомненно шокированная перспективой выйти замуж за человека, чей отец убивал своих жен и насаждал вокруг себя лишь ложь да злобу.

— Нет. Просто обстоятельства складывались так неудачно. Его первая жена скончалась в горячке. Вторая — из-за несчастного случая с каретой. Третья..., — при этих словах его горло сжалось, — моя мать так и не оправилась от родов.

А его отец тем временем совокуплялся в соседней комнате с другой женщиной.

— Я сожалею.

Спенсер хмыкнул.

— А он нет. Ее смерть позволила отцу жениться на Камилле.

Эви откашлялась и сделала еще глоток. Спенсеру хотелось знать: приняла ли она во внимание все им рассказанное. Этот брак приведет Эви в его мир — в мир, о котором ей ничего не известно. В мир, о котором она сочла целесообразным немного расспросить.

— Ты выглядишь испуганной.

Она метнула на него пристальный взгляд.

— Передумала?

— Конечно, нет. Каждый обитатель Литтл-Биллингс видел тебя и, похоже, пришел к тому же заключению, что и Питер. Тут не над чем раздумывать.

— Может, мне стоило убедить Шеффилда, что я не отец Николаса, а всего лишь похожий на него родственник.

Ее глаза удивленно расширились.

— Так ты передумал?

— Я? Нет.

Она облизнула губы.

— Вот именно. Это для Николаса самый лучший выход. И не похоже, что предстоящий брак слишком сильно изменит нашу жизнь.

Она улыбнулась, ее губы подрагивали.

— Ты так думаешь?

Она закрыла глаза, улыбка ее таяла на глазах. Она со звоном поставила стакан рядом с собой на стол.

— Не похоже, что это будет настоящий брак. Это скорее напоминает партнерство. Деловое сотрудничество.

— Ах, вот как ты это понимаешь?!

Эвелина кивнула.

— Безусловно. Или мне следует воспринимать это как-то иначе?

— Х-м-м, — пробормотал он. Спенсер тотчас же вспомнил тот поцелуй в саду, такой недолгий, но пылкий. Он, разумеется, не думал, что их взаимоотношения можно будет охарактеризовать как деловые. — Обстоятельства-то изменятся.

Спенсер понял, что ему придется объяснять прописные истины.

Эви сцепила пальцы лежащих на коленях рук.

— Как это?

— Например, — он жестом обвел близлежащее пространство, — ты станешь спать со мной. Занятия любовью все меняют.

В ответ на это заявление она злобно вскинула голову. От такой тупости щеки Эви очаровательно покраснели.

— Это не навсегда.

Спенсер склонил голову.

— Но надолго.

Возможно, если она окажется такой же страстной, как он подозревал, они вполне могли бы и дальше встречаться время от времени...

Она закашлялась.

— Что касается этого...

— Да?

— По-моему, нам будет не совсем благоразумно тотчас же вступать в супружеские отношения.

— Не совсем благоразумно? — он подался вперед. — Ты хочешь, чтобы мы повременили?

Он не в состоянии ждать. Спенсер с трудом мог спать по ночам — так сильно мучили его мысли о ней.

— До тех пор пока мы не узнаем друг друга получше.

— Я достаточно хорошо тебя знаю.

— Да неужели?! — в ее голосе зазвенело что-то похожее на гнев.

— Достаточно хорошо, чтобы понять: несколько недель ничего не изменят. Мне нужен наследник, — он поставил свой стакан — тот угрожающе зазвенел — и уставился на нее с неприкрыто-плотоядным выражением. — И ты *будешь* со мной спать.

Она закрыла глаза.

— Ты говорил, что никогда не стал бы принуждать женщину...

Он фыркнул.

— Ты полагаешь, мне нужно будет прибегать к принуждению? — Спенсер неспешно окинул ее оценивающим взглядом. — Насиловать тебя?

Ее пробрал легкий озноб.

— Ты сама охотно согласишься.

— Самонадеянный...

— Разве тебя никогда не соблазняли? Когда ты встретила Йена, ты была просто невинной девушкой... Я уверен, тут не обошлось без некоего ласкового убеждения.

Эви сжала руки в кулаки, вцепившись в пеньюар. Голубые глаза смотрели на Спенсера почти затравленно, как-то обиженно.

— Это было так давно.

— Я буду более чем счастлив вновь познакомить тебя с радостями обольщения.

Эви облизнула губы и, как ни в чем не бывало, продолжила гнуть свое. Лишь яркие пятна на ее щеках свидетельствовали об обратном.

— Стоит ли так спешить? Если немного поразмыслить...

Спенсер наклонился вперед в своем кресле, свободно свесив руки с коленей.

— Я четко дал понять, какие у нас будут отношения.

Ее ноздри раздулись.

— Все распланировать нельзя.

Он покачал головой, пристально глядя на ее упрямый острый подбородок:

— Ты так и не осознала, зачем нужен брак, верно? В этом же нет ничего сложного.

Ярость переполняла его, пока он изучал ее непроницаемое лицо. На нем было ясно написано несомненное отвращение к идее стать его настоящей женой. Это раздражало Спенсера. Этой женщине следовало бы млеть от восторга, что хоть как-то отодвинула нависший над ее головой, словно лавина, скандал, который разразится и похоронит ее, если обнаружится, что она выдумала себе мужа.

Вместо этого она выглядела так, словно ее вели на виселицу.

— Мы же договорились. Если только ты не передумала. В этом случае нам нужно обсудить, что делать с Николасом.

Она нахмурилась:

— С Николасом?

— Я намерен участвовать в его жизни, независимо от того станешь ты моей женой или нет. Мы уже обсудили все преимущества, которые я могу ему обеспечить. Он может жить со

мною некоторое...

— Ты не отберешь у меня сына!

В глазах Эвелины вспыхивали искры. Ее затрясло от ярости. Он разгорячился, представив, как же она будет выглядеть в его постели: потерявшая голову от страсти, обнаженная, извивающаяся под ним.

— Я этого не предлагаю. Определенно, нет.

Эви свирепо посмотрела на него, ее голубые глаза лихорадочно блестели.

— Судя по твоим словам, мой сын страдал от нужды, живя со мной, тогда как...

— Ты любишь его. Ты его мать. Он нуждается в тебе. Не надо это сбрасывать со счетов. Но что будет, когда он станет старше? Когда ему настанет время измениться? Когда он захочет отправиться в университет? Я могу ему это обеспечить. Дать наставления и предоставить своего рода возможности, в которых нуждается мальчик, чтобы превратиться в подающего надежды мужчину. Даже твой дом...

— А что насчет моего дома?

Он махнул рукой.

— Может и не стоит переоценивать то, в каком доме ты живешь, но для большинства людей это имеет значение. Важно, что думают о нем остальные... это определяет, какие двери откроются перед Николасом.

Эви вскочила.

— Ты самонадеянный... осёл!

Спенсер не сводил с нее глаз, его губы подергивались.

— Неужели ты только что навала меня ослом?

Она яростно закивала; ее волосы неистово металась по плечам.

Он ничего не мог с собой поделать. Спенсер улыбнулся, пребывая в твердой уверенности, что еще ни одна женщина не разговаривала с ним подобным образом. Он хохотнул. Спенсер даже не смог бы припомнить, чтобы женщина хоть когда-нибудь теряла в его присутствии свое самообладание. В этом было... что-то новенькое.

Она пристально посмотрела на него, будто он сошел с ума. Он встал вслед за Эвелиной.

— Так значит, я осел?

— Да. Так точно.

— Потому что я стараюсь сделать как лучше для Николаса?

Он шагнул к ней, вопросительно изогнув бровь.

Эви топнула ногой, ее щеки очаровательно запылали.

— Я его мать. Я растила его с тех пор как...

— Ты обесчестила себя, — напрямик заявил он. — Чудо, что тебе так долго удавалось держать это в тайне.

Она замолчала и нахмурилась, крепко стиснув руки.

— Ничего удивительного. Бедная деревенская вдова не привлекает особого внимания.

— Бесчестие, — продолжал Спенсер, не собираясь отставать от нее, — следует за тобой по пятам, выжидая лишь удобного момента, чтобы запятнать и Николаса. Наш брак вовсе не означает, что твой маленький обман так и останется нераскрытым, но если все выйдет наружу, людям на это будет, скорее всего, наплевать.

Эви яростно дышала, но молчала. Да и что она могла сказать? Спенсер был прав.

— Кое-что приводит меня в недоумение... ты просто бесчувственная или...

— Или? — подсказала она, ее глаза извергали синее пламя.

— Или сама мысль о том, чтобы выйти за меня замуж и разделить со мной постель отталкивает тебя до такой степени, что ты, очевидно, не хочешь поступать как лучше для тебя и для Николаса.

Эви слегка побледнела. Судя по виду, она нервничала, ее взор метал на него молнии.

— Я не говорила, что передумала. Я всего лишь хотела немного подождать, прежде чем мы перейдем к интимной близости, — она облизнула губы.

Его память снова возвратилась к тому поцелую в саду. Приятно, но мало. Отклик Эви, прежде чем она вырвалась, сулил восхитительную страсть. Изголодавшись по иному вкусу, Спенсер потупил взгляд и посмотрел на ее губы.

Эви неуклюже провела рукой по распущенной копне волос и продолжила:

— Я не смогла бы зайти так далеко с мужчиной, которого нахожу отталкивающим. Я просто-напросто тебя не знаю.

И не хочу знать.

Она этого не сказала, но все было ясно и без слов. Спенсер догадывался об этом. Понимал по ее скованной, гневной позе. Чувствовал, как ее невысказанные слова пробирают его до кишок. Непонятно почему, но она пыталась воздвигнуть меж ними стену.

И ему это не нравилось.

— Ты права.

Ее глаза заблестели.

— Я?

— Некоторые вещи нельзя запланировать.

Она неуверенно улыбнулась.

— Да. Совершенно верно.

— Вот именно. Порой, — он поднял голову, — в плотские отношения вступают, даже не дождавшись брачной ночи.

Глава 13

Спенсер преодолел небольшое расстояние, разделявшее их, в его глазах сверкали зеленоватые отблески бушующего в нем огня, как у хищника, выслеживающего добычу. Эви уперлась спиной в находившийся позади нее стеллаж. Попалась!

Она из последних сил старалась сохранять хладнокровие. За время их разговора Спенсер и так уже достаточно вывел ее из себя. Она не привыкла терять самообладание, но с ним все происходило как-то само собой, и это тревожило Эви.

— Что ты...

Все, что она хотела сказать, вылетело, просто исчезло из головы Эви, стоило ему навалиться на нее, окутывая и подавляя ее, своим крупным, сильным телом. Ее соски терлись о грудь Спенсера, а мужская нога проскользнула между бедрами девушки и самым возмутительным образом прижалась к ее интимному местечку.

Эви задыхалась, сдерживая настойчивое желание вскрикнуть. Безусловно, девственнице не стоило вести себя столь легкомысленно.

Судорожно дыша, она прошипела:

— Что ты делаешь?

Спенсер протолкнул свое бедро поглубже, приподнимая Эви до тех пор, пока она не повисла на нем, едва касаясь ковра кончиками пальцев ног. От этого ее поношенный пеньюар задрался до колен. Она посмотрела в его глаза. Они, такие близкие, мерцали ярким бледно-зеленым светом.

— Да что же это такое?!

Спенсер опустил руки ей на бедра, обласкал нежную плоть и занялся попкой, обхватывая и сжимая крупными ладонями ее ягодицы.

Эви ахнула. От прикосновений его теплых рук низ ее живота словно жаром обдало.

Спенсер рассматривал ее лицо, шею... его взгляд опускался все ниже и ниже. Эви сглотнула застрявший в горле ком. Вернее, попыталась сглотнуть. И, похоже, безуспешно. К тому же, ей не хватало воздуха.

Он улыбнулся, сверкнув белоснежными зубами, словно опасный хищник.

— Я так полагаю, — с трудом выдавила Эви, — это и есть твоя попытка обольщения.

Его ладони стали двигаться медленнее, искусно и очень тщательно массируя ее ягодицы, пока Эви не застонала.

— Ну и как? У меня получается?

Она дернула плечом.

— Не очень, — соврала Эви, отчаянно пытаясь скрыть, что совершенно разбита после этой его попытки.

Его темные брови взмыли вверх.

— В самом деле?

В глазах Спенсера вспыхнула такая решимость, что Эви мгновенно поняла: ей не стоило так говорить.

Прежде чем она осознала, что происходит, он задрал вверх ее пеньюар и через голову стащил его. Большие ладони стиснули ее голенькую попку. Откуда-то из глубин ее тела вырвался придушенный горловой стон.

Униженная донельзя, она судорожно пыталась высвободиться, отодвигаясь от Спенсера

и вжимаясь спиной в книжные полки. Бесплезно. Он был слишком крупным. Слишком сильным. Потеряв голову от соприкосновения своего нагого тела с телом Спенсера, Эви отбивалась, колотила кулачками по мужской груди, ее волосы в беспорядке спутались, окутав их обоих.

— Ш-шш... — утешал он ее, проведя рукой вниз вдоль обнаженного тела к округлому бедру, сжимая его и поднимая повыше, чтобы ее нога обвила его талию. Его вздыбившееся орудие уткнулось точно в ее пылающие створки.

Эви затихла. Она лишь хрипела. Едва она заглянула в глаза Спенсера, как ее охватило вожделение, страстное желание. Ее тело трепетало, томимое жаждой пробуждения после долгих лет бездействия. Да что там говорить — она «спала» всю жизнь.

Эви отвела, вернее, опустила, взгляд. Во рту у нее пересохло. Полы его халата разошлись, открывая на всеобщее обозрение его крепкую, лоснящуюся грудь. Именно о такой груди она грезила в своих снах. Настал момент истины — все стало ужасающе ясно.

Спенсер мог делать с ней все, что ему хочется. Эви не хотелось его останавливать.

Какая нелепость: просить его подождать, дать ей еще немного времени! Она не смогла бы противиться ему.

Так вот значит, с чем пришлось столкнуться Линни? Поэтому она и уступила? Подсознательно Эви всегда — хотя и несколько самонадеянно — считала свою сестру наивной глупышкой. Миловидной, но безвольной.

Если это и так, то о ней теперь можно сказать то же самое.

— Потерпи еще чуть-чуть... Ну пожалуйста, — девушка замолчала, нервно сглотнув.

Его светло-зеленые глаза потемнели, теперь их цвет напоминал лес после проливного дождя. Спенсер придавил Эви к стеллажу. В нижней части ее живота возникла пульсирующая боль.

— Так ты снова за прежнее? Вот уж не думал, что ты такая трусиха. Чего ты боишься?

«Тебя», — подумала Эви, однако придержала язык за зубами.

Какое-то время они напряженно молчали, а потом Спенсер отпустил ее ногу и отодвинулся от нее.

Эви торопливо схватила валявшийся на полу пеньюар и натянула его через голову. Сторая со стыда оттого, что он видел ее голой, Эви расправляла ткань, радуясь, что изношенный батист снова укрывает ее.

Спенсер отвернулся, завязывая пояс халата. Эви лишь мельком увидела его силуэт и жестко очерченную челюсть, покрытую легкой щетиной.

Он расчесал руками свои темные волосы и заявил:

— Я подожду, но лишь до тех пор, пока мы не поженимся. Тогда мое терпение лопнет.

Спенсер посмотрел на Эви, и на сей раз его взгляд был твердым, как отшлифованный малахит.

Она неожиданно вздохнула, недовольная тем, что больше не может разглядывать тело Спенсера.

Этот человек ненавидел лжецов. Эви пришла к такому заключению, когда они говорили о его отце. А ее жизнь целиком состоит из невероятной лжи. Эви трепетала от мысли, как станет реагировать Спенсер, узнай он истину.

На мгновение Эви задумалась: а не потребовать ли, чтобы Спенсер оставил ее в покое, чтобы отказался от всех притязаний на нее, вернее на ее тело. Но потом вспомнила, как онотреагировал несколько минут назад, когда она бросила ему вызов.

Ее пеньюар уже побывал на полу!

Эви подняла книгу, буквально снедаемая желанием удрать.

— Думаю, теперь я смогу заснуть, — она говорила скупно и невыразительно, словно школьная учительница, хотя ее сердце отчаянно колотилось. — Спокойной ночи.

— Спокойной ночи, Линни, — едва это имя сорвалось с губ Спенсера, он понял, что совершил ошибку.

Эви застыла на полпути к двери.

— Нет, — медленно оборачиваясь, выдавила она.

Он же не специально назвал ее так. Это просто привычка. Он годами думал о ней, как о Линни, девушке Йена. Представлял, как она выглядит, на кого похожа... и обнаружил, что действительность совершенно не соответствовала его ожиданиям.

Она превзошла их.

Спенсер поднял голову, наблюдая за Эви. Он был слегка озадачен ее бурной реакцией на эту оговорку.

— Я не та девушка, — по ее лицу волной прокатилось какая-то непонятная гримаса, которой он не мог подобрать названия. — Больше не та.

Спенсер кивнул, изучающее глядя на Эви... задаваясь вопросом, сможет ли он когда-нибудь ее понять. Если бы она только не была такой скрытной. Даже откликаясь на его прикосновения, эта женщина крепко цеплялась за свои бастионы.

— Я ошибся.

Эви отвернулась, заморгав так, словно боролась с подступавшими слезами.

— Э-э-ви, — протянул Спенсер, уверенно произнося ее имя. Ему хотелось ее успокоить, и он уступил. Ибо по какой-то причине это было для нее важно. — Спокойной ночи.

— Спокойной ночи...

Поскольку она как раз выходила из комнаты, полной уверенности у Спенсера не было, однако ему показалось, что Эви прошептала его имя.

Удрав из библиотеки, Эви пыталась сдержать горькие слезы: она терла костяшками пальцев то один, то другой глаз.

Дурацкие, глупые слезы.

Она ведь не плачет.

Никогда не плачет.

Она не плакала со времен Барбадоса.

Не плакала все эти ужасные годы, когда отец отослал ее в Пенвич, где ей приходилось страдать от голода, давать отпор задиристым девицам и время от времени сносить удары ремнем по спине от директора пансиона, мастера Броклхерста.

Она не заплакала, даже когда узнала о смерти Линни. Ее сестра так и не оправилась полностью после рождения Николаса, а несчастный брак полностью сломил ее.

Смерть Линни опустошила Эви. Как-никак именно Линни писала ей в Пенвич. Только Линни, больше никто. И все же Эви не проронила не слезинки — она стойчески выдержала все это.

Отчего же теперь ей хочется потонуть в слезах?

Очевидный ответ промелькнул у нее в голове: потому что послезавтра тебя вырвут из благополучного мирка.

Никогда еще Харбор не казался ей таким далеким, как сейчас. Даже когда она

проводила время в Лондоне и за городом с Фэлон и Маргарит, Эви ощущала близость дома. Он всегда был под боком.

Николас, Эми, тетушка Герти, Мэрдоки — она тосковала по ним. Ей не хватало их всех. Без них она чувствовала себя брошенной.

Возможно, Спенсер вырвет ее из привычного окружения, подержит у себя, пока не добьется своего, а потом, как ни в чем не бывало, вернет назад.

Поднимаясь по винтовой лестнице, Эви скользнула пальцами по гладко отполированной поверхности перил, нагревшихся от тепла ее ладони.

Очутившись в своей комнате, девушка остановилась на плюшевом коврикe и принялась шевелить заледеневшими пальцами ног, пытаясь их согреть.

В животе возникло какое-то неприятное ощущение. Сын Йена. Это касалось его. И будущий наследник. Она тут ни при чем. Она лишь второстепенный участник. Вся любезность Спенсера к ней проистекает всего-навсего из его обязательств перед Николасом.

Не похоже, чтобы виконт в ней нуждался или ухаживал за ней.

Он станет с ней спать просто потому, что он — ее муж, мужчина. Она давным-давно поняла, что из себя представляют мужчины. Ей следовало бы хорошенько запомнить все тяжелые уроки, преподнесенные ей жизнью, и не терять головы, забивая ее бредовыми идеями.

Спенсер уставился на распахнутую дверь, в которую Эви юркнула так быстро, словно ее преследовала свора гончих. Он добился своего. Вынудил ее спасаться бегством. От осознания неприятного факта скрутило желудок. Как быстро сбежала от него его будущая жена! Великолепно! Как раз такого поведения ждет любой жених от своей невесты!

В воздухе еще витало его имя, шепотом произнесенное Эви. Когда Спенсер мельком взглянул на нее перед уходом, из-под подола ее белой сорочки проглядывали босые ноги.

Он изо всех сил старался не смотреть на эти голые ноги, пока она сидела напротив него, сжимая бокал с бренди так, будто держала в руках Святой Грааль [\[12\]](#). Спенсер старался, но не смог. При виде этих стройных ножек, таких женственных, таких голеньких, он чуть не забыл, что ему следует дождаться, пока они не поженятся по всем правилам. Как только Спенсер увидел ее стройное обнаженное тело, он понял, что не может больше ждать. Если бы Эви его не остановила, он бы овладел ею прямо на полу в библиотеке.

Эта женщина должна стать его женой. Его. Не Йена. Кто бы ни был у нее первым, перед Богом и законом она навечно будет принадлежать только ему. Это обстоятельство принесло Спенсеру темное, примитивное удовлетворение, однако вскоре его вытеснило иное чувство. Угрызения совести. Что бы подумал об этом Йен?

Покачивая головой, Спенсер напомнил самому себе, что его кузена больше нет. Если не он, то еще кто-нибудь вроде Шеффилда рано или поздно заявил бы на Эви свои права. Его затошнило от такой мысли.

Кроме того, он обязан действовать в интересах Николаса. Спенсер сложил вместе кончики пальцев, представляя, что все еще касается ее шелковистой кожи. Эви не должна вечно скорбеть по мертвому человеку. Он понимал это. Пожалуй, ей тоже надо это понять.

Спенсер лениво улыбнулся. Завтра он продолжит обольщение. Он использует каждый известный ему способ, чтобы заманить ее в свою постель. Он, как-никак, Винтерс. Он кое-что знает о том, как уговорить упрямых леди избавиться от платья. Таким уж он родился.

Жизнь Эвелины Кросс вот-вот должна измениться, хотя она об этом и не догадывается.

Завтра они должны пожениться.
И Эви будет принадлежать ему.

Сидя в маленькой гостиной в задней части «Черного Борова», Эви клевала свой ужин. Острый ягненок с пастернаком более чем утолили бы её голод в другое время, но в данных обстоятельствах она с трудом могла проглотить кусок.

Перекаtywая вилкой горошинку, она смотрела на покрытое морозным узором окно, за которым размытыми белыми пятнами падал снег. Такой же хороший объект наблюдения, как и любой другой, и уж точно лучше, чем объект напротив, где сидел Спенсер. Поездка на север оказалась довольно неудачной. Она часами терпела его близкое соседство, чувствуя на себе его пристальный взгляд, когда сама была занята попытками держать свои ноги подальше от его сапог.

Оставив в покое горошинку, она потянулась к своему стакану и сделала большой глоток хереса.

Будет ли она когда-нибудь чувствовать себя в своей тарелке в его присутствии? Его близость, его абсолютная мужественность кружилась вокруг неё, как опьяняющий флер аромата. Незамедлительно возникающий в животе трепет каждый раз, как она не выдерживала и переводила на него свой наслаждающийся взгляд, угнетал её. Учитывая ложь, что стояла между ними, что он будет всегда считать Эвелину её сестрой, ситуация была сплошным мучением; в конечном итоге, просто неподходящей, учитывая, что они должны были вот-вот пожениться.

— Сколько ещё ждать, как ты думаешь? — спросила она, по большей части из-за необходимости заполнить гнетущую тишину.

Когда жена хозяина постоянного двора предложила им гостиную, то сообщила, что довольно много пар женилось сегодня, несомненно, выбирая зиму, чтобы сбежать, в надежде, что плохая погода задержит погоню разгневанных отцов. Она пообещала привести для них первого освободившегося священника.

Он пожал одним широким плечом:

— Не могу сказать.

Часы одиноко тикали на каминной полке. Взгляд Эвелины упал на большую, мужскую руку Спенсера, небрежно покоящуюся на маленьком столике. Он сидел под таким углом, что колено выглядело со стороны. Очень мускулистое колено. Она не знала, что колено мужчины может быть таким стройным. Её лицо залилось румянцем, и она торопливо перевела взгляд обратно на окно. Снаружи ветер завывал отчаянную песню, встряхивая припорошенные снегом ветки.

— Отвратительная погодка, — пробормотал он. — Хорошо, что прибыли именно в такое время. Кажется, погода только ухудшается.

Её взгляд снова переместился на него:

— Это задержит нас от возвращения домой?

Спенсер пожал плечами:

— Зависит от того, насколько проходимы будут дороги.

Кивнув, она покусывала свою нижнюю губу, а ноги под столом дрожали от перспективы задержаться в этой гостинице с ним. На сколько? Она собрала с духом, чтобы вынести одну ночь. Но две? Три?

— Всё будет не так ужасно. Так как у нас всё равно не будет надлежащего медового

месяца, это, по крайней мере, даст нам время, которого ты так хотела.

Она в замешательстве тряхнула головой, пытаясь вспомнить, когда ей нужно было время наедине с ним, время, когда он будет волновать её чувства и лишать самообладания. Едва ли она могла желать такого.

Он выгнул бровь, хищно улыбаясь.

— Ты выразила желание познакомиться поближе.

— Я никогда...

— Да. На самом деле ты сослалась на это, как на причину для задержки заключения нашего брака. Теперь у нас будет это время, — его улыбка стала ещё шире. Он беспечно махнул рукой. — Идиллическое уединение.

— О! — она дергала свой рукав, внезапно почувствовав, что не может вдохнуть воздух в легкие.

— Ты хорошо себя чувствуешь? — нахмурился он. — Выглядишь бледной.

— Не знаю, смогу ли я сделать это.

Её взгляд метнулся к двери. Эвелина резко поднялась на ноги, толкнув столик. Блюда протестующе загремели. Она ненавидела это. Ненавидела импульсивное желание бежать. Тем не менее, слышала, как говорит:

— Возможно, я недостаточно хорошо подумала. Всё происходит слишком быстро. Брак это так... долговременно.

Она ненавидела дрожь в голосе. Ненавидела чувство страха. С той далекой ночи на Барбадосе она усердно работала над тем, чтобы избавить свою жизнь от страха. Может, невозможно предотвратить его полностью, но она справлялась до сих пор.

Затем прибыл этот человек и всё поставил с ног на голову. Она пристально смотрела на него сверху. Внезапно что-то ещё начало бороться со страхом, вцепившемся в её горло.

— Я не могу сделать это, — повторила она более уверенным голосом, направившись к двери.

Спенсер вскочил с места. Схватив её за руку, он развернул её.

— Линни...

— Нет! — она моргнула и прошипела: — Я просила не называть меня так!

Каждый раз, как он называл её именем её сестры, был подобен удару ножа в сердце. Напоминание о лжи, в которой она жила... лжи, в которой она всегда будет жить с ним. Вся жизнь настороже без возможности расслабиться... сведет её в могилу раньше времени.

Она пыталась выдернуть руку, но ничего не вышло. Он схватил её за другую руку, прижав ближе, слегка тряхнув. Его руки на ней были сродни кандалам.

— Перестань! Отпусти меня!

— Чего ты так боишься? — прошипел он, скользя острым взглядом по её лицу, приблизившись мучительно близко. Сильная квадратная челюсть, четко очерченные губы, глубокие складки по бокам рта — это сочетание призвано ошеломить её чувства.

«Вот этого. Тебя».

Его голос смягчился:

— Я не причиню тебе боли, Эви.

— Ты продолжаешь называть меня Лини, — обвиняюще сказала она, ведь для неё всё было просто и ясно: когда её называли именем Линни, ей было больно, это ранило её, хотя ему это и показалось бы беспричинным. Как и должно было казаться. Для незнающего так и должно быть.

— Это твоё имя, — напомнил он. — В некотором смысле. Краткая форма Эвелины. Так тебя всегда называл Йен. Так я впервые узнал тебя, — он впился в неё взглядом, заглядывая внутрь. У неё внутри всё дрожало: ей так хотелось, чтобы он смотрел на неё этим голодным, заглядывающим внутрь взглядом, но зная, что он этого не делает. Он смотрит на Линни... какую-то странную исключительную представительницу слабого пола, принадлежность Йена.

— Прости мне мою оговорку. Я привыкну к Эви.

Слова Спенсера вызвали в горле боль. Привыкнет ли он когда-либо к ней? Она встряхнула головой, чувствуя, как ослабевают шпильки в причёске, а непокорные волосы стремятся на свободу. Она замерла.

— Послушай, — продолжил Спенсер. — Весь Литл-Биллингс знает, что ты уехала с мной. Они ждут, что ты вернешься моей женой. Не сделаешь так — и приведешь себя к падению, тебя опорочат так, что ты никогда не сможешь оправиться. Последствия этого скажутся и на Николасе. Теперь ты не можешь сбежать, как напуганный кролик, не так ли?

Он был прав, конечно же. Она не могла уйти теперь. Она не могла быть такой эгоистичной. Она никогда раньше не была слабой или трусливой. И будь она проклята, если начнет сейчас.

Девушка кивнула:

— Ты прав, конечно.

— Всё решено, — он выгнул одну бровь. — Наконец-то.

— Да, — она с трудом сглотнула. — Наконец-то.

— Рискну предположить, что брак жутковат и при самых лучших обстоятельствах, — его губы изогнулись. — Но клянусь тебе, что никогда не причиню тебе вреда, — руки мужчины на ней стали мягче, расслабившись. — Тебе не нужно бояться меня, ты это понимаешь?

Она смотрела в его глаза, утопая в их лесной зелени, впитывая его слова, позволяя им поддержать её.

— Я не боюсь.

— Но ты боялась, — что-то зажглось в глубине его глаз. — Это он? Это Йен?

Йен? Нахмурившись, она тряхнула головой. Йен? Погибший человек не приходил ей в голову. В ней начал зарождаться беспричинный смех, но она боролась с ним, загоняя обратно.

Эви должна была бы думать о нем. Он — отец Николаса, как-никак. Но только Спенсер занимал её мысли. Близость Спенсера, его ошеломляющая мужественность, воспоминания о его голой груди, мышц, напомнивших ей греческие скульптуры. Мысль о том, что он станет её мужем, что они закончат начатое в библиотеке, заставляла её сердце биться быстрее.

И её осенило: она боялась совсем не Спенсера, она боялась себя. Вот от чего она бежала.

Девушка таяла в его руках и смотрела на него, как голодающая женщина. Даже сейчас предстоящая ночь мучила её. Соблазняла и мучила её одинаково.

Она хотела заключения их брака. Она наконец-то сможет узнать всё, что происходит на супружеском ложе, с мужчиной, который вернул её тело к жизни. Но это будет означать, что он раскроет всё, что она пытается скрыть. Тайну, которую она так рьяно хранила все эти годы. Какая неразбериха!

Его пальцы скользнули вверх по её рукам, обжигая кожу сквозь ткань платья.

— Ответь мне! Я должен бороться с призраком?

Эвелина выдержала его взгляд, прочитала неистовое требование в их сверкающей изумрудной глубине. Требование правды.

Она облизнула губы, обдумывая ответ, и выпалила:

— Да.

Он дернулся.

Как бы она не ненавидела добавлять ещё одну неправду к своей паутине лжи, чтобы остановить его попытки соблазнения, оно того стоило.

— Я чувствую себя так, будто предаю Йена, — довольно логичная причина держать Спенсера на расстоянии вытянутой руки, но как же больно было выдавить из себя эту ложь!

При этих словах его лицо изменилось.

— Предаешь Йена, — пробормотал Спенсер. Его руки упали. — Давая его сыну имя. Давая Николасу будущее, на которое он не смел бы и надеяться, будучи незаконнорожденным? Едва ли это может показаться предательством.

Она кивнула.

— Конечно же, нет, но сердце не всегда подчиняется логике. То, что мы сегодня женимся, не обязывает нас завершить брак сегодняшней ночью.

— Ты ясно озвучивала свои желания по этому поводу, — он пристально смотрел на неё. Жестко. Упрямо. — Так неустанно.

В этот момент в дверь гостиной постучались, и вошла миссис Макгрегор, жена хозяина постоянного двора. Высокий джентльмен с обветренными щеками шел за ней следом.

Холод сковал Эви, притупляя все остальные чувства, даже жар, который она чувствовала в присутствии Спенсера.

Миссис Макгрегор представила мистера Харта.

Каким-то образом Эвелина смогла произнести подобающую любезность.

— Простите, что заставили вас ждать, — сказал мистер Харт. — Если вы встанете тут, мы сможем начать.

Спенсер взял её под локоть и отвел к окну. Холод просачивался сквозь стекло, прикикая под шерстяное платье. Она задрожала и скрестила на груди руки. Спенсер, должно быть, почувствовал, что она дрожит. Он придвинулся к ней ближе, вытянув руку вдоль её тела, что лишь заставило её дрожать сильнее.

Священник начал.

Эвелина видела, что его губы двигаются, и пыталась понять, что он говорит. У неё было ощущение, что она всё равно, что под водой, в абсолютной пустоте, лишенной времени и звуков.

Повернувшись, она изучала гордый профиль мужчины, стоящего рядом с ней. Стоик. Его рот вытянут в прямую линию. Черты лица казались высеченными из мрамора.

Он станет частью её жизни с этого момента. Навсегда. До самой смерти. Она пыталась заставить себя думать об этом. Проникнуться торжественностью момента. Чудовищностью замужества за незнакомцем. Но даже несмотря на то, что она пыталась думать об этом, видеть сквозь пелену, слышать сквозь приглушенный гул в голове, ничто из сказанного священником, до неё не дошло. Ни её имя. Ни его.

Ничего до тех пор, пока мистер Харт не произнес слова «мужем и женой».

Мужем и женой. Мужем и женой.

Она теперь замужем.

Ещё девочкой в Пенвиче она мечтала о приключении, мечтала оставить позади обыденность и улететь от всего привычного. Даже в то время замужество не вписывалось в её представления о приключении. И впоследствии, после рождения Николаса, она оставила мысли о приключениях, а замужество отошло ещё дальше назад, став одним из самых далеких возможностей.

И вот сейчас она стоит здесь. Как жена.

— Теперь вы можете поцеловать невесту.

От этого заявления её душа ушла в пятки. Она повернулась.

Эти бледно-зеленые глаза смотрели на неё сверху, медленно приближаясь, когда Спенсер наклонял голову. Она чувствовала, как все смотрят на неё, радостные, заинтересованные, не имеющие понятия, что наблюдают за свадьбой двух незнакомцев... готовящихся к поцелую.

Он обхватил её за плечи крепко, но нежно.

Она не сводила взгляда с его приближающихся губ.

В последний момент Эвелина повернула лицо в сторону. Его губы попали на её щеку и задержались там мгновение теплым прикосновением к холодной коже. Она не отрывала взгляда от замерзшего оконного стекла, пока его губы не перестали касаться её, а руки упали с плеч.

Медленно она перевела взгляд на его лицо.

С губ Эвелины сорвался вздох. Что-то темное и сердитое плескалось в зеленой глубине его глаз, и она сразу поняла — он не любил быть отвергнутым, особенно в таком деле, как их первый поцелуй в качестве мужа и жены. Не самое благоприятное начало, но ничего поделаться с собой она не могла.

Миссис Макрегор захлопала от всего сердца, не имея ни малейшего понятия о возникшем напряжении. Некоторое время они были заняты, заполняя регистрационный журнал в кожаном переплете. Вернее, остальные были этим заняты. Едва ли Эви могла что-то делать. Дрожащей рукой она поставила свою подпись небрежной закорючкой. И всё было готово.

Теперь перед ней была вся жизнь, чтобы знакомиться с собственным мужем.

И молиться, чтобы он не познакомился с ней чересчур близко.

— Мы будем спать здесь?

Спенсер посмотрел на Эви, стоящую посреди лучшей комнаты постоялого двора, и пытался осознать, что теперь она его жена.

— Да, — ответил он. Прислонившись к шкафу, он задумчиво наблюдал, как взгляд Эви обратился к кровати, затем в сторону, затем опять к кровати. Его губы насмешливо изогнулись. — С комнатой что-то не так?

Ее искрящиеся голубые глаза переполняла тревога, даже притом, что она смогла выдать: — Нет.

Его взгляд упал на сжатые пальцы Эви. Чтобы спрятать улыбку, Спенсер опустил в кресло, стоящее возле окна, и начал стягивать сапоги, убежденный, что придется выслушать еще многое касательно их совместной комнаты. Если он что-то и знал о своей жене, так это то, что он заставлял ее чувствовать себя неловко. Улыбка Спенсера исчезла. Любую женщину повергнет в неловкость то, что она влюблена в его друга, пусть даже и умершего

Не обманув его ожиданий, Эви спросила:

— Разве свободных комнат больше нет?

— Постоялый двор переполнен. — Его первый сапог стукнулся об пол. — Не вижу смысла переезжать на другой постоялый двор ради еще одной свободной комнаты. Особенно, когда мы женаты.

Она кивнула, пряча свои мысли. Хотя ему вовсе не нужны были слова, чтобы прочитать их. Тонкая кожа подбородка натянулась, когда она стиснула зубы. Он знал. Он знал, она смотрит на кровать и думает о том, что они будут там вдвоем. Думает о Йене... о том, что в тот момент, когда она ляжет с ним в одну постель, то сразу же предаст Йена. В его горле зарождалось рычание.

Почему его не мучат такие же сантименты? Как получилось, что она чувствует большую преданность к Йену, чем он? Он любил своего брата, страдал о его потере. Разве не должен он мучаться чувством вины за то, что хочет раздвинуть ей ноги и утвердить свое право? Пометить ее, как свою собственность?

Резким рывком он скинул второй сапог.

— Я думаю, нам нужно поспать. Погода улучшается, мы уедем рано утром.

Она подошла к чемодану, доставая ночную сорочку. Озираясь на него, она зашла за ширму.

Спенсер снял рубашку, затем его руки замерли на брюках. Решив уступить ее чувствительности, он оставил брюки.

Она вышла из-за ширмы, одетая в тот же пеньюар, что и прошлой ночью. Несмотря на это, Спенсер был на взводе. Он наблюдал, как она перед зеркалом распускает волосы. В свете свечей рассыпавшиеся по плечам волосы напоминали темный мед. Она неуверенно смотрела то на него, то в сторону. Эви выглядела такой юной.

На ум непрощено пришла мысль: видел ли когда-нибудь Йен ее распущенные волосы? Скорее всего, их тайные встречи просто не позволяли им полностью раздеться. Зависть и глупая надежда распускались в его груди. Возможно, его кузен даже и не видел ее полностью обнаженной.

Запустив руку в волосы, он беззвучно чертыхнулся. Он не мог изменить того, что она

спала с Йеном. По сути, это единственная причина, по которой они познакомились, поженились. Возможно, именно поэтому он ее хотел.

Было бы глупо ревновать к прошлому и надеяться быть ее *первым* мужчиной.

Она твоя жена. Ты у нее первый, с этой точки зрения.

— Черт возьми!

Она мельком на него взглянула, недовольная его высказыванием.

— Ты что-то сказал?

Он снял покрывало резким рывком.

— Нет, — выпалил он, раздраженный без причины. — Ничего не говорил. Просто был долгий день. Давай ложиться спать.

Она скользнула под одеяло, укрывшись им и крепко прижимая его к груди.

На секунду он замер, глядя на нее с другого конца кровати. Она стиснула дрожащие руки. Черт возьми. Он напугал ее. Она думает, он на нее набросится?

Он отвернулся и погасил лампу. Залезая под одеяло, он старался не коснуться ее. Старался скорее для себя, чем для нее. Себе он просто не доверял.

Огонь тлеющего камина заливал комнату мягким светом. А снаружи свирепствовала буря.

Он думал о свадебных клятвах. В конце она подставила ему щеку. При воспоминании об этом явном отказе руки сами собой сжались в кулаки. Неужели она не могла вынести даже маленького поцелуя, подтверждающего их союз?

Неужели призрак Йена помешает ей сделать даже такую малость? И почему, черт возьми, это его так волнует? У него есть жена. А скоро будет и наследник. В принципе, ему ее привязанность и не нужна.

Ему было тошно от этих мыслей. Он просто не мог вынести эту бессмысленную ревность к своему кузену. Он не мог понять эту исключительную необходимость заявить право на свою законную жену. Доказать ей самой, что она испытывает к нему страсть, что он может заставить ее сгорать от желания. Он может, а ее умерший возлюбленный нет.

Эви притворялась спящей.

Не то чтобы она не пыталась. Она пыталась, пыталась изо всех сил, убеждая себя, что ночь пролетит быстрее, если она заснет. Ей не придется думать о мужчине, который лежал рядом. О мужчине таком мужественном и привлекательном. Он лежал довольно далеко от нее, может быть, им даже не придется касаться друг друга.

Утром они проснутся и вернуться в Эштон Грейндж. В отдельные спальни, что немало важно. Не стоит переживать из-за одной совместно проведенной ночи.

Это не Барбадос. Она не проснется темной ночью от ощущения грубых ищущих рук. Он джентльмен, человек чести. И вообще, зачем он на ней женился?

Лежа в кровати, наблюдая за тенями, пляшущими на стенах, она прислушивалась к его глубокому дыханию. Он лежит так близко, но вовсе не касаясь ее.

Выдохнув, она закрыла глаза и приказала себе расслабиться. Он поклялся не обижать ее, и она ему верила. Это не Барбадос, и он не Стерлинг. Он не будет принуждать ее к близости, не будет бить кулаками. Ей нужно просто сопротивляться этому ненужному влечению.

Он начал похрапывать. Не удержавшись, она повернулась к нему лицом, удивляясь тому, как он быстро погрузился в сон. Это же очевидно: не стоит переживать, что он захочет ее соблазнить.

Должно быть, она не так уж и желанна. Она не больше, чем мать ребенка Йена. Очень подходящая претендентка на роль жены. Она нахмурилась, почувствовав разочарование. Понятно, что это абсурд. Она должна чувствовать только облегчение.

Отсутствие интереса с его стороны очень ее огорчало. Тяжело вздохнув, она перекатилась на свою часть кровати, подложив руку под щеку. В камине потрескивал огонь. Пытаясь унять дрожь, она поглубже зарылась в одеяло.

Она *научится* игнорировать проснувшиеся к нему чувства. Научиться подавлять это влечение к Спенсеру и не будет вестись на его уловки, в попытке соблазнить ее.

Спенсер притворился спящим.

Не то что бы он не пытался. Он пытался, пытался изо всех сил, убеждая себя, что ночь пролетит быстрее, если он заснет. Он ясно ощущал присутствие Эви, спящей рядом с ним. И не мог не думать, спала ли она с Йеном. Вряд ли это возможно. Значит, и в этом он будет первым. Он улыбнулся. Эта мысль приносила несказанное удовольствие, давала пищу для размышлений, пока она мирно посапывала у него под боком.

Вряд ли он сможет заснуть. Не с такой эрекцией и не с этим стройным женским телом рядом с ним. Линни — *Эви*, быстро исправил он себя. Его жена. Она была его по праву, хотя он не тронул ее и пальцем. Только не после того, как она заявила, что до сих пор любит Йена и не может спать с ним, Спенсером. Может, никогда и не сможет.

Она неожиданно проснулась, тяжело дыша. Он пристально глянул на нее, хотя в лунном свете рассмотреть что-либо было невозможно. Огонь погас. Комната была так же безмолвна, как и поле битвы после боя.

— Эви? — он сел рядом с ней, легонько трогая рукой. — Тебе приснился кошмар?

Она дернулась от его прикосновения, и он убрал руку. Он вновь позвал ее, надеясь развеять кошмар.

— Эви!

Некоторое время она молчала, затем повернула нахмуренное лицо к нему.

— Спенсер?

— Да, это я.

Глубоко вздохнув, она откинулась назад, дрожа от страха.

— Прости. Темнота... удивила меня. Когда я засыпала, было еще светло.

Немного подумав, он спросил:

Больше книг на сайте — Knigolub.net

— Ты боишься темноты?

— Конечно же, нет, — ответила она подозрительно быстро.

Лежа рядом с ней, он все еще чувствовал содрогания ее тела. Что-то сильно ее напугало. Если это не темнота...

— Я не ребенок, — добавила она, защищаясь.

Эта мысль вызвала угрюмую улыбку. Да, он это знал. Каждый раз, когда она входила в комнату, его тело оживало.

— Я знаю.

Некоторое время спустя она все еще тряслась. Он уже был готов потребовать объяснения, когда ее тихий голос нарушил тишину.

— Было бы неплохо, если бы ты оставил огонь в камине. Эта комната немного странная.

Не говоря ни слова, он встал и пошевелил кочергой, раздувая огонь. В секунду комнату озарило пламя камина. Вернувшись в постель, он отметил, что она перестала трястись. Он устроился рядом с ней.

— Спасибо, — прошептала она, отвернувшись от него.

Он пробормотал что-то в ответ, любуясь каскадом ее золотисто-коричневых волос. Ему так и хотелось запустить руки в эту шелковистую массу.

Его жена боялась темноты. И она пыталась это скрыть. Интересно. Что еще нового он узнает о ней?

Эви сжалась от холода. Все еще сонная, она захныкала. Пытаясь согреться, она подтянула одеяло повыше, зарываясь носом в подушку. Она удовлетворенно вздохнула, чувствуя холодный воздух комнаты, благодарная за тепло, коконом окружающее ее. Нет ничего лучше, чем уютная постель в лютую зимнюю ночь.

Почувствовав приятное тепло на своей шее, она поглубже зарылась в подушку, подчиняясь давлению, она двигалась ближе к источнику этого тепла, приветствуя, открываясь и прижимаясь губами к... *коже*.

Она удивленно распахнула глаза, но вокруг было очень темно. *Ужасно темно*.

Хватая воздух раскрытым ртом, она отпрянула — подняла лицо от теплой стены, отчаянно ища малейший проблеск света.

Чувство облегчения затопило ее при виде слабого огня, заливающего комнату, разгоняющего темноту. Облегчение быстро испарилось, когда она осознала ужасающую правду.

Она прижималась *нек* подушке. И спала не сама. Она делила постель со Спенсером. Ее мужем. Давление на ее шее было не подушкой, а его рукой. Большой, теплой мужской рукой, подтягивающей ее к себе. А теплая стена — это его тело.

Она отодвинулась, в попытке заглянуть в его лицо. Он спал. Глаза закрыты, губы расслаблены, и выглядел он как падший ангел. Облегчение затопило ее.

Он не знает, что ты проснулась. Закрой глаза и засыпай.

Зажмурив глаза, она пыталась расслабиться, вернуться в сонное состояние, покой и сладкое забвение.

Рука на ее шее шевельнулась, пальцы ласково поглаживали, обжигая огнем.

Не зная куда деть руки, она прижала их к его груди, молясь, чтобы он не проснулся. Воздух вырвался сквозь ее стиснутые зубы — его голая грудь на ощупь была как горячий шелк.

Как она могла принять его за подушку? В нем не было ничего мягкого. Она прижалась к его теплу, к невероятно гладкой коже, которая казалось, была повсюду. Его голая грудь развернулась перед ней, как стена. Она замерла в ожидании, боясь пошевелиться и дать ему знать, что она проснулась и сознательно льнет к нему.

Она ждала, все больше и больше осознавая, какой унижительной была ситуация.

Ее ночная сорочка сбилась на бедрах, ее нога была зажата между его ног. Слава Богу, он оставил брюки.

Его рука снова пришла в движении. Она втянула воздух, когда рука опустилась вниз, обхватив живот очень знакомым жестом. Низ живота полосонуло жаром. Он подтянул ее ближе, будто пытаясь устроиться поудобнее.

Она подавила стон и заставила себя не двигаться. Замереть в его руках. Прижавшись лицом к его груди, пробуя его кожу на вкус.

Ее наэлектризованное тело вибрировало. Живое как никогда. Сердце тяжело билось в груди. Как он мог этого не слышать?

Боже, нужно отодвинуться, выпутаться из этой шокирующей ситуации. Нельзя оставаться в этом положении, когда его рука обнимает ее за попку, прижимая к невероятно твердому члену.

Все еще притворяясь спящей, она вздохнула и перевернулась, как ей казалось, незаметно высвобождаясь. Отвернувшись от него, она отодвинулась на приличное расстояние.

Ее тело было, наконец, свободно. Она ухватилась за подушку и ждала, прислушиваясь к потрескиванию поленьев в камине, наблюдая за вихрем снежинок за окном.

Проходили минуты. Постепенно ее затопило облегчение. И что-то еще. Возможно, сожаление? Сожаление, что она высвободилась из его объятий, что он спал, пока ее тело разрывалось от желания, что он не проснулся и не сделал выбор за них обоих.

Но сожаления испарились, когда его рука обняла ее за талию и подтащила обратно. Дрожь пробежала по телу от соприкосновения с горячим телом. Он обнял ее, устраивая напротив своего тела. Она прижималась спиной к его груди, ее попка уютно устроилась между его бедер.

Не стоит двигаться. Это положение было еще хуже. Кожу покалывало от приятного тепла. *Намного хуже. Гораздо лучше.*

Некоторое время они не двигались, она решила, что на этом все. Он спал, не осознавая, что обнимает ее. Ей придется мучиться в этом положении всю ночь. Затем он снова пошевелился.

Широкая ладонь сомкнулась на ее груди. Она не могла ни вдохнуть, ни выдохнуть. Сердце тяжело билось, как пойманная птичка в клетке, как раз напротив его руки.

Она ждала, широко распахнув глаза, с *трудо*моставаясь неподвижной.

Великолепно. Так ей *не*уснуть. Она просто сойдет с ума.

Она приготовилась освободиться, но тут его рука сжалась. Сосок напрягся под его рукой, предавая ее.

Его рука начала легкие поглаживания груди. Она прикусила губу, сдерживая рвущийся крик.

Он все это делает во сне? Неужели это бессознательно?

К ее ужасу, она выгнулась, толкая твердеющий сосок в его руку.

В этот момент не было никакого страха. Только сильная пульсация между бедер.

Не задумываясь, она начала двигаться, извиваясь, прижимая себя ближе к нему, вжимаясь в его пах, чувствуя спиной его возбуждение. Его пальцы нашли ее сосок и

окружающее утратило всякое значение.

Его дыхание согревало изгиб ее шеи. Он дышал так же тяжело и учащенно.

Сорочка стала ненужной преградой, не давая ощутить его голую кожу. Она застонала, вжимаясь еще сильнее.

Другая рука Спенсера обвила ее тело, забираясь под сорочку. Она не удержалась от стога, когда его рука обхватила ее грудь, играя с сосками, доводя ее до безумия.

Ее бедра извивались, лихорадочно ища облегчение. Его рука безошибочно нашла низ ее живота, вторгаясь между бедер до того, как она смогла запротестовать.

Не то что бы она стала. Не то что бы она могла.

Все ее тело дрожало, пылало для него. Губы разошлись в крике при первом касании его руки, поглаживании пальцем ее створок. Она прикрыла глаза, забывшись в наслаждении. Вздвигнув, она покачнулась, не давая вырваться крику наслаждения из легких.

— Боже, Эви, — простонал он. Тревога. Просыпается. *Просыпается.*

Она замерла

— Ты такая чудесная.

При звуке его голоса, подтвердившего, что Спенсер не спит и осознает свои действия, она словно превратилась в камень.

Если бы только Эви остановилась на мгновение и задумалась, то поняла бы, что он проснулся. Но потерявшись в его прикосновениях, в жажде, охватившей ее тело, она предпочла проигнорировать очевидное.

Его дыхание обожгло ей шею.

— Ты такая же сладкая на вкус, как и на ощупь?

Услышав его громовой голос, Эви больше не стала себя обманывать. Глубокий хриплый голос Спенсера, его слова, переполненные желанием, заставили ее почувствовать себя дурочкой, которую обманули и использовали.

Он знал, что произойдет и планировал это — то самое соблазнение, которым ей пригрозил.

Злость поднялась в Эви, накрыла ее волной стыда, но ее тело ответило Спенсеру, выгибаясь навстречу его пальцам, играющим с ее влажной плотью, безошибочно нашедшим *то самое* место, о котором говорила Милли. Место, где женщина забывает себя и окружающий мир, растекаясь лужицей трепещущих, кричащих нервов.

Пока Милли ей об этом не сказала, Эви и не подозревала, что такое у нее есть. Спенсер нашел его. Прикоснулся к нему. Его пальцы скользнули по ней, и ее пронзило желание.

Он знал. Конечно, он знал.

И использовал свое знание, чтобы подвергнуть ее пыткам, поработить. Он обводил крошечный бугорок сильными, но небольшими круговыми движениями, пока сдавленный крик не вырвался из ее горла. Ненавидя его — ненавидя *себя* — она выгнулась, рванувшись вверх и разлетаясь на кусочки.

Спенсер ускорил движения рукой между ее ног, прижав Эви к кровати. Его приблизившееся лицо, которое она теперь могла рассмотреть до последней черточки, казалось суровым и непоколебимым в тусклом свете камина.

Застонав, она напряглась и выгнулась, вцепившись руками в простыню.

— Вот так, — с блестящими животным удовлетворением глазами Спенсер продолжил свое чувственное наступление, медленно поглаживая ее пальцами.

Ее бедра раскрылись сами по себе, все шире раздвигаясь для него.

— Пожалуйста, — умоляла она, не задумываясь, о чем просит.

Но он знал и ответил на ее мольбу, войдя в нее пальцем, мучительно медленно наполняя ее. Скользящими движениями он проникал в нее, останавливаясь, чтобы погладить и потереть маленький бугорок, и снова глубоко вонзаясь.

Поддавшись, наконец, растущему напряжению, она вскрикнула и взорвалась от ослепительно ярких нахлынувших ощущений, пронесшихся сквозь нее.

Тяжело дыша и дрожа, Эви свалилась обратно в постель, разжав кулаки и веря в то, что никогда она уже не будет прежней, правильной. Никогда больше не захочет ничего — кроме *него*. На всю оставшуюся жизнь.

Он шевельнулся, нависая над ней, накрыв своей огромной тенью, которая была темнее, чем спертый воздух, окружавший их.

Прохладный ветерок прошелся по ее бедрам, прикоснувшись к измученной обнаженной

плоти. Она сжала ноги вместе. Волна стыда окрасила ее лицо при ощущении собственной влажности, при воспоминании, как она сдалась — его невеста, требовавшая времени и расстояния, поклявшаяся в любви и верности мертвецу. Какой слабой дурочкой она должна ему казаться.

Она крепко зажмурилась.

— Я не хотела, чтобы это произошло.

Его голос прогремел из темноты.

— Неужели? А мне показалось наоборот.

Ее щеки порозовели. Эви открыла глаза, уставившись на его черты, желая четче рассмотреть его лицо и прочесть мысли Спенсера в ледяной зелени его глаз.

— Ты обманул меня. Я спала...

— Ты знала, что происходит. Ты этого хотела.

- *Прекрати* так говорить!

— Прекрати так протестовать... и скажи спасибо, что я не довожу до конца то, чего мы так очевидно оба хотим. Несмотря на твои девичьи протесты.

— Доводишь до конца... — она нахмурилась, вызывающе трясая головой.

Он схватил ее за руку. Пока она соображала, что к чему, Спенсер просунул ее руку между их телами, прижав ее ладонь к твердому доказательству своего желания. Она вздрогнула, рука ее задрожала на твердых очертаниях под ее ладонью. Эви затрепетала, борясь с той предательской, любопытной частью самой себя, что так хотела пошевелить пальцами, пробежаться по его длине и форме.

— Вот это, — процедил Спенсер. Большой и пульсирующий, он растягивал бриджи.

— Будь благодарна, что ты достигла удовлетворения, в то время как я остался в стороне, — грубо и напряженно прорычал он, заставив ее поежиться, — Но, может быть, ты захочешь это исправить?

Она рванулась, высвобождая руку и потирая ее о свое обнаженное бедро, как будто обжегшись. Только осознав, что большая часть ее плоти до сих пор на виду, она одернула ночную рубашку вниз.

— Конечно, нет, — прошипела она. — Допустим, мое тело отвечает тебе, но я не просила, чтобы меня брали против воли!

— Нет? Что, ты думаешь, происходит, когда ты дразнишь мужчину, пока у него член не отвердеет?

Она дернулась, словно от пощечины.

— Я ничего подобного не делала!

Неожиданно он шевельнулся. Эви напряглась, полустрашась, полунадеясь, что он до нее дотронется.

Гибким движением Спенсер спрыгнул с кровати, которая тут же распрямилась.

— То, как ты терлась своим сладким маленьким телом об меня, я бы точно охарактеризовал, как попытку раздражить мой член.

Ее передернуло от вульгарных слов. Вскочив на колени в кровати, она ткнула в его грудь пальцем.

— Все, что я делала, было ненамеренным... пока я спала, — огрызнулась Эви. — То, что мы оказались вынуждены делить одну постель, совсем не помогло. В будущем, этого можно избежать. Когда мы вернемся...

— Эви, ты теперь моя жена, — предостерегающе прорычал он. — И не дрожащая

девственница, — Спенсер поднял руку. — Не пойми меня неправильно. Это все очень впечатляюще. Блестящая игра. Роль застенчивой-девицы-с-пробуждающимся-желанием несомненно меня возбуждает.

Эви задохнулась, кровь прилила к ее лицу. Что она могла на это ответить? Она едва ли могла известить его, что это никак не игра!

— Может быть, тебе просто стоит признаться, что у тебя есть зуд, требующий удовлетворения, и прекратить свои игры, — сердито пробурчал он, судорожно натягивая одежду.

— Игры! Да я никогда...

— Да, — он отрезал. — В один момент ты умоляешь дать тебе немного времени из-за того, что до сих пор привязана к Йену, в другой — дразнишь меня как жадная уличная девка, — он судорожно выдохнул. — Однако у тебя ничего не выйдет, голубушка. Если Йен за тобой наблюдает, то он знает.

— Знает что?

— Можешь ты это принять или нет, но ты желаешь другого мужчину — желаешь меня, — отрезал он, от чего у нее заныло в животе. — Ты страстно желаешь почувствовать меня глубоко внутри себя.

От возмущения у Эви сдавило грудь, она смотрела, как его большая тень двигается по комнате и подхватывает сапоги и жакет. Все еще на коленях, она неловко подползла к краю кровати, поближе к нему.

— Т-ты — чудовище!

— Действительно? — он ткнул в ее сторону пальцем. — Тогда в следующий раз не жди, что *чудовище* остановит то, что начинаешь ты.

Его размытая тень двинулась, скользнув к ней в тусклом свете комнаты.

Обвив ее рукой за шею, Спенсер притянул Эви к себе, обрушившись на ее губы в безжалостном поцелуе.

Оказавшись приплюснутой к его телу, она заколотила кулачками по его твердым плечам, горячо сыпя бессвязными возражениями. Спенсер воспользовался преимуществом и скользнул языком ей в рот.

Эви оказалась в плену его рук, удерживающих ее затылок и лицо.

Как тлеющие угли, подхватившие пламя, ноющая боль между ее ногами возобновилась с удвоенной силой. Его рот обжег ей губы. Ласка его языка украла остатки ее воли.

Эви осела мертвым грузом в его объятиях, сдавливая пальцами его плечи, ненавидя тонкий батист его рубашки, желая снова ощутить его гладкую плоть. Простонав ему в рот, она вернула поцелуй, наслаждаясь его жадными губами, его голодным языком.

Также быстро, как все началось, его руки отпустили ее.

Спенсер оторвался от нее. Тяжело дыша, Эви упала на кровать, ее руки взлетели к опухшим и саднившим губам.

Ее глаза горели от яростных слез, в этот момент она его ненавидела. И ненавидела себя еще больше. Потому что все, что он сказал, оказалось правдой.

Она желала его. Сгорала по нему.

Глаза Спенсера, смотревшего на нее, заблестели.

— Это тот поцелуй, в котором ты отказала мне ранее. *Теперь* мы муж и жена.

И он ушел, с силой захлопнув деревянную дверь, задрожавшую от удара.

В пустоте и одиночестве она упала на кровать. Схватив подушку, она обняла ее обеими

руками и прижала к себе, спрашивая себя, не совершила ли она самую большую ошибку в своей жизни.

Подняв руку, Эви легонько потрогала свои губы и повернулась лицом к окну, слепо уставившись на снег, проносящийся мимо. И поняла.

С остановившим сердце озарением, она поняла.

Если он захочет ее в своей постели, у нее не хватит воли воспротивиться. И тогда он узнает правду. О ее неискренности. О ее лжи. О ее растущем, на грани одержимости, влечении к нему.

Она поежилась. Это был всего лишь вопрос времени.

Спенсер стремительно шагал в предрассветный мрак, приветствуя ледяной поцелуй ветра и мокрый снег на своем лице, в надежде на то, что ночь сможет остудить его пыл.

Голые ветки скрипели и стонали на ветру. Он шел, и его тяжелые шаги впечатывались в талую землю и уносили его от таверны на пустые, полные теней улицы деревни. Спенсер прошагал по окраине спящего селения, остановившись только в окружении высоких деревьев. Внезапно дернувшись, он прислонился к замерзшему мхом стволу.

Скольким мужчинам пришлось вымещать в таких прогулках неистраченный пыл после венчания?

Спенсер чертыхнулся. Он был зол на Эви... но еще больше на себя.

Почему он ей досаждал? Почему он не может оставить ее в покое, как она того хочет? Где же его гордость?

Он никогда не умолял. Никогда не трудился соблазнить женщину — просто не приходилось. К чему? Многие из них были рады удовлетворить его нужды. Похоже, он просто помешался на заявлении прав на кусочек рая, что Йен нашел в ее объятиях. Или за этим стояло что-то большее?

Может, причина была в ней?

Покачав головой, он оттолкнулся от дерева и продолжил свою прогулку, еще не готовый к возвращению и столкновению с ней.

Несмотря на то, что ее тело отвечало ему, ее голова — *ее сердце* — все еще говорили нет. Он начал подозревать, что так будет всегда. Несмотря на то, как сильно он ее желает, Эви всегда будет удерживать частицу себя от него под замком. *Ту частицу, что она сохранила для Йена.* Уверенность в этом горела в его венах, подпитывала желчью его горло.

Он не мог вести себя как его отец или братья, грубые скотины, следуя каждому низменному инстинкту, не принимая во внимание интересующую его женщину. Она была его женой, Линни, неважно, как она теперь звалась. И это его долг Йену — быть с ней более предупредительным.

Увы, во всем, что касалось Эви, его мысли и логика не работали.

Подъехав к Эштон Грейнджу, они заметили, что он освещен огнями. Эви обрадовалась этому, так как ей всегда нравилось, когда свет разрушал неумолимую тьму. И только когда открылась дверца экипажа, она задумалась о причинах подобного освещения.

Даже Спенсер, помогая ей выйти из экипажа, смотрел на дом. Она почувствовала себя неловко, заметив озадаченное выражение его лица, посмотрела на дом, потом снова на него.

— Что-то не так?

Он разглядывал дом.

— Кажется, у нас гости...

Распахнулась входная дверь и по ступенькам спустилась миссис Брукс.

— Ах, благодарение небесам! Вы вернулись. Я уже не знала, что делать! Я уж так старалась, — она понизила голос до свистящего шепота, — чтобы эта *женщина* была довольна. Но всё не по ней. Она приехали почти сразу же после того, как вы уехали. Она и ее друзья.

Задышавшись, она приложила руку к груди, словно внезапно почувствовав острую боль. Мельком оглянувшись, она тихонько продолжала.

— Она мне докучала, всё пыталась узнать, где вы, — экономка провела рукой по губам, словно закрывая их на ключ. — Я ни словечка, ни слова не сказала о том, где вы можете быть... — и красноречиво посмотрев на Эви, продолжила, — и с кем. Я заявила ей, что ваши дела касаются лишь вас, и не стоит...

Спенсер поднял руку и покачал головой, как будто испытывая головокружение.

— Миссис Брукс. Пожалуйста. Я совсем ничего не понимаю. Кто здесь?

Экономка изумленно посмотрела на них, как будто это было очевидно.

— Разве я не сказала? О, виновата! Виконтесса, — она посмотрела на Эви, извиняясь. — Вдовствующая виконтесса, которая... мне кажется. Да, ваша невестка, леди Адара.

Леди Адара? Эви сглотнула. Он родственник *нэра*? Виконтесса? Она повернула голову, посмотрела на Спенсера. Почему он раньше об этом не говорил? Мысли кружились в голове. Всё постепенно вставало на свои места.

Леди Адара — его невестка, жена его умершего брата. Старшего брата, всё оставившего ему.

Включая титул.

Она почувствовала ярость. Спенсер посмотрел ей в глаза. Как он мог не сказать ей об этом? Он был титулованным лордом. Теперь и *он* тоже. Виконтесса. Теперь она часть того мира. В который и не стремилась попасть.

Она никогда не считала вероятным, что попадет в этот мир после пенвичской школы. А потом, после Барбадоса, она и не хотела входить в этот мир, просто терпеть не могла, когда ее внимательно разглядывали. И никогда этого не потерпит.

Она почувствовала жгучую боль от предательства. Как же он мог ей этого не сказать? Нужно было упомянуть об этом.

А посмотрев на свое мятое, ужасно немодное дорожное платье, она почувствовала себя несчастной. Она не была истинной леди. Эта леди Адара сразу же это заметит.

Она вдруг захотела спрятаться за одной из высоких изгородей, окружающих фасад дома.

Как его семья воспримет его женитьбу? На женщине без будущего из семьи с сомнительным благосостоянием. Женщина, которая утверждает, что была замужем за человеком таинственного происхождения.

Лорд должен жениться на наследнице. Или на леди. Или на леди-наследнице.

— Адара здесь, — мрачно повторил Спенсер, очевидно, не испытывая изумления. — Ну ладно. Она сможет передать новости Камиле и успокоить ее по поводу моей женитьбы.

Если он думал, что его родственники могут их посетить, то должен был объяснить ей, кто он на самом деле.

Экономка раздраженно сказала:

— Она и ее друзья развлекаются в гостиной сегодня.

Спенсер сжал руку Эви и повел ее к экономке.

— Позаботьтесь об Эви, а я займусь нашими... гостями.

Эви почувствовала облегчение. Ей не придется присутствовать при том, как он объясняет, что женился, своей благородной родственнице. Она считала это проявлением трусости, но всё равно радовалась, что не встретится с их гостями. Они стали подниматься по ступенькам, остановившись, когда вдруг раздался женский крик.

— Спенсер!

На пороге появилась такая красивая женщина, что Эви почувствовала себя уродиной с ужасными недостатками: ведь она очень худа, а узкое лицо только с натяжкой можно было назвать привлекательным. Леди Адара в голубом шелковом платье и с волосами, собранными в золотые локоны по обе стороны от лица, напоминала богиню. Черный стоячий воротник лишь привлекал больше внимания к кремовой коже ее декольте.

Подожли остальные, толкаясь на пороге. Яркие разукрашенные павлины. Леди Адара приподняла юбки и побежала вперед, изящно перебирая ножками в тапочках. Она бросилась на Спенсера, крепко обнимая его.

Эви почувствовала напряжение и раздражение, глядя, как другая женщина обнимает ее супруга.

Чувствуя себя посторонней, она подвинулась поближе к экономке. Может, она и жена Спенсера, но она, очевидно, его не знает. Во всяком случае, не так хорошо, как леди Адара. Она сомневалась, что наступит день, когда она также бросится в объятия мужа с такой страстью. Осознав это, девушка почувствовала тупую боль в груди.

— Адара, — приветствовал он ее, освобождаясь от ее хватки. — Что вы тут делаете?

Она легонько шлепнула его по груди, моргая глазами, обрамленными пушистыми ресницами. Большие, нежные, карие глаза.

— Я должна спросить тебя том же. Почему ты еще не приехал домой? Твоя мачеха и я ждали тебя, затаив дыхание. Особенно я.

Эви застыла: «Особенно я».

Это лишь ее воображение, или ее невестка слишком явно выражала свои нежные чувства?

Спенсер проворчал:

— Я же заверил Бэгби...

— Бэгби, вот еще! Ты ожидал, что я поверю на слово слуге, что ты собираешься найти себе невесту? Спенсер, дорогой, ты вообще знаешь, где найти подходящую леди? Ради всего святого, ты был на войне. Не переживай, я составила список лишь самых исключительных девушек нынешнего сезона.

Она положила обе руки Спенсеру на грудь, словно это было совершенно естественно.

— По крайней мере, ты вернулся целым и невредимым. Юные невесты весьма заинтересованы в подобных вещах, — она широко раздвинула пальцы, словно измеряла широту его груди, и засмеялась.

— По крайней мере, на ощупь ты кажешься целым, но я могу потребовать более подробного осмотра наедине.

Маленькая ведьма! Эви еще никогда не видела зрелища отвратительнее. Она покраснела. Ее пальцы сжались в кулаки от едва сдерживаемой ярости. Невероятно, но она очень хотела оттащить эту женщину за светлые локоны и бросить на землю.

Неужели это так скоро начнется? До того, как они даже попытались зачать наследника, которого он так желает? Неужели их брак уже кажется притворством, как это и есть на самом деле?

Она сглотнула, чувствуя, как сжимается ее горло в испуге, а также непрошеное жжение в глазах. Станет ли он искать других женщин у нее на виду? Она решительно заморгала, изумляясь, почему ее это так заботит. Ошиблась ли она, не настояв на исполнении супружеских обязанностей сразу вечером после свадьбы? Брак длится всю жизнь. Мужчины обычно так долго не воздерживаются.

Считая себя неспособной удержаться и не напасть на изящную леди Адару, она подошла ближе к миссис Брукс, готовясь убежать, желая убраться подальше от невестки Спенсера.

— Адара, вы должны познакомиться кое с кем.

Эви застыла, а потом медленно повернулась.

Адара посмотрела туда, куда он указывал, сначала на его руку, а потом на Эви. Она выглядела изумленной. Очевидно, она лишь сейчас заметила девушку.

— Спенсер, — прошептала она ворчливо. — Кто это?

— Адара, познакомьтесь с моей женой. Эвелиной...

— Твоей женой! — ее глаза стали огромными, сделав лицо почти непривлекательным. Эви сдержала улыбку, в тайне желая, чтобы подобное выражение лица осталось навсегда у леди Адары.

— Как такое может быть? — продолжала леди. — Бэгби не говорил о жене, когда вернулся после встречи с тобой, только о том, что ты согласен поискать невесту, — на ее лице появились красные пятна. — Это какая-то шутка, Спенсер? — она сжала руки в кулачки и подбоченилась.

— Потому что, уверяю тебя, это не смешно. Эта, эта... особа не может быть твоей женой. У меня и Камилы были планы и более подходящие кандидатуры, чем эта...

— Это не шутка, Адара, — ответил он, как отрезал. — Вы с Камиллой должны смириться с разочарованием. Я решил сам выбрать себе невесту, — широкой ладонью он поддерживал спину Эви. — Вы не поприветствуете мою невесту, как полагается? Она ваша преемница.

Эви посмотрела на его твердокаменно лицо, совершенно уверенная в том, что он получает какое-то извращенное удовольствие от всей этой сцены. А также убежденная в том, что он забыл, что получает подобное удовольствие за счет нее.

Мгновение простояв в нерешительности, Адара сделала реверанс, но смотрела она теперь не нежными карими глазами, а резкими черными пластинками.

— Леди Винтерс, добро пожаловать.

«Леди Винтерс? Это ее имя?»

— У нас есть много...

Ее слова потонули в жужжащем шуме в голове Эви. *Леди Винтерс*. Она посмотрела на Спенсера. В ответ на вопрос в ее глазах, он просто покачал головой. Предупреждение. Это сообщение в его взгляде она прекрасно поняла. *Не сейчас*.

Она закусила губу, чтобы удержаться и не потребовать объяснения здесь и сейчас. Только гордость не позволяла ей этого сделать. Она не хотела бы, чтобы его невестка узнала, что она даже имени своего не знает. Она бы не хотела, чтобы та поняла, что Эви даже не знает того человека, за которого вышла замуж. Если возможно, то она бы хотела избежать подобного позора.

— Адара, если вы нас извините, это было долгое путешествие, я и Эви хотим отдохнуть. Адара густо покраснела.

— Разумеется, вы же молодожены, — она подняла голову и злобно посмотрела на них. — Я хорошо помню, каково это, — она слегка улыбнулась. — Твой брат и я не покидали спальню несколько дней.

Отступив назад, она пригласила их внутрь.

Спенсер заставил Эви пройти вперед. Она снова посмотрела ему в лицо. Он и вида не показал, что слышал Адару. Он смотрел лишь на нее, на свою жену, его зеленые блестящие глаза настойчиво ее ощупывали. Задрав вверх подбородок, она посмотрела вперед и поднялась по лестнице, позволяя ему идти за ней попятам. Она не могла идти бок о бок с ним, изображая счастливых молодоженов. Непонятно только, почему от эмоций ей так трудно дышать.

Надеясь, что оставила его далеко позади, она поспешила по коридору к той комнате. Где спала раньше.

Только вот у Спенсера было на уме совсем другое. Он схватил ее за руку, развернул, увлекая за собой в другую комнату. *Свою* спальню, как можно было догадаться, судя по размеру и темным цветам мужской мебели.

Она попыталась уйти, но он закрыл путь к двери, сердито глядя на нее.

— Дай мне пройти.

— Пока нет. Нам нужно кое-что выяснить.

Она уперла руки, сжатые в кулаки, в бока. В этот момент вид его красивого лица раздражал ее как никогда.

— Я не одна из твоих солдат, которыми ты можешь командовать...

— Нет, — выдавил он сквозь зубы. — Ты — моя жена.

Она наклонила подбородок.

— Не совсем.

— Нет? — он направился к ней. Не сумев справиться с собой, она отступила, отходя глубже в большую спальню. — И как же так? Я помню, как мы давали клятвы.

— Этот союз можно расторгнуть, — безрассудно выпалила она, чувствуя лишь гнев. — Еще не слишком поздно, *лорд Винтерс*, — добавила она многозначительно, кипящая из-за того, что он забыл об этом упомянуть... злясь из-за того, как ласкалась к нему его невестка. И она совсем не подумала, что он-то как раз интереса к той леди не проявил. Эта женщина его хотела. Эви видела это по ее лицу, слышала в ее голосе.

Она бросилась в атаку:

— Как ты мог мне об этом не рассказать?

— В журнале я записал свое полное имя и титул...

— О! Я не заметила. Не удивляюсь. Потому что я плохо помню, как писала собственное

имя!

— Признаю, что еще сам к этому не привык. Я планировал рассказать тебе.

— Не обращай внимания! Я уверена, что Церковь позволит признать брак недействительным, когда станет известно, что такой благородный лорд женился на такой женщине как я.

— Я никогда не говорил...

— На падшей женщине, — она постаралась не дрожать. — Представь, что произойдет, если правда станет известна? Мужчина твоего положения, о чем ты только думал?

— Довольно, — проворчал он.

— Ты не можешь мне приказывать. Давай не забывать, что мы, по сути, еще не настоящие муж и жена.

Он поднял черную бровь.

— О. я об этом не забыл, моя дорогая.

— Хорошо, — выпалила она, резко кивнув, слыша громкий стук сердца в ушах.

— Я прекрасно сознаю, что пока не переспал с тобой, — сообщил он, наступая на нее с угрожающим выражением лица.

Она моргнула, совсем не довольная тем, что в его зеленых глазах опять загорелся воинственный огонек. Она отступила на шаг.

Он следовал за ней, улыбаясь жестоко и невесело.

— Ты, разумеется, права, — проворчал он, протянув руку к галстуку и развязывая его.

— Права? — она споткнулась о кровать.

— Мы не женаты. По сути, — галстук полетел прочь. — Вероятно, лучше мне исправить это.

Она обошла кровать так, что та оказалась между ними. Она чувствовала в своей крови тревогу и возбуждение. Она мысленно выбрала себя за то, что чувствует возбуждение.

— Тебе несложно будет добиться признания брака недействительным. Ты всё-таки, лорд. Разве мир потекает всем твоим прихотям?

— Я и узнавать не собираюсь, — он обошел кровать. — Перестань драматизировать. Ты от меня не избавишься. Во всяком случае, несколько месяцев. Сможешь вытерпеть меня так долго? Если хочешь скосить время наказания, то должна быть поговорчивее. Теперь иди сюда.

Она в панике затрепетала, прошла мимо него. Он схватил ее за плащ, и она прокляла себя за то, что не сняла его, как только зашла в дом.

Она вцепилась в завязки у горла, потом опустила плащ на пол и вырвалась. Она почувствовала триумф, услышав, как он выругался позади нее. А потом побежала к двери, схватилась рукой за щеколду.

Вот тут он оказался на ней, прижимая ее к двери своим сильным телом. Она выдохнула, и всё пыталась нащупать щеколду у своего бедра и открыть чертову дверь. Тут он ее крепко схватил за плечо и развернул.

— Ой! — она ударилась затылком о дверь.

Он сердито смотрел на нее, щеки у него немного запали. Она никогда не видела его в таком гневе.

Никогда не чувствовала себя настолько живой уже много лет.

— Ты именно этого хочешь?

— Чтобы меня волокли? — зашипела она, приближая своё лицо к его лицу. — О, в

самом деле. Это просто воплощение девичьих мечтаний.

Он помрачнел, а яркость его зеленых глаз заставило ее содрогнуться.

— Ты говоришь мне, что наш брак не настоящий, что он не узаконен, потому что мы его не скрепили. Ты же не ждешь, что я послушно соглашусь с этим лепетом, не так ли?

— Но это не давало тебе повода нападать на меня!

— А разве нет? — он посмотрел на ее платье, на скромное декольте. А потом заговорил хриплым шепотом.

— Знаешь, что я думаю?

Она покачала головой.

Он прижался к ней бедрами, возбужденной плотью к ее животу. Она вздохнула, почувствовав тупую, пульсирующую боль между ног.

— Это лишь твой хитрый план, чтобы завлечь меня.

— Нелепость...

— Ты направляешь все свои силы, чтобы спровоцировать меня и заставить овладеть тобой.

— Чепуха!

Он подарил ей такую угрожающую улыбку, что от нее живот свело.

— Давай закончим эти игры, Эви, хорошо? Мы с самого начала шли к этому моменту.

Ее сердце заколотилось с предательской скоростью.

— Никогда!

Он перестал улыбаться.

— Упрямая женщина. Значит, я упрощу тебе задачу.

Он наклонил голову.

Отчаяние охватило ее кровь, и она со вздохом опустила голову на бок. Он провел губами по щеке.

Не позволяй ему целовать тебя, Эви! Не становись похожей на бедняжку Линни... восприимчивую и легко поддающуюся мужским уговорам.

Он все же пытался поймать ее рот своими губами.

Она ударилась головой о дверь, стараясь ускользнуть от его приближающихся губ. Посыпались шпильки, и масса ее волос рассыпалась по плечам.

Он обхватил ее лицо обеими руками, зарываясь пальцами в ее волосы, ладонями грея ее щеки, от этого приятного, немного шершавого прикосновения у нее все внутри затрепетало.

В зеленых глазах появился огонь, и она теперь понимала, как этот человек командовал солдатами в сражении. Она сейчас чувствовала, как сражается против него. И проигрывает.

Нос к носу, дыхание смешивалось с дыханием. Пойманная в ловушку, она утонула в страстности его взгляда — в шикарном зеленом цвете освещенного солнцем леса, от которого она не могла скрыться.

И тогда он склонился еще ближе к ней, овладевая ее губами в диком, карающем, жадном поцелуе, единственной целью которого было овладеть ею, поставить на ней свою метку. Этот поцелуй ошеломил ее. Он еще никогда так ее не целовал: не в Литл-Биллингс, не на постоялом дворе. Этот поцелуй был полон гнева и властности. Мужчина потерял над собой контроль.

Ее руки, пойманные между их телами, старались создать своего рода клин. Извиваясь всем телом, она боролась с ним, боролась с собой, не раскрывая губ под его страстной атакой. Твердая дверь за спиной, он, еще более твердый, перед ней, так что она боролась, пока не почувствовала, как все тело совершенно изнемогает.

Она не могла сдаться ему, не могла позволить ему узнать о ее неопытности... и как будто понимая, что так ему ее не победить, он стал целовать ее нежнее. Сначала верхнюю губку, осторожно покусывая ее, засасывая ее себе в рот, нежно касаясь языком.

Голод охватил ее тело, в особенности живот, а пульсация между ног усилилась. Ее тело смягчилось, тая от его прикосновений.

Он опустил руки на ее бедра, прижимая ее к своей возбужденной плоти. Она поднялась на цыпочки и подалась вперед, чувствуя, как пульсация теперь становится почти болезненной.

Она знала, что делает... знала, что играет с огнем.

— Я не хочу этого, — выдавила она, отрываясь от его губ. Ее хриплый от желания голос свидетельствовал о том, что она лжет. Сглотнув, она снова заговорила.

— Пожалуйста.

Эти завораживающие глаза разглядывали ее покрасневшее личико.

— Неужели?

Она выскользнула из ловушки между ним и дверью, неловко выставив руки перед собой. К счастью, он ее отпустил.

Подняла руки к волосам, но ущерб уже был нанесен. Никакой надежды привести их в порядок теперь. Сложив руки над напряженным животом, она попыталась забыть о том, что

он видит ее с разметавшимися волосами и губами, пульсирующими после его грубого поцелуя.

Мужчина смотрел на нее блестящими глазами, ужасными в своей ледящей красоте, отчаянном голоде. Он хотел ее, как бы невероятно это ни звучало, но это правда. И это было нечто большее, чем желание зачать наследника. Не так ли?

И тут она подумала, что, вероятно, его огромное желание не относится к ней... а вызвано женщиной внизу. Хотя он, казалось, совершенно не выказывал нежных чувств к Адаре, но Эви была уверена, что у них что-то было, что-то большее, чем просто отношения невестки и деверя. И совсем другой жар охватил Эви, когда на нее нахлынула подавленность.

Он подняла подбородок.

— Почему ты на мне женился? — спросила она, чувствуя в голове яростный водоворот мыслей. — На самом деле? Дело ведь не просто в чести и долге?

— Я тебе уже говорил. Мой долг: жениться и заполнить детскую. Долг обеспечить тебя и Николаса, — она увидела, как от гнева на его щеке задергалась мышца. — Женильба на тебе показалась мне удобной.

Эви подошла к двери, говоря:

— Это из-за нее?

Он озадаченно смотрел на нее:

— Из-за кого?

— Леди Адары.

Его ледяные зеленые глаза стали еще холоднее, если такое вообще возможно.

— Адара больше ничего для меня не значит.

— Больше, — повторила Эви. Это слово словно ножом ударило ее в сердце. Это не считается. У нее не было права испытывать ревность из-за женщины в его прошлом. Она не имела права ревновать к женщинам в его настоящем.

Эви сглотнула комок в горле.

— Она теперь тут, значит, довольно важна. Кто она тебе? — она услышала, как ее голос стал металлическим, слышимым словно издалека.

В груди появилась тупая, пульсирующая боль. Она коснулась этого места через платье, как будто могла так избавиться от этого ощущения. Это просто договоренность. Почему ей так больно?

И снова этот тик.

— Адара вышла замуж за моего брата. А не за меня...

— А ты хотел жениться на ней? — это не должно было быть так важно для нее. Это случилось давным-давно.

Он помолчал, потом признал ее правоту:

— Да. Она согласилась сбежать со мной, потом выбрала моего брата.

— Очевидно, она все еще неравнодушна к тебе.

Он пожал плечами.

— Но меня это больше не касается. Я даже не понимаю, зачем мы сейчас это обсуждаем.

Потому что она сейчас здесь.

— Так значит, поспешная женильба на мне сразу после возвращения в Англию не имеет к ней никакого отношения? — спросила она, крепко обнимая себя руками.

Спенсер пришел в такую ярость, что она едва сумела сдержаться и не отступить назад.

— Я уже говорил, что мне надо было жениться.

— И я подходила так же, как любая другая, верно? Слишком глупая и отчаявшаяся женщина, чтобы спрашивать о мотивах твоих поступков, — сказала Эви.

Он покачал головой и резко ответил:

— А тебе какое до этого дело? Ты сама вышла за меня замуж, руководствуясь своими соображениями, — он насмешливо скривил рот.

В самом деле. Она вела себя, как ревнивая мегера. Но она не могла перестать его осуждать.

— Ты женился на мне, чтобы наказать свою невестку, заставить ее ревновать.

Он прищурился.

— Тебя так это волнует? Ты даже не можешь лечь со мной в постель потому, что влюблена в чертово приведение!

Девушка резко вздохнула, словно он ее ударил. Разумеется, он прав. Не о любви к признаку, а во всем остальном. Между ними ничего нет. Они женились не по любви или испытывая привязанность, так почему она играет роль взбешенной жены, отчаянно желающей, чтобы супруг обращал внимание лишь на нее одну?

Вспоминая о том, как он ласкал ее самые интимные местечки, зажгло ее тело. Да, вот оно. Желание. Вероятно, именно оно сбило ее с толку. Заставило ее думать, что между ними может быть что-то большее. Со временем она отдастся ему. Она обязана, она на это подписалась. Ему нужны наследники. Если он не узнает ее тщательно оберегаемый секрет, то тогда у них может быть что-то большее, нежели холодный брак по расчету. Хотя ее уловки теперь создали между ними пропасть.

И тут ее охватил стыд. *Ее уловки*. Как она может тут стоять, обвиняя его в том, что он ввел ее в заблуждение, когда она сама лгала обо *всем*? Даже о своем имени!

От огорчения ее кожу закололо. Она выпрямилась настолько, насколько могла.

— Ты, разумеется, прав. Я веду себя глупо. Ты не должен мне ничего рассказывать о своем прошлом.

Он изучающе смотрел на нее. Странно, но, кажется, эти слова разозлили его сильнее. Он согнул руки.

— Ты меня изрядно раздражаешь.

Эви отвернулась, замечая идеально продуманный интерьер его спальни, совершенно мужской, выполненной из каштана.

— Где мне спать? — разумеется, не стоит ожидать того, что она снова будет делить с ним постель. Она могла вынести подобное лишь однажды.

— Ты будешь спать там, — Спенсер подошел к смежной двери, не сводя с нее глаз.

Она кивнула. Не сказав ни слова, Эви прошла вперед и открыла дверь, стремясь как можно скорее оказаться по ту сторону от него, отчаянно желая оказаться в одиночестве, чтобы обдумать свое будущее. Это брак по расчету. Она об этом почему-то позабыла. И подумала, что они не просто незнакомые люди, решившие вступить в брак по расчету. Она думала о настоящем браке, в котором можно рассчитывать на счастье, нежность. *Любовь*.

Но перед тем как закрыть дверь, она не могла сдержаться и обернулась, чтобы еще раз посмотреть ему в лицо, на его тело, такое стойкое, на невероятно твердую грудь, немного расставленные мускулистые бедра, как будто он находился на поле боя.

На расстоянии их глаза встретились, он все еще стоял в центре комнаты. Ей стало интересно, о чем он думал. Неужели она обидела его, что теперь он сожалел о том, что

женился на ней?

Девушка закрыла дверь и прижалась к ней, борясь со своими мыслями, в основном с желанием к мужчине в другой комнате.

Следующие несколько дней она не видела Спенсера. Она старалась делать вид, что не замечает этого, пыталась не переживать, вместо этого сосредоточившись на обустройстве собственного дома, борясь с приступами одиночества. Она скучала по дому. По своей семье. По своим друзьям.

И пока она старалась выполнять разные обязанности, чтобы сделать свою жизнь в качестве леди Винтерс более удобной, она всегда прислушивалась к его шагам. Особенно ночью.

Лежа в одиночестве в постели, девушка ждала, наблюдая, как тени изгибаются на стенах, размышляя, не придет ли он этой ночью, чтобы потребовать исполнения супружеских обязанностей. Она покусывала губу, пока не чувствовала привкус крови... или не засыпала.

На утро третьего дня она уже не могла вытерпеть этого. Он совсем забыл, что женат? Очень хорошо. Но ее ждет сын. И хотя он, казалось, об этом позабыл, она — нет.

Не найдя своего супруга, Эви нашла миссис Брукс на кухне, ругающейся на леди Адару и ее гостей, которые пока еще не покинули имения. К счастью, Адара и ее друзья развлекали себя сами и совершенно не переживали из-за того, что Эви старалась избегать их шумной компании. Они в самом деле были слишком заняты собственными развлечениями, чтобы обращать на нее внимание.

Когда Эви спросила про своего супруга, миссис Брукс посмотрела поверх списка, который изучала, и задумчиво склонила голову на бок.

— Его лордство? Гм?

Эви разгладила складку на юбке, надеясь, что в ее вопросе нельзя усмотреть ничего, кроме простого любопытства. Если повезет, то миссис Брукс не знает, что ее супруг избегает ее.

— Он сегодня занимался бухгалтерскими книгами в своем кабинете. А сейчас он вышел и прогуливается где-то на территории.

— Понимаю. Благодарю.

Эви почувствовала, уходя, как экономка жалостливо смотрит ей вслед.

Сначала она убедила себя, что у Спенсера много забот, так как он давно не был дома. Особенно теперь, когда на его плечи свалились обязанности виконта. Разумеется, он не специально ее избегал.

Желая лишь побыть в одиночестве в своей комнате, где она смогла бы справиться с упадком духа, она поспешила по коридору к своей спальне.

— Ах, леди Винтерс!

Она развернулась, услышав веселый мужской голос. Мистер Грешам шел к ней пружинистой походкой, которую она заметила у всех троих друзей-джентльменов Адары. Как будто они никогда никуда не спешили. Как будто мир всегда их ожидал.

— Вы куда-то спешите? — спросил он, глядя на нее большими и темными глазами, слишком красивый для мужчины. Все друзья Адары на вид были намного красивее, чем в душе. Стильные и очаровательные, и прекрасно сознающие этот факт.

Она указала куда-то позади себя.

— В свою комнату.

— Днем? — его темные глаза грешно поблескивали. — Ах, — он поднял руку, показывая изящную руку, такую же гладкую и чистую, как и рука любой дамы.

— Не говорите больше ничего. Вы условились с мужем о романтическом свидании, — он прижал руку к груди, словно его сердце вдруг заболело. — Ах, молодожены.

Она заморгала, услышав его смелые предположения, и покраснела.

— Нет, — ответила она, слишком изумленная, чтобы подумать прежде, чем сказать. — Я не знаю, где Спенсер.

— Нет? — и как будто он воспринял ее слова, как предложение, шагнул ближе к ней. Слишком близко.

— Могу ли я осмелиться сказать...

А разве можно ли проявить большее нахальство? Она покачала головой, но он, тем не менее, продолжил говорить:

— ... если бы у меня был свободный доступ к такому искушению, как вы, я бы никогда не оставил вас.

От удивления она не могла говорить, не могла даже подумать о том, чтобы двигаться.

Потом он посмотрел на ее губы.

Он не мог говорить о...

Она вырвалась из ступора и быстро отдернула голову от его губ.

Отступив от него на несколько футов, она подняла палец.

— Держитесь от меня подальше.

Он цыкнул.

— Иди сюда, не будь такой скучной. Адара рассказала мне, что ты заброшена...

— Адара! — выдавила она, уже не испытывая никакого изумления. — Это она вас подговорила?

Он пожал плечами.

— Она подумала, что, быть может, вы согласитесь... — он замолчал и красноречиво приподнял бровь.

— А я несогласна!

Он отступил назад, выставив руки вперед.

— Не нужно обижаться. Вы еще не готовы. Я умею быть терпеливым.

— Вам придется долго ждать.

— Я в этом сомневаюсь, — он некрасиво ухмыльнулся. — Вы не знаете Адару так, как я. Она всегда получает то, что хочет, и, к несчастью, она положила глаз на вашего мужа, моя дорогая, — он посмотрел на нее с жалостью. — Ее очарование весьма искушает. Когда устанете от одиночества, найдете меня.

Не в состоянии смотреть на его самодовольное лицо, Эви развернулась и побежала в свою комнату. Она с удовольствием захлопнула дверь за собой. Прислонившись к ней, она глубоко вздохнула. От шока ее легкие сжались.

Отступив от двери, она прошла по комнате, желая закричать, топча ковер и шурша юбками, вне себя от гнева.

Этому надо положить конец.

Она сейчас найдет Спенсера и сделает настоящим их брак — и у него не будет причин удовлетворять свои потребности с другой женщиной.

Она надеялась, что еще не слишком поздно, и он не сожалел о женитьбе на ней. При

этой мысли у нее поперек горла встал ком. Но ее решительность была сильнее боли. Она не зачахнет от невнимания супруга, страдая от оскорбительного высокомерия его гостей, в то же время отрицая собственное желание.

Пора стать его настоящей женой.

Эви зашла в столовую тем же вечером, чувствуя страх и решительность. Она была одета в свое лучшее платье. Снова. Тусклый голубой муслин выглядел лохмотьями по сравнению с разноцветными шелковыми нарядами других леди. Она выбросила эту мысль из головы и напомнила себе, что именно она — хозяйка этого дома. Независимо от того, что Адара старалась подорвать ее влияние.

Хотя она не предвкушала вечер с Адарой и ее гостями, но знала, что Сперсер будет тут, и хотела все решить с ним. Как только обед закончится, она отведет его в сторону и потребует встречи наедине.

Как оказалось, ее ждало разочарование. Кресло Спенсера во главе стола пустовало. Мистер Грешам сидел справа от нее, слишком часто касаясь ее руки во время еды. За едой она устала от смеха и разных сплетен про людей, которых она не знала. Эви отказалась от участия в шарадах в гостиной и собралась уходить, как только доела десерт. Она уже почти ушла, когда раздавшийся мелодичный голос Адары заставил ее застыть на месте у лестницы.

— Вам нехорошо, Эвелина?

Глубоко вздохнув, она повернулась к Адаре и неуверенно улыбнулась.

— Вам не о чем беспокоиться. Боюсь, что еда мне не пошла на пользу, — еда, которую Адара имела наглость заказать. Эви еще не удавалось появиться у кухарки до Адары.

— Ох, надеюсь, что это не морской язык, — Адара сделала вид, что беспокоится. — Я наказала кухарке, чтобы он был свежим, — но сочувствие в ее голосе не вязалось с мрачным блеском ее глаз.

— Когда я увижу Спенсера сегодня, мне сказать ему, что вы плохо себя чувствуете?

Ледяной холод охватил тело Эви; она правильно поняла намек Адары. Правда это или нет, но эта леди желала заставить Эви поверить, что Адара первой увидит Спенсера... что она часто с ним виделась. В отличие от Эви, которая не могла даже минуту побыть с ним наедине.

— Как пожелаете, — не желая спорить с гадюкой, она приподняла юбки и снова начала подниматься по ступенькам. Потом остановилась, не в состоянии спрятать свои когти.

— Или я могу сама ему рассказать, когда увижу его. Он обычно будит меня, когда заходит в комнату.

Ее гордость требовала от нее солгать. Пусть Адара думает, что хотя он и избегал Эви днем, но ночи проводил вместе с ней.

На лице Адары появились красные пятна гнева.

Эви почувствовала удовлетворение, жаль что ненадолго.

Адара медленно улыбнулась, словно кошка.

— В самом деле. Какой он... *прилежный*. Знает свои обязанности. Выполняет всю рутинную работу.

Слова ударили Эви так же действенно, как и стрела. Он женился на ней по обязанности. Ради наследников. Ничего больше. Адара об этом знала. Все об этом знали. И почему нет? Это правда.

Неужели она правда думала, что если предложит себя на тарелке, как жареного гуся, то это сделает их брак истинным? Сделает его настоящим и постоянным?

Она даже не позвала горничную, когда поднялась в спальню. В ярости, чувствуя себя

дурочкой из-за того, что думала, что ей удастся соблазнить Спенсера и сделать его своим, она разделась и надела пеньюар. Потом села на табурет, чувствуя всю тщетность своих попыток, она вынула шпильки из волос и распустила золотисто-коричневую массу.

Решительно расчесав волосы, она стала ходить по комнате, отчего мягкий край ее пеньюара то и дело касался ее лодыжек. Через некоторое время она остановилась и добавила угля в камин, оценив тепло, не говоря уже о том, что в комнате стало светлее. Она не проснется в темной комнате. Эту часть своей жизни она еще могла контролировать. С этим страхом она могла бороться.

Закончив с этим, она села в кресло, подобрав книгу, которую прежде отбросила. Иногда снизу доносился громкий смех. Очевидно, игра в шарады была в самом разгаре.

Время тянулось очень медленно, когда она старалась услышать хоть какой-то звук из смежной комнаты. Когда она поняла, что смотрела, ничего не видя, на одну и ту же страницу целые полчаса, то положила книгу и снова стала ходить.

Потом она услышала. Легкий шум, едва слышный.

Чувствуя, что нервы натянуты, как струна, она прошла вперед и быстро постучала. Глубоко вздохнув, девушка открыла дверь и зашла.

Спенсер застыл на мгновение в кресле, глядя на нее зелеными глазами. Увидев его без рубашки, она покраснела и остановилась. Эви пожирала глазами его широкую грудь, плоский мускулистый живот. Что-то напряглось у нее в животе, ведь, наверное, ей стоило подождать позволения войти. Хотя она сомневалась, что он бы из приличия надел на себя рубашку.

Спенсер ослабил хватку, и ботинок свалился на пол. Он моргнул.

— Да? — он устроился в кресле, глядя на нее с безразличной холодностью.

— Мне нужно с тобой поговорить.

Вздыхая, он провел рукой по волосам, взъерошивая темные пряди.

— Уже поздно, Эви.

— Я не знала, когда смогу с тобой поговорить наедине. Ты меня вот уже несколько дней избегаешь, — она сжала руки в кулаки, ногти вонзились в нежную кожу ладоней. — Мы поговорим сейчас.

Его глаза блеснули в затемненной комнате, а потом он обратил внимание на второй сапог, прогоняя ее.

— Не думаю, что это хорошая мысль.

Она прошла вперед и остановилась перед креслом.

— Почему нет?

— Мне она *н*енравится, — заявил он напряженно. Он поднял глаза и посмотрел на нее, а потом на всю комнату, словно видя помещение впервые. — Мы поговорим утром. В моем кабинете...

— Почему мы не можем поговорить прямо сейчас? — она тяжело вздохнула. — У тебя какие-то планы? — спросила она, думая об Адаре.

Спенсер поднялся, выпрямился во весь рост и стал над ней и, стиснув зубы, процедил:

— Не дави на меня, Эви. Я не в настроении.

Это был очень заманчивый вызов.

Она приподняла брови, поднесла руку к его груди и *надавила* ладонью.

Мужчина схватил ее запястье, сжимая косточки, пока ей не показалась, что они сейчас сломаются. Она не вздрогнула, не отступила, даже под его обжигающим взглядом.

Она это начала, поэтому не отступит.

— Что ты хочешь от меня? — проворчал он, наклоняясь к ней. — Зачем ты меня мучишь?

Она покачала головой, облизала губы и тихо спросила:

— Ты действительно меня так ненавидишь?

Он дернулся будто от удара, и отпустил ее запястье. Она отступила.

- *Ненавижу?* Ты так считаешь? — спросил он.

Она потеряла ноющее запястье.

— А что еще мне думать? Ты меня избегаешь вот уже несколько дней. С тех пор, как мы приехали сюда, с тех пор, как Адара...

— Адара? — он покачал головой. — А она-то здесь при чем?

Он над ней смеется? Она прикоснулась кончиками пальцев к вискам, пытаясь справиться с приступом головной боли.

— Все пошло совсем не так, верно? Выгодный брак, — фыркнула она. — Этот брак вовсе не такой простой, как мы того хотели, — она махнула рукой. — Мы думали, что сможем жить друг с другом как приветливые незнакомцы, без влечения...

— Я никогда так не думал, это твои мысли, — проворчал он.

— О, не думал? Ты же хотел, чтобы я провела с тобой несколько месяцев, пока мы не зачнем наследника...

— Такая возможность маловероятна, когда ты отказываешься выполнять *супружеские обязанности!*

— Обязанности, — резко ответила она. — Продолжение рода. Ты только об этом и думаешь?

Его ноздри раздулись от гнева.

— Когда речь идет о тебе, я думаю об этом и даже больше того.

— В самом деле? И когда же? Когда ты меня избегал? — она резко взмахнула рукой. — Занимаясь множеством разных важных дел...

— Эви, — выпалил он, склоняя голову на бок.

А она продолжала, не в состоянии остановиться, испытывая необъяснимую обиду. Неужели она думала соблазнить его и рисковать тем, что ее обман раскроется только для того, что познать желание? Чтобы она, наконец, смогла почувствовать вкус страсти? С ним?

Мысленно она увидела Адару. «Он выполняет всю рутинную работу». Близость с ней, Эви, для него рутинная работа. Она не сводила глаз с его сердитого лица. Наверное, он даже не мог себя заставить выполнить эту рутинную работу.

Она почувствовала резь в глазах и моргнула, продолжая говорить с горькой горячностью:

— Если ты не можешь находиться со мной в одной комнате через несколько дней после того, как мы произнесли клятвы, потому что мне просто нужно время, чтобы привыкнуть к тому, что теперь я жена и племенная кобыла для незнакомца, тогда как ты можешь...

Он схватил ее за плечи обеими руками, едва не приподняв.

— Ты перестанешь болтать и дашь мне хоть слово сказать?

Она моргнула.

Его грудь поднималась и опускалась совсем рядом с ней. Эви притягивало его тепло. Она еще не видела его таким, он разъяренно, настойчиво рассматривал ее лицо. На мгновение она испугалась, что он ее ударит.

Наконец, он проворчал:

— Наверное, я действительно тебя ненавижу.

Она вздрогнула и закрыла глаза, чтобы не видеть неприязни в его бледно-зеленых глазах.

Его слова причинили ей большую боль, чем она ожидала. Они убили что-то внутри нее, о наличии чего она даже не догадывалась. Убили в ней *надежду*.

Почему-то с тех пор, как он вошел в ее жизнь, она снова обрела надежду на то, что она считала потерянным, когда пожертвовала своим будущим ради сестры и Николаса.

Не открывая глаз, она спросила:

— Почему?

Он потряс ее, заставляя снова открыть глаза.

— Потому что ты заставляешь меня ненавидеть Йена. Мою собственную плоть и кровь, — он резко вздохнул. — За то, что он первым овладел тобой и *все еще* владеет. Я рад, что он умер... рад, что теперь я с тобой, — он прямо посмотрел на нее. — Я не знаю, кого я больше виню за это: себя или тебя.

Ее охватил шок, теперь она понимала, что означает этот решительный блеск в его глазах.

С полузадушенным стоном он подтянул ее к себе и поцеловал с лихорадочным отчаянием. Его руки были везде одновременно. Он целовал ее так, словно не мог насытиться, словно он пробует ее в последний раз.

Когда первое изумление прошло, она подняла руки и обхватила его лицо. Выросшая за день щетина царапала ее ладони, когда она целовала его в ответ, выгибаясь ему навстречу, всхлипывая, когда даже этого оказалось ей недостаточно.

Он избегал ее потому, что хотел? Потому что чувствовал вину за то, что хотел ее? И Адара тут вовсе ни при чем. Ее охватила бурная радость, и она решительно углубила поцелуй.

Такие мужчины как он не подходили ее миру. Она не была ни красивой, ни очаровательной, ни утонченной... ничто в ней не могла вызвать его желание.

Но почему-то... она *вызвала* его.

Касаясь его лица, большими пальцами выводя маленькие круги на его впалых щеках, она наклонила голову и стала ласкать его язык своим.

Он застонал ей в рот и прервал поцелуй, удерживая ее. А она напряглась, тяжело дыша, желая снова коснуться его рта, чувствовать тепло его тела.

— Йен сделал это. Из-за него ты в моей голове, в моей крови. Почему-то слушая его все эти годы, я влюбился в *твой* образ.

Твой. Линни.

Нет в меня.

Его слова сжали и скрутили ее сердце. Соблазнительная дымка, в которую он ее завлек, исчезла в мгновение.

— Если не хочешь, чтобы я закончил это, тогда иди, — хрипло сказал он. — Сейчас же.

Тяжело дыша, она сумела сдержать всхлип.

Эви хотела его так сильно, что вся дрожала. Она даже представить себе не могла, что когда-нибудь так захочет мужчину. Никогда не думала, что у нее будет свой мужчина. Она оставила всю надежду на такое будущее, она сделала выбор в тот день, когда взяла на руки Николаса.

Хотя она никогда не жалела об этом, теперь она почувствовала, что желает этого, желает *его*.

Милли предупреждала ее. Говорила, что желание может быть... таким сильным. Таким *глубоким*. Опасным. Эви тогда только посмеялась над этим предупреждением, а теперь она хочет, жаждет, отчаянно желает, чтобы он любил ее...

Вот только он никогда ее не полюбит.

Даже если случится чудо и Спенсер Локхарт, лорд Винтерс полюбит свою жену, он не полюбит Эви.

Потому что Эви не *она*.

Что бы он ни чувствовал, он чувствовал к Лини — к женщине, на которой, по его мнению, он женился.

Моргнув и чувствуя боль, она выпрямилась и отступила, глядя, как он опустил руки, чувствуя, как сердце колотится у горла. Его глаза снова стали холодного зеленого цвета, а сияющее тепло, сильное желание ушло.

— Очень хорошо, — продолжил он странно хриплым голосом. — Если я не могу овладеть тобой, то, черт побери, буду держаться в стороне. Я уже устал от этой игры в «кошки-мышки» с тобой.

— Отошли меня домой, — выпалила она, отчаянно желая убраться подальше от искушения, сохранить в целостности и сохранности карточный домик, который она построила.

Он холодно посмотрел на нее.

— Ты дома.

— Ты сказал, что я могу жить, где пожелаю...

— Должно пройти какое-то время, — напомнил он ей.

Он также говорил, что потребует наследника прежде, чем отпустит ее... но она не собиралась пока ему об этом напоминать.

— Я хочу увидеться с Николасом...

— Мы можем послать за ним.

— Почему тебе так хочется, чтобы я осталась здесь?

На его лице появилось множество чувств.

— Я не могу отпустить тебя.

Он не мог отпустить *Линни*.

Он был влюблен в нее. Наверное, даже любил ее. Эви едва сдержала мучительное рыдание. Она развернулась и пошла к двери, чувствуя себя глупо. Она переживала, что придется соперничать с Адарой. Она ошибалась, ей нужно было лишь побороть призрак своей сестры.

— Ты все усложняешь.

— Наверное, это ты все усложняешь, — возразил он.

Она посмотрела на него через плечо.

Он сложил руки на своей впечатляющей груди, с вызовом изогнув черную бровь. Эви вздохнула от неудовлетворенного желания, увидев такой заманчивый вид.

Если бы только он был прав, и все было бы так просто.

Если бы только она могла ослабить бдительность и позволить себе любить его. Хотела бы она, чтобы это все было так просто... она хотела бы открыто и свободно любить его.

Если бы только он знал правду, и ему было на нее наплевать.

Она почувствовала страх, потому что ему, разумеется, *небудет* наплевать, что он

женился не на той сестре. Если он узнает правду, он никогда больше не посмотрит на нее с теплотой и желанием в глазах. Мужчины не терпели, когда их делали дураками. Он мог рассказать всему свету о ее лжи и отослать Николаса. Такой риск был невообразимым.

Решительно скрепя сердце, она открыла дверь в свою комнату и вошла туда, раздумывая, не было бы лучше, если бы она никогда не встречала его. Никогда не знала того, какое желание женщина может испытывать к мужчине.

В глубине души она считала Линни слабой и глупой из-за того, что она позволила красивому лицу лишиться ее здравого смысла и оставить скомпрометированной. И потом она подумала, что ее сестра тем более дурра, что продолжала любить этого негодяя после того, как он ее бросил.

Но теперь она знала.

Теперь она понимала, как сердце может властвовать над логикой. Теперь она узнала любовь. Она никогда еще не чувствовала себя несчастней.

Спенсер с замиранием сердца смотрел, как Эви уходит. Он обнажил свою душу, выставил напоказ ту неприглядную часть себя, признался в чувствах, которые она в нем пробуждает. Чувствах, которые начались в Крыму.

Спенсер ощущал вину с самого начала. Желая ее. Негодуя на умершего человека, своего кузена, своего лучшего друга. И это делало его каким-то жалким ублюдком. Особенно из-за того, что теперь, когда встретил ее, женился, узнал поближе, он увлекся ею больше, чем когда-либо.

Выругавшись, Спенсер провел рукой по волосам и упал на кровать. Он должен отпустить ее. Он дал ей защиту своего имени, пожизненную безопасность. Женаты они или нет, Эви не принадлежала ему, чтобы удерживать ее. Она хотела уехать домой. Ему просто надо позволить Эви вернуться в ее маленькую захолустную деревушку.

Положив одну руку на лоб, Спенсер уставился на темный балдахин над ним, задаваясь вопросом, когда именно он отклонился с благородного пути и возжелал женщину, которая, как он убеждал себя, будет не более чем долгом, который должен быть выполнен и вычеркнут из его жизненного списка.

Когда же именно он влюбился?

Шаги Эви замедлились, когда она приблизилась к кухне. Сварливый голос Адары был как скрипучий скрежет для ее ушей. Она остановилась на пороге, наблюдая за тем, как Адара размахивает листком бумаги перед кухаркой. Враждебность так и исходила из этого жеста.

— Умоляю, объясните. Я не понимаю, почему мы не можем подать сегодня вечером ягненка.

— Миледи, — начала кухарка, ее усталое лицо выглядело чрезвычайно изможденным. Адара же, одетая в фиолетовую бархатную амазонку, отороченную горностаем, словно сошла с картинки журнала мод.

— Ягненка не подают в эту пору года.

Золотистые локоны Адары качнулись у нее над ушами.

— Я уверена, что ты просто упрямисься.

Эви обозначила свое присутствие, слегка прочистив горло, и предложила:

— Возможно, я могла бы спланировать меню на вечер и избавить вас от расстройства?

Адара повернулась к ней лицом, сузив свои шоколадно-карие глаза.

— Эвелина, — прожурчала она шелковым голоском. — В этом нет необходимости. У меня много опыта в такого рода делах...

— Как и у меня, — мягко вставила Эви. — И в конце концов, эта задача лежит на мне, как на хозяйке дома. Я не имею ни малейшего намерения навязывать ее вам. Вы — наша гостя. Было непростительно грубо с моей стороны так долго позволять вам заниматься работой по дому.

Кухарка, широко раскрыв глаза и слегка приоткрыв рот, переводила взгляд с одной на другую. Адара с кажущейся невинностью захлопала глазами.

— О, но я всегда стараюсь быть любезной! И, ну же, Эвелина, ведь вы только вышли замуж. Уверена, вам есть чем занять свое время.

Маленькая ведьма. Она знает, что у Эви в распоряжении было столько времени, что она не знала куда его девать, знала, что Спенсер оставил ее удручающе одну. За последнюю неделю Эви едва ли видела его достаточно долго, чтобы обменяться приветствиями.

Его поразительное признание все еще звучало у нее в голове.

"Потому что ты заставила меня ненавидеть Йена. Мою собственную кровь и плоть. Из-за того, что он первым получил тебя. И ты до сих пор его. Я рад, что он умер... рад, что теперь моя очередь быть с тобой".

Спенсер не был невосприимчив к ней, не был холоден. Не важно, что Адара хочет заставить ее думать.

И все же, он до сих пор избегал ее. Исходя из такого признания, Эви думала, что Спенсер снова может попробовать свои силы в ее соблазнении. Соблазнении, которому она, возможно, больше не сможет сопротивляться.

Она не знала, что думать о нем. Знала лишь, что делает это: думает о нем. Постоянно. С момента пробуждения до минуты, когда погружается в сон каждую ночь.

С вежливой улыбкой Эви обратила свое внимание на кухарку.

— В такой студеной день было бы замечательно подать тот прекрасный пастуший пирог [\[13\]](#), который вы приготовили в мой первый вечер здесь. Повариха склонила голову.

— Да, миледи.

Триумф поднимался в груди Эви. Это была лишь маленькая схватка, но она чувствовала, что набрала немного влияния в сражении за роль хозяйки дома. Во всяком случае, на то время, что она будет здесь.

— Пастуший пирог? — губы Адары презрительно скривились. — Крестьянская пища?

— Это любимое блюдо Спенсера.

Лицо Адары пошло пятнами, но она обладала здравым смыслом в достаточной степени, чтобы придержать язык.

Эви шагнула к поварихе, и они вместе прошли по остальным пунктам меню. Адара молча наблюдала. Краем глаза Эви заметила ее руки, с силой сжатые в кулаки.

— Могу я предложить кларет [\[14\]](#), чтобы дополнить вечер? Винный погребок славится прекрасным ассортиментом, — голос Адары был подобен шелку.

Эви моргнула из-за неожиданной любезности, чувствуя неуверенность. Однако это была оливковая ветвь, которую она не могла проигнорировать.

— Это было бы замечательно.

— Тогда пойдете, — повернувшись, Адара выплыла из кухни. Эви последовала за ней вниз по ступенькам, затем по другому коридору, который был более узким, с расположенными вдоль него несколькими кладовыми и чуланами. В дальнем конце вырисовалась дверь.

Адара отперла ее.

— По-моему, ряд с кларетом — у правой стены, — прижав дверь, чтобы удерживать ее широко открытой, она махнула Эви, чтобы та шла вперед. — Идите. Выберите, что вам понравится.

Эви уставилась вниз на темный лестничный колодец. Откуда-то из глубины нее стало подниматься ужасное чувство.

— Возможно, вы бы хотели выбрать...

— Конечно, нет. Как вы и сказали, это задача хозяйки дома.

Эви спустилась на первую гладкую каменную ступеньку. Свет позади нее освещал ей

путь к основанию ступенек и первым несколькими стойкам с вином и большим бочкам. А за ними — клубящаяся тьма. Ее горло сжалось.

— Я действительно не возражаю, если вы...

— Не будьте глупышкой. Я подожду здесь. Одна из нас должна подпирать дверь, — выражение нетерпения пробежало по ее лицу. — Вы не поспешите? Предполагается, что я должна встретиться с остальными на задней лужайке для игры в крокет.

Кивнув, Эви приподняла свои юбки и спустилась по оставшимся ступенькам. Она двигалась быстро, избегая смотреть на глубокую, жадно тянущуюся к ней темноту. Эви вздрогнула, кожа покрылась мурашками, когда она осмотрела первую стойку, намереваясь схватить первый же кларет, на который натолкнется. Найдя один, Эви повернулась и начала подниматься по хорошо освещенным ступенькам.

Звук захлопывающейся двери отразился в воздухе, дрожью пройдя сквозь нее.

Она замерла, поглощенная беспощадной чернотой.

— Адара? — Эви взбежала по ступенькам вверх, говоря себя, что дверь хлопнула случайно, что она не будет затеряна в темноте.

Наверху попробовала открыть дверной засов.

— Адара!

Ничего.

Эви замолотила кулаками по дереву. Ее сердце сжалось от твердой неподвижности двери. Она толкнула сильнее, грохоча засовом.

— Адара! — Эви колотила по двери до тех пор, пока не перестала чувствовать свои руки. — Адара!

Страх приближался, душа ее. Повернувшись кругом, она прижалась к двери, тяжело дыша, слепо уставившись в растущую темноту.

— Это всего лишь погреб, — бормотала Эви, медленно дыша, делая осторожные вдохи и опускаясь на верхнюю ступеньку, вздрогнув от ее жуткого скрипа. Всего лишь погреб. Не Барбадос. Тут нет притаившегося Хайрама Стерлинга, ожидающего момента, чтобы наброситься.

Кто-нибудь придет. Спенсер придет.

Придушенный смех вырвался у нее из горла. С чего бы ему приходиться? Он не будет скучать по ней. Спенсер даже не заметит ее исчезновения.

Эви сомневалась, что вообще хоть кто-то заметит. Особенно ее муж. Она застряла здесь, и не спасется в обозримом будущем.

Спенсер шагнул в столовую, готовясь увидеть Эви и почувствовать желание, которое каждый раз было как удар кулаком под дых, стоило ему увидеть ее.

Хотя он и умудрялся избегать жены, он мало о чем мог думать, кроме того момента, когда признался ей в своем желании, своем стыде. Ее единственная реакция: требование, чтобы он отправил ее домой — горечью застряла у него в горле.

Ясно, что он поверг Эви в ужас своим откровением. Так же, как и себя.

Действительно ли он винил жену за то, что хотел ее? За свои сложные чувства к Йену? Отвращение сотрясло его.

Он уступит и даст Эви то, чего она хочет. Тот факт, что он избегает ее, она, скорее всего, поняла как грубое пренебрежение, нежели как что-то, призванное исключительно ради сохранения его благоразумия.

Он отпустит ее. В конце концов, Эви вышла за него замуж не притворяясь. Их брак не был основан на любви. Или хотя бы на притяжении. Это просто несчастливая случайность. И, кажется, только с его стороны.

Со временем он забудет, как сильно хотел ее, и, возможно, тогда они смогут быть вместе и произвести на свет наследника. Когда он сможет объективно подойти к этой задаче.

— Спенсер! — Адара с напряженным вниманием выпрямилась на своем стуле, движением, из-за которого кричащее красное платье опустилось опасно низко на ее плечах. — Ты решил присоединиться к нам.

Он остановился, разглядывая маленькую группу, собравшуюся у его обеденного стола. Спенсер пересилил себя, чтобы не скривить губы, когда рассмотрел праздную компанию. Смутно он, конечно, осознавал, что они все еще остаются здесь, прилипнув как банный лист к заднице. Единственным плюсом в том, что он избегал Эви, было то, что Спенсер также не видел и их. Лишь глядя на эти распутные лица, ему пришло в голову, что Эви была вынуждена терпеть их общество. Он поморщился.

— Винтерс, — воскликнул Грешам, не утруждаясь встать, — хорошо, что вы к нам присоединились, — он потянулся к своему стакану с вином и сделал большой глоток, вздыхая с удовлетворением.

Спенсер схватился за спинку своего стула. У этого человека хватало нахальства сидеть за его столом и пить его вино так, будто все это принадлежит ему. Он, вероятно, думал, что, как член компании Каллена, имеет более законные претензии на все, чем теперь владеет Спенсер.

Оглядев стол, Спенсер быстро понял, что единственный человек, которого он хотел увидеть, единственный, кто имел для него значение, отсутствовал.

— Где Эви?

— О, — Адара махнула рукой. — Она, наверное, в своей комнате.

— Да. Дремлет, скорее всего, — хихикнула женщина, сидящая рядом с его невесткой.

Адара толкнула ее локтем в бок.

Вскинув голову, Спенсер бросил на женщину, кажется, ее звали Беатрис, быстрый взгляд. Ее губы поспешно сжались в прямую линию. Она потянулась за своим стаканом с шерри ^[15] и выпила его залпом, встряхнув своими глянцево-темными буглями.

— Не думал, что вы так ею интересуетесь, старина, — пробормотал Грешам, держа бокал у губ.

Спенсер моментально сосредоточил свое внимание на нем снова.

— И почему бы мне не интересоваться своей женой?

Грешам вскинул перед собой руки:

— Я не имел в виду ничего обидного.

Пальцы Спенсера сжались и погрузились в спинку стула.

— Тогда что вы имели в виду?

— Я просто заметил, что вы были заняты всякого рода делами, вместо вашей прекрасной жены.

— Действительно? — Спенсер двинулся от своего стула, опасный огонь разгорался в его крови. Внезапно он увидел Грешама так, как видел его множество раз до этого. С Калленом. И различным количеством женщин. Девушек. Отец нанимал только самых привлекательных девушек. Когда Каллен и Фредерик приезжали из школы, они брали с

собой Грешама. Спенсер с чердака следил за ними тремя, поглощенными всякого рода сексуальным развратом с горничными. Слишком молодыми и неискушенными девушками, чтобы сопротивляться заигрываниям молодых аристократов, перед которыми они так благоговели.

— И вы нашли мою прекрасную жену интересной? — его голос был так же опасен как лезвие, приставленное к горлу.

Грешам был в точности как его братья. Подлец с тем же отсутствием чести, что и у работорговца. В этот момент Спенсер хотел, чтобы он убрался из его дома.

Негодяй с самодовольным взглядом откинулся назад на стуле.

— Разве могло быть иначе? Она... *заслуживает внимания*.

Дело было не столько в его словах, сколько в том, как он их произнес.

Спенсер схватил его за щедро украшенный оборками галстук и вытащил его со стула.

— Вам бы лучше занять себя другими делами и держаться подальше от моей жены.

Грешам пронзительно вскрикнул и уцепился за руку Спенсера на своем шейном платке.

Адара поднялась со своего стула.

— Джентльмены, ну же... ведите себя хорошо. Никаких драк за обеденным столом.

Спенсер обвел взглядом каждое пустое лицо, прежде чем остановиться на Адаре.

— Где Эви? — Повторил он, чуть не рыча.

— Едва ли в мои обязанности входит следить за ней, — на ее щеках расцвели яркие пятна. Правда, Спенсер, ты такой скучный. Не говори мне, что собираешься быть одним из *техмужей*?

— И каким же это?

Она закатила глаза.

— Таким, который крутится рядом. Эви не может хотеть этого...

— Так же, как и ты, — пробормотала Беатрис со своей стороны.

Взгляд Адара, метнувшийся в подругу, был подобен кинжалам.

Рассматривая компанию, Спенсер отпустил Грешама и поправил рукава. Тряхнув головой, он высказал мысль, которая вертелась у него на языке:

— Почему вы все еще здесь?

Все взгляды метнулись к Адаре.

Беатрис снова пробормотала:

— Я сама задавалась этим вопросом. Это перестало быть даже в малейшей степени интересным.

— Все, с меня довольно уже, Беатрис Саммерс, — прошипела Адара. — Почему бы тебе не отправиться домой и *развлекаться* сколько душе угодно со своим жирным потеющим мужем.

— Что ж, — обиделась Беатрис, — у меня есть и другие друзья, знаешь ли.

— Действительно, Дара. Посмотри на этого человека, — Грешам подергал за галстук в попытке вернуть его на место. — Он явно опьянен своей женой.

— Точно. Своей *женой*. Не тобой, — эхом повторила Беатрис, бросая свою салфетку на тарелку и рывком поднимаясь на ноги. — Я хочу вернуться назад в город. С меня довольно этого унылого места, — с этим звенящим комментарием она метнулась вон из комнаты.

Прошло несколько напряженных мгновений, прежде чем остальные встали, чтобы последовать за ней.

Спенсер и Адара остались одни в обеденной комнате.

Она встала и шагнула к нему. Ее темные глаза были широко открыты и полны мольбы.

— Не позволяй ей разрушить то, что мы могли бы построить вместе, Спенсер. Мы слишком долго были порознь.

Он смотрел на нее в течение долгой минуты, пытаясь вспомнить, что же такого он в ней когда-то нашел. Все, что видел сейчас — поверхностное, пустое создание. Пустая оболочка. Единственная любовь в ее сердце — та, что она приберегла для себя. В отличие от Эви. Эви была бескорытна. Эви любила. Любила мертвого мужчину.

И разве это не то, чего бы ты хотел для себя? Эви, так сильно любящую тебя?

— Это было давно, Адара. Что бы между нами ни было, это уже прошло. Теперь, когда я думаю об этом, не уверен, что у нас вообще что-то было.

Она выдохнула со злым шипением.

— Ты же не хочешь сказать, что...

— Не ставь себя в еще более неловкое положение, чем ты уже сделала. Тебе лучше последовать за своими друзьями, — сказал он отнюдь не грубо, — и уехать, — повернувшись, он направился вон из комнаты.

— Спенсер! — Воскликнула Адара. — Спенсер! Не уходи от меня! Куда ты направляешься?

Он двигался вперед, даже не повернув в ее сторону головы.

— Искать свою жену.

Эви содрогнулась и спрятала голову в согнутых коленях. Стена у нее за спиной была холодной, влажной и неудобно жесткой, но она нуждалась в этой опоре, благодарная, что хоть что-то поддерживало ее и не давало провалиться в клубящуюся вокруг тьму, изводящую ее, грозящую поглотить.

Раздалось тихое царапанье. Крысы. Они сновали среди бочек, которые Эви заметила в дальнем конце погреба. Перед тем, как Адара заперла ее здесь. До того, как темнота накрыла ее. По крайней мере, говорила она себе, эти твари были не слишком близко к ней.

Эви не могла объективно судить, как долго пробыла здесь, внизу. Казалось, что прошла целая жизнь с тех пор, как Адара захлопнула дверь. Конечно же, кто-нибудь придет. Даже Адара не может быть настолько злобной, лишенной логики, чтобы думать, будто сможет удержать ее здесь навсегда. Кто-нибудь придет. Пальцы Эви одеревенели там, где она обхватила ими колени. В конце концов, кто-нибудь придет.

Ей только нужно до тех пор цепляться за здравый смысл. Невероятно сложная задача. Когда она оставалась в темноте одна, с ней случалось только одно: она отправлялась на годы назад. Как будто снова была там. На Барбадосе.

Это случилось так давно, что Эви уже редко когда-либо думала об этом. Только попадая в капкан темноты, сила воли подводила ее, и девушку отбрасывало назад во времени... вынуждая ее переживать все заново.

Прибой, мягко рокочущий за окном.

Ощущение теплого морского воздуха, когда потное тело Стерлинга придавило ее к кровати.

Соленый вкус его плоти, когда зубы Эви погрузились в его руку.

А затем его кулаки. Страшные глухие удары костяшками пальцев. Вспышка боли в ребрах.

Она простонала. Дрожа, подтянула колени поближе и как могла сжалась в маленький клубочек, словно могла спрятаться и не дать прошлому найти ее.

Но оно всегда находило. В темноте оно всегда могло найти Эви.

— Спенсер, — его имя вырвалось, непрошенное.

Кем бы он ни был для нее, что бы у них ни было, Спенсер сделал так, что она почувствовала себя в безопасности, защищенной.

Никогда раньше Эви не могла сказать этого о каком-либо другом мужчине. Со стороны мужчин она получала только пренебрежение или жестокость. Отец Эви отослал ее в Пенвич. Мастер Броклхерст чрезмерно любил прикладываться ремнем к ее спине за малейший проступок. А потом был Стерлинг.

Спенсер был другим. Если бы он был здесь, ее бы не охватил такой леденящий ужас.

Спенсер женился на ней из чувства долга, ради наследников, но все еще не затребовал свои супружеские права. Выглядело так, будто он хотел, чтобы их союз в физическом плане что-то значил. Он хотел, чтобы значил.

— Спенсер, — она закачалась сильнее, обхватив себя с такой силой, что едва могла дышать. Эви поклялась, что в следующий раз, когда увидит его, то обнимет и поцелует, и никогда не позволит ему уйти. Отставит в сторону этот страх и пересечет черту к

окончательной близости.

Больше Эви не даст ему причины избегать ее. Она отдаст ему себя. Целиком и полностью. Снова и снова.

— Найди меня. Только найди меня.

— Вы не видели леди Винтерс?

Кухня гудела от работы, прислуга работала над приготовлением ужина.

— Когда я видела ее в последний раз, она направлялась в винный погреб с леди Адарой, — повариха с шумом захлопнула кастрюлю при последнем упоминании Адары, губы ее изогнулись над пожелтевшими кривыми зубами. — Это было утром.

Утром? Его пронзило беспокойство от этого известия. Спенсер коротко кивнул в знак благодарности. Кухонные служащие замерли посреди работы, широко раскрытыми глазами наблюдая за тем, как он направляется к погребу.

Темная ярость поднималась в нем, его шаг ускорился, когда он подумал о том, что его жену не видели с утра. Когда она была с Адарой. Значит, маленькая ведьма лгала. Она не только видела Эви, но и сопровождала ее до винного погреба. И почему бы Адаре так утруждать себя? Она не была очень заботливой. Особенно учитывая ее отношение к Эви.

Его шаги еще ускорились, пока он уже не бежал вниз по коридору. Его сердце с грохотом стучало о ребра.

Спенсер отбросил засов с двери в погреб и, прищурившись, посмотрел вниз в непроглядный мрак. Он вздрогнул, надеясь, что Эви нет там внизу.

— Эви! — крикнул он вниз.

Ответом ему была глубокая тишина.

Порывшись в кармане своего камзола, он вытащил носовой платок. Сложив, вставил его между дверью и полом, тем самым закрепив тяжелую дверь в приоткрытом положении.

Спенсер протопал вниз по нескольким ступенькам, дерево издавало громкий скрип под его ботинками. Всматриваясь в клубящуюся черноту, он снова позвал:

— Эви, ты там внизу?

Его живот судорожно сжался при мысли о том, что она в ловушке у тьмы. Весь день. Одна. Хотя она отрицала это, Спенсер знал, что она боится темноты. Помнил, как она втягивала воздух, задыхаясь, когда проснулась в гостинице, а огонь потух и остыл, и комната погрузилась во тьму.

— Эви?

Ничего. Тишина.

Успокоившись наконец, что она, по крайней мере, не была заперта в ловушке здесь внизу, он повернулся только для того, чтобы остановиться на верхней ступеньке.

Звук. Едва слышное царапанье по каменному полу. Затем Спенсер услышал это. Хныканье. *Эви.*

Крутанувшись вокруг, он слетел вниз по оставшимся ступенькам.

— Эви, где ты?

Почему она не ответила ему? Он осторожно двигался по полу погреба, наталкиваясь на бочки и ящики. Затем кончик его ботинка ударился обо что-то мягкое и податливое. Его сердце сжалось. *Эви.*

Она отпрянула от прикосновения, бросившись в сторону. Спенсер присел и вытянул руку, ощупывая пустоту, исследуя тьму. Его пальцы задели что-то мягкое. Он зажал в руке

горсть ткани и потянул.

— Эви? — Спенсер потянул снова, двигаясь ближе, подтягивая ее к себе за подол платья. — Эви? Ты в...

Неожиданный пинок в грудь вышиб из него дух. Потеряв равновесие, он упал на спину. Спенсер слышал, как она отползла, двигаясь дальше в погреб.

Он последовал за ней, схватив ее за руку.

— Эви! Прекрати! Это я!

Упав на колени, Спенсер скользнул одной рукой вверх по ее предплечью к лицу, обхватив ладонью щеку. Он прижался своим лбом к ее и проговорил прямо ей в лицо, желая, чтобы она услышала его, поверила.

— Это Спенсер. Ты в безопасности. Я здесь.

Эви замерла рядом с ним, дыхание стало быстрым и тяжелым. Несколько мгновений она ничего не говорила. Ни один звук не сорвался с их губ, пока он крепко обнимал ее, их дыхание смешивалось, губы были так близко, что он почти ощущал нежную припухлость ее верхней губы.

Его рот покалывало, когда он вспоминал ее вкус. Спенсер жаждал преодолеть этот последний дюйм расстояния, прикоснуться к ее губам своим ртом.

Проклятие. Сейчас не время, чтобы изнемогать от похоти к жене. Эви была во власти какого-то ожившего кошмара. Он отказывался позволить своей страсти перевесить ее спокойствие и благополучие. Особенно учитывая, что вину за весь этот инцидент можно полностью возложить на него. Ему надо было отослать Адару домой. Вместо этого, он оставил свою жену в ее острых когтях.

— Ты в порядке, — повторял Спенсер. — В безопасности, — его большой палец выводил маленькие круги на ее щеке, пока он ждал, когда Эви придет в себя.

Спенсер сделал глубокий вдох и постарался не замечать мягкости ее щеки, подобной лепестку, под своей рукой. Или крепко прижавшегося к нему ее содрогающегося тела.

Наконец, она заговорила, ее голос был тоненьким и дрожащим. Она выкарабкалась назад, на краю какого бы обрыва ни стояла.

— Спенсер?

— Да.

Рыдание перехватило и исказило ее голос.

— Почему ты так задержался?

Затем она оказалась в его руках, последний дюйм расстояния между ними исчез.

Он вздохнул, шумно, с облегчением.

— Прости. Господи, милая, прости меня.

Она засопела у его горла, касаясь ледяным кончиком своего носа его кожи.

— Ты замерзла, — он выругался и начал было отодвигаться, чтобы снять свою куртку

Пальцы Эви крепче сжались на его руках.

— Нет, не уходи.

Спенсер покачал головой в темноте.

— Я не уйду.

Ее пальцы выскользнули из его рук, пробираясь под камзол, чтобы обвить руками его грудь. Эви передвинулась, практически усевшись на его колени.

— Я звала тебя, — прошептала она. — Знала, что ты придешь.

— Прости, что не нашел тебя раньше.

— Ты здесь сейчас, — она уткнулась лицом ему в шею, и сильнее вцепилась в него, глубоко вдыхая. Его внутренности сжались от этого звука. Член отвердел, скрытый под ее пышными юбками.

Он обхватил ладонью голову Эви, заметив, что ее волосы распустились, и провел вниз по ее спине. Не мог сопротивляться импульсу. Тяжелая масса на ощупь была очень мягкой, как шелк, в его хватке. Он погрузил в них свои пальцы.

— Мне так жаль, что Адара заперла тебя тут внизу. Это моя вина, — и так оно и было. Мысль об Эви, испытывающей боль, страдающей, когда он мог это предотвратить, наполняла его яростью. — Давай заберем тебя отсюда и согреем.

Спенсер знал о ее неприязни к темноте. Несомненно, Эви хотела быть подальше от опостылевшего мрака, который погрузил ее в такой ужас.

Ее руки сжались вокруг него, не давая ему двигаться. Эви шевельнулась, вдавливаясь грудью в его грудь. Дыхание Спенсера участилось, стало тяжелее.

— Не сейчас, — промурлыкала она. Слова обдали теплом его кожу.

Он посмотрел вниз, пытаясь разглядеть ее черты в непроницаемом мраке. Эви снова шевельнулась, легким поцелуем прижавшись открытым ртом к его челюсти.

Он с шумом выпустил воздух.

— Спенсер, — выдохнула она, прежде чем лизнуть языком его губу. Всего лишь лизнула. Эта проба на вкус заставила его дрожать как мальчишку с его первой девицей.

Его хватка на ее руках стала крепче.

— Эви, тебе не следует... — он прервался, оставляя свое предупреждение незаконченным. *Касаться меня? Сладко шептать что-то, касаясь моей кожи?*

Ну не дурак ли? Ведь он не хотел ничего другого с того момента, как впервые увидел ее: в грязном переднике, с волосами в жутком беспорядке и голубыми глазами, ясно говорящими, что ему тут не рады.

Спенсер провел кончиками пальцев по ее щеке.

— Ты заставил меня почувствовать себя в безопасности. Ты прогоняешь страх, Спенсер.

От этих ее слов что-то отпустило внутри него.

Эви продолжила:

— Когда я с тобой, забываю обо всем, кроме этого, — она сняла его руку со своей и положила себе на грудь.

Спенсер шумно вдохнул, почувствовав ее сосок, торчащий подобно бусине сквозь ткань ее платья. Он снова вздыбился, его эрекция почти болезненно пульсировала.

Наклонив голову, Спенсер обрушил свои губы на ее.

И содрогнулся от первого же прикосновения, почувствовав ее вкус. Держа голову Эви, он слегка повернул ее для более глубокого поцелуя, когда голод жарко взорвался между ними. Ее грудь, казалось, набухла в его руке. Он погладил ее, нашел сосок, радуясь ее затрудненному от страсти дыханию.

Ее ладони скользнули вниз по его груди, затем снова вверх, обвилились вокруг плеч. Спенсер простонал, страстно желая сбросить одежду и избавиться от всех преград между ними, чтобы почувствовать ее руки на своей плоти.

Не прерывая поцелуя, она двигалась, пока ее колени не скользнули по его бедрам. Платье Эви раскинулось вокруг них.

Спенсер обхватил ее вторую грудь, взяв в ладонь мягкий маленький холмик. Тихий звук, похожий на мурлыканье кошки, вырвалось у нее из горла сквозь их слившиеся губы.

Желание пронзило его, темное и сильное, тяжело опускаясь в пах, закипая в крови. Его член натянул ткань бриджей, твердый и жаждущий, готовый погрузиться в ее тепло.

Ловя ртом воздух, Спенсер освободился и отодвинул Эви назад. Она потянулась к нему с недовольным стоном, все еще сжимая руками его предплечья, впиваясь в них острыми маленькими ноготками.

— Эви, — прохрипел он. Его руки дрожали от сдерживаемого напряжения. — Если мы сейчас же не остановимся...

Она слезла с него, потянув его за собой.

— Не останавливайся. Не думай.

Не способный отказать ей, отказать себе, он лег поверх нее. Руки Эви скользнули вверх по его предплечьям, переплелись у него на шее. Она выгнулась под ним, трепеща. Ее кожа была невероятно мягкой по сравнению с его.

— Возьми меня, Спенсер.

Это было все, что он когда-либо желал услышать от нее. Чего он ждал от нее. Его желание уже едва не причиняло боль. Он не был уверен, что смог бы остановиться на этой стадии.

— Спенсер, — сладко выдохнула она у его уха.

— Здесь? — напомнил он Эви, его голос стал грубым и задыхающимся, когда она провела губами вниз по его шее. — В темноте? Ты уверена?

— Она не пугает меня. Не с тобой.

— Я не остановлюсь, — пообещал он, предупреждая ее хриплым, не своим голосом.

Ее прохладные пальцы легли на его щеки, и в том, как она слегка сжала его лицо, была такая нежность, что что-то высвободилось внутри Спенсера.

Ее слова овеяли дыханием его губы.

— Я рассчитываю на это. Займись со мной любовью, — ее голос слегка задыхался у его уха. — Пожалуйста. Не из-за долга или чести. Не с целью зачать наследника. Притворись, что хочешь меня. Хоть немного.

Притворись?

— За всю свою жизнь я никогда ничего не хотел так, как этого. Тебя.

Он склонился над ней и снова заявил свои права на ее губы. Вся мягкость исчезла.

Его руки подтянули ее вверх напротив него и скользнули вокруг нее, быстро работая над крошечными пуговичками на спине. Спенсер высвобождал каждую покрытую тканью пуговицу, неуклюже взясь и ругаясь от усердия, останавливаясь, когда она снимала его камзол и жилет. Он нетерпеливо ворчал, когда она стягивала через голову его рубашку. Эви легко рассмеялась, задохнувшись, когда он сдался и рванул последние несколько пуговиц ее платья. Они с хлопком оторвались и с тихим звоном посыпались на пол.

Он дернул ее платье вниз на талию, высвобождая руки Эви из рукавов. Спенсер почувствовал ее теплые и восхитительно обнаженные руки, обвившиеся вокруг него. Ослабив шнуровку, он стянул вниз ее корсет, достаточно, чтобы обнажить груди.

В темноте все было невероятно чувственным. Ощущения. Он хотел бы видеть ее, но и этого достаточно. Пока.

Глядя совершенные холмики, Спенсер позволил своим рукам заменить глаза. Эви с шумом втянула воздух. Его большие пальцы исследовали соски, перекатывая и поглаживая вершинки-камешки. Она выгнулась в его руках, постанывая.

— Теперь нет пути назад, — пробормотал он, массируя мягкую плоть. — Это будет не

так, как раньше, Эви. *Это буду я. Не Йен. Мы. Ты в моей постели. Больше никакого бегства.*

Неконтролируемые звуки вырывались из нее. Он усилил давление своих пальцев, потирая тугие почки, пока она не застонала и не начала корчиться под его руками. Эви выгибалась к нему, такая удивительно отзывчивая, постанывая... умоляя.

— Скажи. Скажи *моим*.

— Спенсер, — со всхлипом произнесла она.

Его член пульсировал в бриджах, эрекция была болезненной, твердой от потребности. Он скользнул одной рукой ей под юбки, пробежал, едва касаясь, по чулкам, пока не нашел разрез в ее панталонах. Удовлетворенная улыбка изогнула его губы, когда, погладив мягкие завитки у нее между ног, он обнаружил там влагу.

Она подскочила, шумно втягивая воздух, пальцы сомкнулись на его запястьи.

— Тише, — пробормотал Спенсер, все еще касаясь ее, его пальцы скользили меж ее гладких складок. — Позволь мне почувствовать тебя.

Она не ослабила свою хватку на его запястьи, но ее тело дрожало, трепетало. Ноги Эви разошлись шире для него, она толкнулась к нему, к его руке, готовая, жаждущая после первого шока от его прикосновения.

Он плавно провел по ней пальцами, скользнув к ее маленькому узелку. Потер эту точку, сначала легонько, дразняще, постепенно сильнее, более жестко, до тех пор, пока она не начала, вскрикивая, биться в отчаянном ритме о его руку.

Неспособный ждать больше ни мгновения, он уже достаточно ждал, Спенсер высвободил себя. Скользнув руками вокруг ее стройных бедер, он широко распахнул ее для себя. Капля пота скользнула ему на бровь, когда он слегка толкнулся в ее проход, продвинулся внутрь ее восхитительного затягивающего жара.

Спенсер толкнулся глубже.

Она, качнувшись назад, высвободилась.

— Подожди! — звук ее страстного, полного желания голоса заставил его кровь еще сильнее пульсировать в венах.

— Эви, — прорычал он ее имя. Она не может хотеть, чтобы он остановился сейчас!

Эви подтолкнула его в грудь руками и встала на колени перед ним. Спенсер попытался потянуть ее назад, но она прижала руку к его груди, останавливая. Он почувствовал, как Эви качает головой в его сторону.

— Еще нет.

Спенсер напрягся, пытаясь увидеть что-то в темноте, услышал тихий шелест ее юбок, затем задохнулся, когда ее маленькая ручка сомкнулась на его члене, погладила его, сначала потихоньку, затем сильнее. Каждое ее движение сводило его с ума.

— Эви, — простонал он, откидываясь назад на землю. — Пожалуйста, мне нужно, чтобы ты...

Спенсер приподнялся и схватил ее за руки, полный решимости прекратить пытку и завершить все правильно. Прежде, чем она доведет его до оргазма.

И тут ее ладони покинули его... сменившись ртом.

Сраженный, Спенсер отпустил руки Эви, когда ее губы обхватили его.

— Эви, — простонал он, — ты меня убиваешь.

Эви молилась о том, что знает, что делает. Совет Милли отложился в ее памяти. Совет, который тогда казался дерзким и невозможным, но не сейчас.

Она не задавалась вопросом, сможет ли сделать это... сможет ли сделать это правильно. Сделать хорошо. Сможет ли доставить ему удовольствие. Она не просто *хотела*, ей было *необходимо* свести его с ума от желания.

— Эви, остановись, пожалуйста... — остальные его слова умерли, пока она колдовала над ним своим ртом, пробуя на вкус, смакуя.

Когда Милли рассказала ей об этой части, она подумала, что сама идея немного отталкивающая. Эви не предполагала получить такого пьянящего могущества, поставив его на колени, доведя до несвязных просьб.

Она омыла его языком, наслаждаясь пульсацией удовольствия, пробегающей по его телу, перетекающей в нее. Его стон раздался в воздухе, с дрожью пройдя сквозь него и пронзив ее. Этот звук заставил Эви потерять самообладание. Ее живот сжался и затвердел. Возможно ли это, но его член разбух еще сильнее, стал тверже, больше под ее губами.

Спенсер схватил ее руки и попытался подтянуть ее вверх.

— Эви, пожалуйста, больше не надо...

Она пососала его вершинку, сопротивляясь усилию его рук, решительно настроенная на то, что он возьмет ее, только когда будет полностью охвачен страстью, в безумии от острой потребности, и настолько забывшийся, что не заметит недостаток опыта у нее... или ее девственность.

— Довольно, — отрезал он, подтягивая ее наверх.

Одним движением Спенсер перекатил Эви под себя, поверх его сброшенной одежды. Его руки погрузились под ее юбки, обхватив бедра Эви с грубостью, которая ее взволновала и встревожила одновременно. Она сделала это... довела его до точки безумия.

Эви протянула руки в темноту, ища его лицо. Ее ладони прошли по шершавой поверхности его щек, обхватили их, притягивая лицо Спенсера вниз к своему, даже когда его руки разрывали ее панталоны, делая разрез в ткани еще шире.

И вот он уже там.

Эви задохнулась от внезапного толчка внутри нее. Он вошел в нее неосторожно. Спенсер был далеко от этого. Она сама убедилась в этом.

Он заполнил ее, растянул до отказа. Гладкий, большой, и чуждый. Эви боролась с инстинктивным побуждением отодвинуться назад, избежать его непривычного, пульсирующего члена, погруженного глубоко внутрь нее.

Она издала хныкающий звук.

Спенсер, должно быть, принял его за проявление удовольствия, потому что простонал и повторил движение, сжимая ее бедра для лучшего проникновения.

Расслабься. Дыши.

Он все еще целовал ее, его губы неистово сминали ее, когда он выходил и снова возвращался внутрь нее, всаживая себя по самую рукоять с очередным вибрирующим стоном у ее губ. Эви выпила этот звук, радуясь ему. Звук его капитуляции. Его страсти к ней.

Постепенно странное и некомфортное ощущение его внутри нее сменилось на что-то другое, когда Спенсер начал двигаться, установив быстрый темп, проникая в нее и снова

выходя. Что-то примитивное и безрассудное заставило ее быстрее двигаться навстречу ему. Без изящества и ритма.

Захватывающий жар рос внутри нее, превращаясь в растущее пожарище. Его гладкое трение о ее влажную плоть заставляло ее беспокойно двигаться, извиваться под ним, стремясь к чему-то, ища что-то совсем близко, рядом, в пределах досягаемости.

Жжение превратилось в глубокую ноющую боль. Отчаянно желая большего, желая усилить его восхитительное трение внутри нее, она переплела свой язык с его и шире развела бедра, приподнимая их с земли.

Эви двигалась с ним, навстречу ему. Любым способом, каким могла. Ее руки скользнули вокруг него, нашли его тугие ягодицы и упивались ощущением игры мышц, пока Спенсер двигался на ней.

Она застонала, уже не беспокоясь, здраво ли он мыслил или забылся в страсти. Она забылась. Ее тело было в огне, Эви вскидывала свои бедра, чтобы встретить каждое его движение. Ее внутренние мышцы сжимались вокруг его восхитительной твердости. Прерывистый крик сорвался с губ Эви, постыдный, декадентский звук, который она никогда не ожидала услышать из своих уст. Не знала, что способна издать подобный звук.

А он все двигался на ней, толкаясь тяжелее, глубже. Спенсер скользнул рукой под нее, приподнимая ее с твердой земли, придвигая ближе к себе и своему проникновению.

Эви с шумом втянула воздух, сглотнула, цепляясь за его плечи. Она чувствовала себя так, будто ее раскрутили и подтолкнули вперед в великой гонке, в отчаянной погоне за чем-то неуловимым... до чего всего рукой подать.

Эви простонала его имя, звук вырвался откуда-то из глубины ее горла. Давление росло. Она куснула его за плечо, попробовав на вкус его теплую солоноватую кожу, когда ее тело взорвалось, распалось на кусочки, расколосось на тысячу осколков. У нее перед глазами кружились зайчики, и Эви была убеждена, что никогда снова не станет единым целым. Она навсегда останется такой, измененной, никогда не станет снова собой. Она рассыпалась на части.

Спенсер упал на нее, затем убрал руку из-под ее поясницы и, тяжело дыша, оперся на нее своим большим телом.

Они лежали там некоторое время, их тела вздымались и опадали от тяжелого дыхания. Эви чувствовала, как он пульсирует, все еще находясь полностью внутри нее.

Спенсер поднял голову с изгиба ее шеи.

— Эви?

— М-м, — она потянулась, чтобы легонько коснуться кончиков его волос, пропуская шелковые пряди сквозь свои пальцы, боясь того, какими могут быть его следующие слова. Могли ли они обладать властью разрушить это.

Он понял? Узнал?

— Я причинил тебе боль?

Ее грудь сжалась, кожу болезненно покалывало, словно иголками. Он знает, что нарушил ее девственность?

— Н-нет.

— Обычно я не такой... неистовый, — он издал резкий звук горлом. — Я, определенно, никогда не представлял, что наш первый раз вместе будет таким... на полу погребя.

Вздых с дрожью пронесся сквозь нее. Он не знал.

Эви потянулась рукой к его щеке, наслаждаясь трением его кожи о ее пальцы, чувствуя

одновременно облегчение и ужас. Потому что Спенсер не знал.

Маленькая часть ее желала, чтобы он понял. Тогда правда выйдет наружу. Хорошо это, или плохо, но между ними больше не было бы никаких уловок. Пока ее тайна остается скрытой, Спенсер не знает ее. Никогда не узнает. Заставляя его верить в иллюзию, она поступает ничем не лучше его отца.

— Это было идеально, — пробормотала она хриплым голосом и с горящими глазами. Идеально, насколько это было возможно.

Его голос проурчал низко и мощно:

— Действительно? Тогда будет не очень сложно произвести на тебя впечатление во второй раз. Кровать поможет в этом предприятии.

Спенсер поднялся и, потянув ее, поставил на ноги. Ее юбки упали вокруг ног с шорохом.

В темноте он помог ей привести в порядок одежду, застегивая пуговицы у нее на спине с умением, которое убедило Эви в его опыте в подобных делах. Ее ноги были слабыми, как желе, она покачнулась, но Спенсер поддержал ее. Голова Эви кружилась. Она сжала его руку для поддержки.

Он обвил ее рукой.

— Тебе нехорошо? — его голос резко прозвучал в ушах Эви.

— Просто немного кружится голова. У меня не было возможности позавтракать этим утром...

— Ты имеешь в виду, что не ела со вчерашнего дня? — потребовал он ответа.

Она кивнула, потом поняла, что Спенсер не мог видеть ее лица.

— Да.

Он выругался и подхватил ее на руки так, будто она совсем ничего не весила.

— Чертовски глупо, — пробормотал Спенсер.

— Прошу прощения? — требовательно спросила Эви. — Я не понимаю...

— Да я не про тебя. Себя, — проворчал он сердитым голосом, шагая по направлению к темным ступенькам. — Мне следовало подумать, прежде чем брать тебя здесь внизу, как опытную... — его голос стих с низким ворчанием.

— Возможно, я тоже имела к этому некоторое отношение, — вставила она, ее губы сухо сжались, пока он нес ее вверх по деревянным ступенькам с вызывающей дрожь силой. Эви погладила ладонью по его плечу. Его кожа была теплой и гладкой под ее рукой. Восхитительно обнаженной. — Ты забыл свою одежду.

Они миновали порог и ступили в приглушенный свет коридора.

Она моргнула из-за внезапного выхода из темноты и повернулась, чтобы посмотреть на лицо Спенсера, изучая мужественные углы и впадинки, глубоко посаженные глаза, совершенную лилию губ, будто видела его впервые. Эви провела пальцем по маленькой ямке у него на подбородке.

Она пожирала его взглядом, волосы Спенсера пришли в беспорядок от ее пальцев, яркие зеленые глаза с жадностью смотрят на нее. Так, как мужчина смотрит на женщину, которую он только что познал интимно.

— Я заберу ее позже.

Ее пальцы прошли по его плечу, наслаждаясь выступающими мускулами.

— Ты собираешься пройти через весь дом полуодетым? Что, если кто-то увидит...

— Мы женаты, Эви. Они могут думать, что хотят. И последний раз, когда я проверял, я был хозяином этого дома.

Спенсер прошагал до конца коридора, пока не достиг лестницы для слуг. На пути наверх прошел мимо лакея. Пораженный, неоперившийся юнец прижался к стенке, отводя взгляд от очевидного беспорядка в их одежде. Эви спрятала свое залитое румянцем лицо на его груди, заикаясь от смеха, чувствуя себя легко, более счастливой, чем она была в течение многих лет.

Спенсер сделал это: заставил ее почувствовать себя молодой и свободной. Так, будто счастье не было чувством, которое достается лишь некоторым счастливым. Это было то, что могло бы у нее быть. С ним.

— Мы организуем для тебя какую-нибудь свежую одежду, еду...

— Ванну?

— Конечно, — затем он повернул лицо и ткнулся носом в ее щеку, губами припав к ее шее.

Эви почувствовала трепет в животе от теплого давления его губ на ее коже, от его легкой фамильярности с ней. Она никогда не думала о возможности иметь подобное с мужчиной. И, определенно, никогда с мужем.

Эви обернулась, когда Спенсер прошел мимо двери в ее спальню.

— Куда ты меня...

— Я не вижу необходимости в том, чтобы ты теперь спала там, — его зеленый, ясный и испытующий взгляд встретился с ее. — А ты?

Жар пополз по ее щекам. Конечно, нет. Ее тело теперь принадлежало ему. Она свободно отдала ему себя.

— Нет, не вижу, — Эви больше не хотела спать одна. Она хотела Спенсера, хотела быть его женой во всех смыслах. Только одна вещь все еще стояла между ними. Одна вещь убила легкость, охватившую ее.

Эви спрятала лицо у него на шее, чтобы скрыть свой хмурый взгляд.

Внутри своей спальни он усадил ее на край широкой кровати. Она заставила себя оживиться, когда он посмотрел на нее этими своими завораживающими глазами.

Спенсер провел большим пальцем по ее щеке.

— Я недолго.

Она кивнула, затаив дыхание, наблюдая за тем, как он покидает комнату. Как только дверь со щелчком закрылась, она вскочила на ноги и была около тазика, намереваясь смыть малейшее доказательство своей девственности.

Ее руки тряслись, когда она наливала воду в фарфоровую миску. Эви сказала себе, что это просто из-за событий дня. Запертая в темноте, вынужденная встретиться лицом к лицу с тем давнишним страхом, а затем другим ее страхом: риском разоблачения, когда она отдала свое тело мужу.

Конечно, это не имеет ничего общего с тем фактом, что она влюбилась в своего мужа. Человека, который не захочет иметь с ней ничего общего, если узнает тайну, которую скрывает Эви. Она крепко зажмурила глаза. Кажется "если" больше уже не было вопросом.

Теперь вопрос стоял только "когда". Когда она скажет ему. Потому что он не будет принадлежать ей, пока Эви не сознается во лжи. Она больше не могла жить с этим между ними.

Не лги тем, кого любишь.

Довольно простое правило.

Эви могла только молиться, чтобы Спенсер понял и не судил ее слишком строго...

чтобы не отнес ее к той же категории, что и своего отца.

Заказав для Эви ванну и поднос с ужином, Спенсер отправился завершить другое дело, которое требовало его внимания. После нескольких ударов в дверь Адары, он открыл ее и ступил внутрь пустой спальни. Не очень удивившись.

Мрачно улыбаясь, Спенсер двинулся вниз по коридору, продолжая стучать в спальни каждого из ее спутников. Поворачивая замки, он распахивал двери, не обращая внимания на возмущенные крики.

Очень немногие из гостей Адары спали в одиночестве. Они, спотыкаясь, выскакивали из своих комнат со словами негодования, в спешке завязывая свои халаты. Спенсер нашел Адару в последней спальне. В постели Грешама.

— Спенсер! — вскрикнула она, оборачивая покрывалом свои пышные формы. — Это не то, что ты думаешь!

Он выгнул бровь.

— У меня есть глаза, Адара. Твоя ошибка в том, что ты думаешь, что мне есть до этого дело.

Грешам явно расслабился от этого заявления. Он даже имел наглость подмигнуть.

— Твоего брата это тоже никогда не волновало...

— Я уверен в этом, — произнес Спенсер, с подчеркнутой медлительностью, представляя себе, что его распутный брат был слишком занят, гоняясь за юбками других женщин, чтобы беспокоиться о том, кто трахает его жену. Он послал пылкую благодарственную молитву, что Эви была совсем не похожа на этих людей, что она не знала ничего об отвратительных обычаях великосветского общества. Подобно ему, она, видимо, не имела особого желания часто посещать гостинные лондонского высшего общества.

— Спенсер, послушай меня. Я совершила ошибку, предпочтя тебе Каллена. Мне очень жаль, что я соврала и сказала, что сбегу с тобой. Я была молода. Не наказывай меня за одно неверное решение. Я достаточно страдала. То, как Каллен умер... — она содрогнулась. — ... это было унижительно.

Он вздохнул.

— Я не наказываю тебя. Меня это просто не волнует.

Поднявшись с кровати, она схватила его за руку.

— Ты не можешь иметь в виду...

— Ты — моя невестка, Адара. Не более. Я присмотрю за твоими нуждами до тех пор, пока ты снова не выйдешь замуж. А это я предлагаю тебе сделать со всей поспешностью, — Спенсер посмотрел на нее сузившимися глазами.

Обида вспыхнула на лице Адары. Ее губы задрожали.

— Ты хочешь, чтобы я вышла замуж за другого мужчину?

— Я ожидаю, что объявление о браке появится уже в течение двух недель. Имей в виду, что я дам за тебя щедрое приданое, — он бросил на Грешама выразительный взгляд. — Кое-что, о чем стоит подумать, Грешам, если тебе так нравится спать с ней.

— Несомненно, — пробормотал он.

Адара свирепо смотрела на них.

— Как будто я выйду замуж за простого мистера.

Толпа, которая собралась около двери, захихикала от этого пренебрежительного замечания.

Лицо Грешама вспыхнуло.

— Достаточно хорош, чтобы переспать, но не достаточно, чтобы выйти за меня замуж, так что ли? И я полагаю, что женщина, которая обслужила половину высшего общества, заслуживает большего? Тебе еще повезет, если сумеешь завлечь мужа хотя бы наполовину такого же понимающего или прощающего.

Толпа снова захихикала.

Одна женщина пробормотала:

— Это лучший домашний прием, который я когда-либо посещала!

Устав от их компании и горя желанием вернуться к Эви, Спенсер резко сказал:

— Пока ты не выйдешь замуж, будешь получать лишь весьма скудное содержание. Может быть, это изменит твою точку зрения.

- *Содержание?* — она прижала руку к выпуклости своей груди над покрывалом.

— Да, — сказал он сурово, наклоняя свое лицо ближе. — И будь уверена, что даже оно исчезнет в мгновение ока, если ты когда-нибудь, — его голос стал мрачно низким, — снова причинишь вред Эви. Улицы будут слишком хороши для тебя.

— Эви! — завизжала она, вскочив от ярости. — Все это из-за той маленькой работяжки?

— Жены, — вставил Спенсер сквозь стиснутые зубы. — Будь осторожна, Адара. Эви — моя жена.

— Конечно, — она сузила глаза до щелочек, — ты — полоумный дурак, — сердито ощерилась она. — Ты влюбился в нее.

Спенсер крепко сжал губы... позволяя словам проникнуть внутрь, обосноваться внутри него. Удивительно, но он не чувствовал порыва отрицать их.

— Возможно, — допустил Спенсер.

— Ублюдок! Как ты посмел предпочесть ее мне? — обвинила его Адара, сжав пальцы для удара.

Он схватил ее запястье, говоря спокойно, решительно.

— Как я мог не сделать этого? Я хочу, чтобы ты исчезла. Собери свои вещи, — он окинул взглядом Грешама и остальных друзей Адары, таращащихся из дверного проема. — Все вы.

— Сегодня ночью? — требовательно спросил Грешам. — Не очень гостеприимно с вашей стороны, Винтерс.

— Так же, как ни один из вас не был добр к моей жене, *вашей хозяйке*. А теперь убирайтесь. Вам здесь не рады.

Грешам склонил голову. Кивнул, выглядя немного пристыженным.

Спенсер оттолкнул от себя Адару.

— Я буду ждать твоего объявления в *Таймс* [1161](#). Не перечь мне в этом. Я не буду снисходительным.

Адара наткнулась на кровать и опустилась вниз, ее маленькое тело согнулось от поражения в очень эффектной позе. Ее вид его не тронул.

В этот момент Спенсер чувствовал избавление, облегчение. Полностью спасен от несчастной судьбы, которая ждала бы его, если бы он женился на ней все эти годы назад. Он послал благодарственную молитву Каллену за то, он что увел ее у него.

Грешам похлопал по голому плечу женщины.

— Пойдем, Адара. Давай складывать вещи.

Она проигнорировала его. Ее глаза блеснули через затемненную комнату на Спенсера.

— Ты чертов дурак. Глупец! Думаешь, что любишь ее? Думаешь, она любит тебя? — насмешливо произнесла Адара.

Спенсер сохранял спокойствие, глядя на нее, слушая. Он знал, что ему не следует. Знал, что надо отвернуться, но не мог. Спенсер стоял как вкопанный, пока она поливала его своим ядом.

— Подожди и увидишь. Твоя идеальная невеста разобьет тебе сердце. Я вижу это в ней. Она такая же, как и все. Ради себя сделает что угодно. На самом деле, она не заботится о тебе. Почему ты думаешь, она вышла за тебя замуж? — ее красивые губы скривились. — Вы вообще знаете друг друга? — она безжалостно рассмеялась. — Ты для нее лишь титул. Богатство и безопасность. А не мужчина! Не тот, о ком она когда-либо будет заботиться!

— Ты ошибаешься, — он медленно покачал головой. — Твоя ошибка в том, что ты думаешь, что Эви хоть сколько-нибудь похожа на тебя.

С этим прощальным комментарием Спенсер повернулся и покинул комнату, игнорируя отзвук ее слов в ушах, неприятное ощущение, которое они оставили в его душе.

Адара ошибалась.

Он не был глупцом, позволив привязанности к жене появиться в сердце. Не был глупцом, считая, что она, возможно, разделяет его привязанность. Эви была другой. Хорошей и искренней. Почему не позволить себе заботиться о ней?

Угрюмый голос прошептал в его голове: *потому что она Линни Йена.*

Спенсер покачал головой. Больше нет. Теперь она была его. Его Эви. Не было ошибкой позволить надежде прокрасться внутрь... надежде на брак, основанный на чем-то большем, нежели долг и удобство. Надежда ради них обоих.

Эви проснулась от ощущения теплых губ на своей шее, горле, груди. Открыв глаза, она улыбнулась и запустила пальцы в густые волосы Спенсера. Предрасветный сумрак начал заползать сквозь занавески из дамаста.

— Хм, доброе утро, — пробормотала Эви, затем нахмурилась. — Я пыталась не заснуть, чтобы дожидаться тебя вчера вечером. Почему ты не разбудил меня, когда ложился?

Она мало что помнила после ванны и еды, кроме того, что взобралась на его постель. Очевидно, сытую и расслабившуюся после ванны, ее одолела усталость.

— Ты выглядела такой умиротворенной. Мне не хотелось будить тебя, — он поцеловал ее прямо под ухом, и она затрепетала. — Я решил, что это может подождать до утра.

Эви смотрела на широкую грудь прямо над ней.

— Уже утро, — пробормотала она, в тайне придя в ужас от того, какой распутницей стала.

Спенсер усмехнулся.

— Знаю. Я долго ждал, прежде чем разбудить тебя, — он слегка откинулся назад, чтобы внимательно посмотреть на нее. Даже в затемненной комнате его напряженный взгляд пронзил ее. Спенсер провел пальцем по скромному вырезу ее пеньюара. — Я собираюсь сжечь это. Все твои ночные рубашки.

— И что я тогда буду носить? — поддразнила Эви.

В его глазах зажегся озорной огонек.

— Самые прозрачные, самые маленькие кружева и атлас, — его палец нырнул под высокий вырез. — Такие, что, на самом деле, больше похожи на носовые платочки. Они будут прикрывать твои самые привлекательные места целых пять секунд, пока я не сорву их с тебя зубами.

Она не смогла удержаться: откинула назад голову и рассмеялась.

— Подумать только, а ты озорник.

Когда она снова глянула на него, Спенсер не улыбался. Просто смотрел на нее: печально и задумчиво.

Ее смех стих.

— Что?

— Я никогда не видел тебя такой.

Эви почувствовала стеснение в груди, дыхание замерло.

— Какой?

— Такой легкой в общении, такой... счастливой и свободной. Мне нравится, когда ты смеешься. Когда ты не борешься со мной.

Ее грудь снова сжало, так, что она как будто стала невозможно маленькой.

— Мне тоже.

Эви подозревала, что в его в силах было заставить ее часто смеяться. Сделать счастливой. Если она позволит.

Спенсер улыбнулся. Улыбкой, которую она никогда раньше не видела у него. Улыбкой, эхом отразившейся в ней. Он убрал прядь волос с ее шеи. Его большой палец остался там, помедлил на пульсе у нее на горле, пока он смотрел на Эви тем напряженным взглядом, от которого у нее плавилась кости.

Эви знала, что должна во всем ему признаться. Если питает хоть какую-то надежду построить что-то значимое между ними, что-то истинное, то она должна. Так или иначе. Каким-то образом.

Она открыла рот, чтобы рассказать, не уверенная, с чего начать.

Спенсер передвинулся, прижавшись своим возбужденным членом к изгибу ее бедра. Голодный взгляд его глаз остановил Эви. Внизу живота начал накапливаться жар. Она шевельнулась, раздвинув бедра, насколько позволяла ее ночная рубашка, приглашая его внутрь.

Губы Спенсера сжалмсь в твердую линию, он потянулся вниз и стянул ее пеньюар вверх по бедрам, туловищу, голове. Эви вздрогнула от утреннего воздуха. Он снова склонился над ней, согревая ее своим нагим телом. Его кожа была как атлас, натянутый на мышцы и сухожилия. Где бы она ни коснулась его, мышцы перекачивались волнами. Спенсер заставил ее чувствовать себя маленькой и хрупкой.

— Надеюсь, у тебя не было планов на день, — его голень скользнула по ее ноге. Жесткие волоски на его ногах эротично возбуждали. Внутри у Эви все трепетало.

— Почему? — выдохнула она.

— Потому что мы будем заниматься этим. Весь день и всю ночь.

— А мы можем?

Он хмыкнул и склонил голову, целуя ее долго и глубоко до тех пор, пока Эви не начала задыхаться, цепляясь за его плечи и притягивая ближе. Его губы оторвались от ее, прожигая горячий след вниз по ее шее.

— Мы можем делать все, что захотим.

Эви вздохнула и выгнулась к нему.

— Все?

— Все, — Спенсер взял в рот ее сосок и начал его посасывать. Она вскрикнула, еще сильнее выгибаясь под его теплым языком, крепче ухватившись за его голову. Каждым движением своих губ на ее груди он увеличивал напряжение глубоко внутри Эви. Тянущую боль, которая пульсировала меж ее ног.

— Тогда я никогда не встану с постели, — простонала она.

Спенсер издал смешок, теплым дыханием овеяв ее влажный сосок.

— Даже завтра? — он слегка ударил кончиком языка по верхушке ее груди, терзая Эви желанием.

— Что? Почему? — простонала она, мотая головой, находясь за гранью сознания, так как его пальцы, протанцевав вверх по бедру, легко коснулись ее влажности.

— Мы могли бы делать это в карете, не так ли? — он помедлил немного, чтобы подуть на ее влажный, набухший сосок.

В карете? Эви покачала головой.

— Зачем нам карета, если у нас есть кровать?

Спенсер сомкнул губы на другом ее соске, легонько его прикусывая. Она вскрикнула и схватила его за волосы.

— Я подумал, что тебе бы понравилось небольшое путешествие.

— Куда? — Эви задыхалась, притягивая его назад к своей груди.

— Литл-Биллингс.

Она моргнула и приподнялась на локтях. Ее сердце сбилось с ритма при виде изогнутой улыбки мужа. Он и в самом деле был слишком красив.

— Ты отвезешь меня домой?

— Ты ведь соскучилась по своей семье, не так ли?

Она молча кивнула, охваченная бурей чувств от того, что Спенсер так заботился о ней, что разрешил ей это. Сердце Эви замерло в груди, когда он вытянул руку, чтобы погладить ее по щеке.

— Я хочу, чтобы ты была счастлива, Эви. Я отослал Адару и ее друзей домой. Мы можем остаться здесь или в Литл-Биллингсе. Где угодно. Я жил в палатке годами, так что все лучше этого.

Ее рука взлетела к груди, прижавшись к скачущему сердцу, слыша в тот момент только одно.

— Ты отослал Адару?

Его лицо напряглось с хмурым видом.

— Ты же не ожидала, что я позволю ей остаться после ее маленького фортеля.

Эви коснулась лица мужа, наслаждаясь трением его щеки о ее ладонь.

— Это твой дом, Спенсер. Я хочу, чтобы он стал и моим. Хочу, чтобы он стал домом, где мы вырастим Николаса и наших детей.

Она цеплялась за Харбор из страха и отчаяния. Эви так долго рассматривала внешний мир с той же позиции, что и темноту: как что-то, чего надо бояться. Избегать. Место, где происходят только плохие вещи. Как на Барбадосе.

— Ты действительно это имеешь в виду?

Мэрдокам уже давно пора дать передышку от тяжелой работы и нависающего облака бедности. Благодаря Спенсеру она могла дать им безопасность и спокойствие, и позволить наслаждаться своими последними годами. Николас будет обожать Эштон Грейндж и приключение, которое он собой представляет. Эми тоже. У них уйдут часы на его исследование. С другой стороны, ее тетя может решить остаться в Харборе. Она не захочет покидать место, которое было ее домом в течение стольких лет.

Эви кивнула, улыбаясь. Снова.

— Да.

Спенсер улыбнулся в ответ. Широкой, удовлетворенной улыбкой. Он уложил ее на спину, поставив по обе стороны от нее свои мускулистые руки, будто заключив Эви в клетку. Ее живот напрягся. Глаза Спенсера блеснули светло-зеленым светом, наслаждаясь зрелищем.

— Тогда давай возьмем Николаса и привезем его домой.

Дом. Их дом. Впервые в жизни она верила в это. Верила, что у нее может быть дом вместе с ним.

Возможно, у нее будет все.

Затем он поцеловал ее, и сердце Эви затрепетало от его вкуса на ее губах. Она задохнулась, когда Спенсер вошел в нее, радуясь тому, что вся его твердая длина так идеально уместилась внутри нее. Никогда раньше Эви не чувствовала ничего столь совершенного, столь правильного, как тогда, когда его тело слилось с ее.

Руки Спенсера скользнули под нее, обхватили ягодицы и приподняли ее ближе к каждому его толчку, глубже вжимая ее в постель. Эви повернула голову, заглушая крики подушкой и пряча свои слезы.

Слезы радости. Слезы печали от того, что мужество предало ее, и мужчина, которого она полюбила, не знал ее на самом деле. От того, что когда он узнает, Эви рискует потерять

его навсегда.

Много позже она проснулась в темной комнате. Ее уставшее, хорошо поработавшее тело на мгновение одеревенело от клубящейся вокруг темноты, пока она не почувствовала грудь Спенсера под своей щекой.

Эви вздохнула. Тьма больше не пугала ее. Не тогда, когда рядом с ней Спенсер.

— Ммм, — потянулась она. — Который час?

Его рука погладила ее предплечье. Прикосновение его мозолистых ладоней уже стало ей знакомо.

— Поздно.

Спенсер выскользнул из постели, и она вздрогнула, лишившись тепла его тела рядом с собой.

— Спенсер?

— Минутку.

Эви услышала, как он добавил дров в камин. Затрещали искры и слабый огонь постепенно разгорелся ярче. Улыбаясь, она откинулась назад на кровати и ждала, задаваясь вопросом: чувствовала ли она себя когда-либо такой удовлетворенной, такой защищенной.

Через мгновение Спенсер снова к ней присоединился. Дрожа, он притянул ее поближе к своему обнаженному телу. Телу, которое потеряло немного своего тепла за короткий визит к очагу. Эви взвизгнула от его ледяных пальцев на ногах, прикоснувшихся к ее лодыжкам.

— Перестань!

Он рассмеялся и крепче ее обнял.

Успокоившись, она пробормотала у его груди:

— Знаешь, тебе не обязательно это делать.

— Что делать?

— Поддерживать огонь в очаге.

— Ты больше не боишься темноты?

Эви не потрудилась расспросить Спенсера о том, как он узнал о ее иррациональном страхе: ей не удалось хорошо скрыть его от него той ночью в гостинице.

Проводя пальцами по его груди, она поцеловала его упругую плоть, затем ответила.

— Думаю, что меня пугала не темнота.

— Нет? А что тогда? — рука Спенсера выводила круги на ее предплечье.

— Полагаю, демоны из моего прошлого. Кажется, они всегда умудряются отыскать меня в темноте.

— Какие демоны?

Эви сделала глубокий ободряющий вздох.

— Однажды ночью, очень давно, мужчина ворвался в мою спальню и напал на меня.

Его рука замерла на ее предплечье. Спенсер камнем застыл около нее. Она не двигалась, не смела посмотреть на него, слишком боясь того, что могла увидеть на его лице.

— Он не... — Эви прервалась, увлажняя свои пересохшие губы, — преуспел в своем грязном деле, но я никогда не могла выкинуть это из памяти.

— Когда это случилось? Где?

Тревога просочилась вниз по ее позвоночнику от его резкого тона. Она боялась сказать слишком много, и не зря. Эви не имела понятия о том, что Йен рассказал ему. Спенсер с легкостью мог начать соединять кусочки ее головоломки из лжи, если она упомянет работодателя, если упомянет Барбадос.

Ей не следовало ничего говорить, следовало держаться подальше от него, но Эви не могла. Она слишком хотела его. Нуждалась в близости, которая была больше интимной.

Отбрасывая осторожность в сторону, Эви пробормотала:

— Это было до Николаса, до Йена, — по крайней мере, это было правдой.

— Я узнаю имя этого человека, — мрачно и грозно прогрохотал его голос у нее под ухом.

Дрожь пробежала по ее рукам. Эви оперлась на локоть, чтобы взглянуть на него, дурное предчувствие нахлынуло на нее.

— Зачем?

На челюсти Спенсера напрягся мускул, когда его губы сжались в твердую линию. Его рука на ее запястье сжалась.

— Я хочу узнать его имя, Эви.

Она покачала головой.

— Не заставляй меня снова вспоминать это. Забудь.

В этот момент что-то сверкнуло в его глазах. Рука на ее запястье расслабилась.

— А ты забыла?

— Это в прошлом. Все, Спенсер, — Эви облизнула пересохшие губы и покачала головой. — Что-то изменилось вчера в погребке. Я перестала прятаться от темноты. Встретилась, наконец, с ней лицом к лицу. И ты пришел за мной, — ее речь ускорялась, становясь более уверенной. — Тогда я поняла, что в темноте могут происходить и хорошие вещи. Прекрасные, замечательные вещи, — она протянула руку, растопырив пальцы на его груди. Сильные ровные удары его сердца пульсировали под ее ладонью.

Те плохие воспоминания больше не преследовали Эви. Было похоже, что Спенсер изгнал ее призраков, надежно похоронив их в прошлом... дав ей что-то еще, что-то лучшее, на чем можно сфокусировать внимание.

— Я все-таки хочу узнать имя этого мужчины, чтобы я мог нанести ему визит. Ты теперь моя жена. Нужно заставить его отвечать за свои поступки.

Вздыхая, она откинулась назад напротив него.

— Что ж, он далеко отсюда. Тебе придется пересечь океан, чтобы воздать ему по справедливости, а я не буду в восторге, если ты меня покинешь.

Спенсер проворчал и заключил ее в объятия.

— Не хочу, чтобы ты снова когда-нибудь страдала. Мысль о том, что с тобой что-то случилось... — он потянул за кончики ее волос, лежащих на его груди.

Незнакомая боль сжала ее сердце. Эви никогда не думала, что мужчина будет так о ней заботиться, что она сможет найти то, что Фэллон нашла со своим мужем. Спенсер не объяснился ей в любви, но она знала, что нравится ему, он хочет ее. Они испытывают привязанность друг к другу. Разве этого не достаточно?

Будет ли этого достаточно, если муж узнает ее тайну? Если он узнает, что женился не на Линни? Что она не была той женщиной, к которой у него возникли нежные чувства во время кампании в Крыму? Будет ли это иметь значение для Спенсера? Достанет ли ей мужества, чтобы это выяснить?

Как долго может она продолжать лгать человеку, которого любит? Что-то сжалось в груди Эви при мысли о том, чтобы освободиться от лжи, признавшись ему во всем. Сможет ли она перенести, если это означает потерять их новообетенную близость? Потерять Спенсера? Дикое отчаяние прожгло ее от такой перспективы.

Горло Эви перехватило от страха, но она знала, что должна рискнуть. Обязана. Потому что иначе у них никогда не будет ничего настоящего, истинного.

— Я хочу, чтобы ты была счастлива, Эви. Я никогда не пожелаю тебе вреда или чтобы ты была напугана.

Прерывистый вздох вырвался у нее из груди.

— Я счастлива, — и эта крупица правды испугала ее. Не было мудрым решением позволить себе чувствовать счастье. Счастье с ним. Когда все это может исчезнуть после пары простых слов. — Тебя-то ничто не испугает, — поддразнила она, горя желанием сменить тему. — Ты пережил войну.

— Я бы так не сказал. Страх заставил меня пойти в армию.

Эви приподнялась на локте и взглянула вниз на него.

— Ты стал солдатом, потому что был напуган? Ты бы скорее подставился под саблю, под пулю, чем под... — она изумленно покачала головой, — ... что?

— Стать таким, как мой отец. Братья. Все распутники, топили себя в пороках до тех пор, пока от них не остались одни пустые оболочки. Я наблюдал за тем, как мой отец уничтожил мать, убил ее своими изменами и ложью и затем не проронил ни слезинки над ее могилой.

Ложь. Ее живот сжался. Предательство и ложь окрасили его прошлое, прошлое, от которого он сбежал, уйдя на войну.

Ложь и предательство окрасили и его настоящее. Только он еще этого не знал.

Спенсер продолжил:

— Мой отец и братья, не задумываясь, лгали и обманывали, чтобы получить то, что хотели в жизни.

— Адара, — Эви не могла не предположить, слишком любопытная, чтобы придержать язык.

— Да. Адара. Она была трофеем сезона. Приз Каллену, чтобы обойти всех тех, кто боролся за ее руку. Включая меня, — он поймал прядь волос Эви, пропустил ее меж своих пальцев. — Только я рад, что он выиграл ее.

— Ты не такой как они, Спенсер.

— Нет? — его пристальный взгляд поймал ее в ловушку. — Я не дал тебе большого выбора в том, чтобы выйти за меня замуж. Я повлиял на ситуацию, позволив Шеффилду думать, что я отец Николаса. Потому что хотел тебя.

Было больно слышать, как он говорит это. Спенсер хотел Линни: он думал, что получит ее. Ей никогда не отделаться от этой мысли.

Эви выдавила улыбку и поддразнила его.

— Что ж, да. Это было слегка чересчур. Возможно, ты все-таки немного на них похож.

Спенсер улыбнулся, только в этой улыбке не было веселья.

— Мой отец верил, что наше право в силу происхождения ставит нас над всеми остальными. Винтерсы берут то, что хотят, а остальной мир может катиться к черту... Он растил нас, чтобы быть такими.

Ее улыбка исчезла, и она покачала головой.

— Ты не такой, — настаивала Эви. — Ты внимательный к другим. Бескорыстный. Ты женился на мне ради Николаса, ради Йена...

— Разве? — прервал ее Спенсер, его глаза ярко блестели и казались почти серебристо-зелеными. — Глядя на тебя прямо сейчас, испытывая такие чувства, как сейчас, трудно это

себе представить.

Она сглотнула.

Все еще держа в руке ее волосы, он притянул голову Эви поближе. Его губы опалили ее рот, когда он заговорил.

— Буду честен.

Потому что честность была так важна для него.

— Я женился на тебе из самых низменных, наиболее эгоистичных побуждений.

И тогда Спенсер поцеловал ее как человек, слишком долго лишенный еды и питья. Как мужчина, вернувшийся с войны, изголодавшийся по даме своего сердца. Все, что можно было еще сказать, было утеряно под горячим давлением его губ на ее.

Ему не было нужды объясняться. Эви прекрасно понимала его. Понимала скольжение его языка по ее... руку, отчаянно запутавшуюся в ее волосах, пережат его тела на ее. Как будто он никак не мог насытиться ею. Как будто он не почувствует себя цельным, пока не найдет способ, чтобы слиться с ней воедино.

Эви понимала.

Так же, как понимала свою отчаянную любовь к нему, растущую в ее сердце. Проклятие.

Эви беспокойно ерзала на сиденье, пока они громыхали по Литл-Биллингс и приближались к дому.

Спенсер наблюдал за ней, в его зеленом взгляде постоянно сияла теплота. Этот взгляд заставлял ее действительно *чувствовать* тепло, помнить, что он мог сделать с ней... что он делал все предыдущие дни. И она все еще хотела большего. Жаждала его снова и снова.

— Ты выглядишь, как маленькая девочка, в нетерпении подпрыгивающая на своем сиденье, — поддразнил ее Спенсер, наклоняясь вперед, чтобы поправить одеяло у Эви на коленях.

— Я никогда раньше не была так долго вдаль от Николаса, — ответила она.

Ее сердце стало биться быстрее, когда они остановились перед домом. Спенсер не стал ждать, пока кучер откроет перед ними дверь. Он спустился и помог сойти ей. Она по-новому взглянула на побеленный коттедж, который был ее утешением в течение последних лет.

Харбор выглядел по-другому. Меньше, и близко не такой... *важный* для ее существования. Она соскучилась по людям в нем, но не по дому, не по прибежищу, за которое она цеплялась последние пять лет. Эви скользнула взглядом по сильному профилю своего мужа. Он сделал это. Вызвал в ней эту перемену.

Спенсер предложил свою руку, и она положила ладонь на сгиб его локтя. Парадная дверь протонала, открываясь, и Эви повернула голову на знакомый звук, широко улыбаясь, когда Николас вырвался от Эми и на полной скорости понесся вниз по запорошенным снегом ступенькам. Его маленькие ручки сомкнулись вокруг нее и едва не сбили Эви с ног.

Смеясь, выпуская белые облачка пара изо рта, она разняла его руки и встала на колени, едва не опрокинувшись, когда он вскинул свои маленькие ручки вокруг ее шеи.

— Видишь, мама, — закричал он, как будто стараясь ей что-то доказать. — Я знал, что ты вернешься! Я знал это!

— Конечно, вернусь. А ты думал, что я не вернусь?

— Бабуля сказала, что теперь, когда ты вышла замуж, возможно, никогда не вернешься назад.

Кровь застыла в ее венах. *Бабуля.*

Ее мачеха здесь?

Крепко держа Николаса за руки, Эви потянула его назад, чтобы прямо посмотреть ему в лицо.

— Я никогда не брошу тебя, Николас. Никогда. Куда бы я ни пошла, ты тоже пойдешь со мной.

Блаженная улыбка расплылась по его лицу. Сердце Эви переполнилось чувствами оттого, как легко доставить ему радость... как легко его любить.

— Мы куда-то едем? — спросил мальчик.

Эви глянула на Спенсера. Он выгнул бровь.

— Возможно, — это была тема, которую лучше пока отложить. А сейчас ей надо решить проблему с Джорджиной, затаившейся в Харбор.

— Эви! Ты вернулась, — очевидно, ей не придется долго ждать.

Ее мачеха пересекла порог, отталкивая Эми локтем в сторону. Папа стоял сразу за ней, выглядя несколько извиняющимся, но беспомощным. Как обычно. Кроме того раза, когда

поддержал решение Эви сохранить Николаса, он редко выступал из тени своей жены.

Глубоко посаженные глаза Джорджины остановились на Спенсере, сужаясь до тех пор, пока не стали похожи на щелки. Она явно хотела знать, сказала ли ему Эви, что она не Линни.

— Мистер Локхарт, так приятно видеть вас снова. Представьте наше удивление, когда мы заехали сюда навестить нашу Эви и узнали, что вы двое сбежали в Шотландию. Это весьма... смело.

Беспокойство охватило Эви. За все время, пока она жила здесь, Джорджина и папа ни разу не навестили ее в Харборе. Чем бы ни был мотивирован этот визит, он не может быть хорошим предзнаменованием.

— Да, — пробормотал Спенсер. — Это должно было стать сюрпризом.

Джорджина продолжала трещать без умолку:

— Я совершенно не ожидала, что ты вернешься в этот маленький... *коттедж*, Эви. Не после того, как выйдешь замуж.

Она с тем же успехом могла бы произнести слово "лачуга".

Эви согнула руку вокруг пухленькой ручки Николаса.

— Конечно, я бы вернулась. Ты ожидала, что я брошу своего сына?

Джорджина склонила голову на бок.

— Твоего сына? — ее взгляд упал на Николаса. Она прямо уставилась на него ничего не выражающим взглядом. Не подавая вида, что она вообще видит своего внука, когда смотрит на него.

— Ты думала, что я забуду его теперь, когда вышла замуж? Я его мать.

Джорджина взмахнула рукой в воздухе и весело рассмеялась.

— Кто знает? — она с большим интересом переводила взгляд с Эви на Спенсера и обратно.

Эви сузила глаза, пытаясь предупредить Джорджину, чтобы та держала язык за зубами.

Мачеха беспечно продолжала:

— Значит, ты все еще собираешься тут жить? Я была уверена, что ты переедешь в дом своего мужа... где бы он ни был.

Ее тон давал понять, что она полагала, что Спенсер — человек малого достатка, либо вообще без того, без дома и без имущества. Ей бы это понравилось: она бы наслаждалась, наблюдая, как муж Эви втискивается в их и так уже тесное жилище. И она получила бы еще большее удовольствие, наблюдая, как он присоединяется к их борьбе за существование.

— Это был долгий день, — сдержанно сказала Эви. — Давайте уйдем с холода и отогреемся у огня.

— О, конечно, конечно, вот я глупая, — Джорджина отступила в сторону, следуя за ними в крошечный холл. Эви прижалась щекой к папиной щеке в вялом приветствии.

— Эви, — он улыбнулся дрожащей улыбкой.

— Здравствуй, папа, — ответила она.

Когда-то у них были крепкие отношения. До того, как он женился на Джорджине. По крайней мере, тогда он любил Эви. Но это было давным-давно. Она едва помнила те времена.

— Пойдем, Николас, — Эми взяла Николаса за руку и повела его прочь от Эви. — Ты еще навестишь свою маму и мистера Локхарта попозже. Дай им устроиться.

— Спасибо, Эми.

— Да, — Джорджина взмахом руки отослала их. — Ступайте отсюда, — повернувшись, она жестом указала Эви и Спенсеру в сторону салона. — Я уверена, вы не откажетесь перекусить. Чай. Печенье. Я только пошлю миссис Мэрдок...

— Вообще-то, я бы предпочел отдохнуть, — рука Спенсера опустилась на поясицу Эви, мягко подталкивая ее в сторону ступенек.

— Да, — торопливо согласилась она, страстно желая сбежать от своих родителей. — Я согласна.

Брови Джорджины высоко взметнулись.

— Конечно, — ее тон источал неодобрение.

Наверху лестницы Эви оглянулась через плечо. Дрожь пробежала по ее позвоночнику от явной враждебности во взгляде мачехи.

Каждый момент своей жизни Эви страдала либо от холодного равнодушия мачехи, либо сносила ее злобу. Если бы не она, Эви никогда не отослала бы в Пенвич. Эта идея никогда не пришла бы в голову папе, если бы его жена не вложила ее туда сама.

Наверху Спенсер остановился прямо перед ней.

— Что это было?

Вместо того, чтобы отвечать на вопросы, в ответах на которые она не была уверена, по крайней мере, пока не поговорит с Джорджиной и не выяснит, что за игру та ведет, Эви обвила рукой его шею и притянула к себе для поцелуя. Он сопротивлялся не больше секунды, прежде чем поцеловать ее в ответ, приподняв с пола так, что кончики ее туфель едва его касались, пока он нес жену к кровати.

Спенсер прервал их лихорадочный поцелуй, отодвигаясь от Эви лишь для того, чтобы раздеть ее. Затем его рот снова вернулся на ее, а руки лихорадочно бродили по ее телу.

Вскоре она забыла, что затеяла это как хитрость, чтобы отвлечь его от сложных вопросов.

Эви забыла о чувстве надвигающейся катастрофы, которое нахлынуло на нее в тот момент, когда она увидела свою мачеху, стоящую в ее доме.

Откидываясь назад на кровати, она смотрела на него. Ее дыхание застряло где-то в горле, когда Спенсер поспешно сбрасывал с себя одежду, открывая свое красиво вылепленное тело ее жадному взгляду.

В конце концов, что Джорджина может сделать? Изобличив Эви, она обличит и себя как скверная мать и бабушка. Она была той, кто, в сущности, скрыл беременность своей дочери и затем выдал ее замуж за богатого, ничего не подозревающего старика. Она бы не захотела, чтобы открылась ее роль в этом грязном деле. Престиж и положение в обществе были всем для Джорджины. Мачеха бы не стала рисковать тем немногим, чем владела, чтобы доставить проблемы Эви и ее новому мужу.

Да Эви ей и не дала бы.

Теперь у нее был Спенсер. Она не позволит чему-либо разрушить это.

Эви тихонько оделась, пока Спенсер крепко спал на ее кровати. Исчезающие лучи солнца красиво освещали его прекрасную широкую спину. Мягко ступая, она прокралась из комнаты, намереваясь найти Джорджину и папу и выяснить настоящую цель их приезда.

Идя по верхней галерее, Эви снова была поражена непритязательностью своего дома. Коридор был тусклым и узким.

Ее губы изогнулись в улыбке при мысли о том, как Николас будет топтать по

просторным залам Эштон Грейнджа, исследуя огромные комнаты, полные света и интересных вещей. И, возможно, в скором времени у него появятся приятели по играм, чтобы вместе бегать по залам.

Ее рука легла на живот. Определенно, это было очень даже вероятно, учитывая их недавние занятия. Улыбка Эви исчезла. Это еще одна причина, чтобы рассказать Спенсеру правду. Она до боли зажмурила глаза. Теперь. Сегодня. После того, как поговорит с родителями.

Она больше не может это откладывать.

Спускаясь по потертым ступеням, Эви заметила выглядящую измученной миссис Мэрдок, выходящую из салона, толкая тележку с нагроможденными грязными блюдами. Голос Джорджины раздавался изнутри, выкрикивающий приказы для домоправительницы, чтобы она поспешила вернуться с набором тарелок только самой последней моды.

Эви сжала руку экономки с благодарностью.

— Вы — святая, миссис Мэрдок.

Та покачала своей седеющей головой.

— Да уж, это наверняка. Кто-то другой уже давно задушил бы ее.

— Где тетя Герти?

— Там, где она была все время, с тех пор как они приехали. Прячется в своей комнате.

Эви кивнула.

— Мудрая женщина.

Миссис Мэрдок фыркнула.

— Трусиха, если вы спросите меня.

Губы Эви дернулись, но ее улыбка быстро исчезла, когда она вошла в салон, чтобы встретиться там со своей мачехой, вышагивающей по прямой линии перед окном и язвительным тоном распекающей папа.

— Здравствуйте, — Эви согнула руки по бокам и обняла себя.

Джорджина крутанулась кругом.

Папа, казалось, вздохнул с облегчением, когда внимание было отвлечено от него.

— О, ты соизволила удостоить нас своим присутствием, не так ли? Где твой муж?

— Отдыхает. Я подумала, что будет лучше, если мы поговорим конфиденциально.

— Конечно. Возможно, теперь ты соизволишь объяснить, как ты набралась дерзости выйти замуж за этого... этого... — ее губы скривились. — Я не знаю, что он собой представляет. Но совершенно ясно, что он происходит из бедной семьи, если имеет какое-то родство с негодяем, который так дурно обошелся с Линни...

— Если ты позволишь мне объяснить, просто... на самом деле...

— Он знает? Ты посмела сказать ему, что ты не Линни?

— Еще нет...

Глаза Джорджины вспыхнули.

— Ты поклялась никогда не говорить!

— Я уверена, когда он узнает правду, то не будет осуждать меня. Спенсер не поступит так по отношению к Николасу, не важно насколько сердит будет из-за того, что его обманули.

Джорджина фыркнула, по-видимому, удовлетворенная.

— Возможно. Но почему ты вообще вышла за него замуж?

— Возможность дать Николосу отца предоставилась сама собой. Спасти нас от

бедности, голода, — она пожалала плечами с легкостью, которой не чувствовала под неприятно-сердитым взглядом мачехи. — Я не могла игнорировать возможность дать Николасу будущее. Будущее, которого, в противном случае, у него никогда бы не было.

— И ты придумала это оправдание, чтобы связать себя браком с этим *мистером Локхартом*, родственником того самого негодяя, который изнасиловал мою дочь?

— Прежде всего, Линни не была изнасилована. Вы знаете это. И, во-вторых, Спенсер — не мистер, — отрезала она, больше не в состоянии и секунды терпеть язвительные замечания по поводу Спенсера.

Джорджина застыла.

- Немистер? — как эхо повторила она, побледнев лицом. Она явно прокрутила в голове другие варианты.

Эви вздохнула и опустилась на потертую софу, обитую ситцем.

— Он забыл упомянуть об этом, представляясь. — И позже. — Оба его брата умерли, пока он был в Крыму.

— Так кто он? Рыцарь? Или имеет титул? — Джорджина опустилась напротив нее, сжав руки на коленях так, что побелели костяшки пальцев.

— Виконт.

Глубоко посаженные голубые глаза Джорджины, обычно такие маленькие, выпучились почти до нормального размера.

— Ты вышла замуж за чертового *виконта*?

Папа издал шипящий звук, шумно выдохнув.

— Ей Богу, Эви. Ты — виконтесса. Ты сделала это, девочка. То, на что мы всегда надеялись в нашей семье...

— Для Эванджелины, — отрезала Джорджина, впившись взглядом в папа. — Не Эви. Наши планы всегда касались Линни. Предполагалось, что это будет моя дочь.

Папа повернул голову, глядя в окно, как будто он внезапно нашел что-то невероятно интересное на лужайке.

— Виконтесса? — продолжила Джорджина, трясая головой. — Ты? — ее взгляд обежал Эви, ничуть не скрывая неприязнь в своих маленьких голубых глазках. — О, блестяще... и необычайно справедливо. Линни мертва, а ты выходишь замуж за виконта. Жизнь полна удивительных чудес, не так ли?

Руки Эви сжались на коленях. Глупые слезы жгли ей веки.

— Я пожертвовала своим добрым именем, своей свободой, *жизнью* ради этой семьи. Я спасла всех нас от скандала, который случился бы, если бы неосмотрительность Линни стала известна, — ее щеки горели. — Разве я не могу что-то сделать правильно? — она давно сдалась по поводу идеи добиться любви папы или Джорджины, но еще надеялась на элементарное уважение. Ей даже хватило бы их благодарности.

— О, Эви, — Джорджина оперлась на подлокотник своего кресла и внезапно резко взмахнула рукой. — Ты и впрямь самое эгоистичное создание. Ты хотела сохранить Николаса. Я пыталась остановить тебя. Было бы так просто избавиться от него.

Эви с шумом втянула воздух сквозь зубы.

— Ты и впрямь чудовище, — с этого момента ей было все равно. Больше уже Эви не хотела расположить ее к себе. Ей не нужно было уважение или любовь, или благодарность этой женщины. Ей вообще ничего от нее не надо было. — Ты должна уехать.

Ноздри Джорджины раздулись, на щеках выступили красные пятна.

— О! Ты, маленькое отродье! Все всегда о тебе, не так ли? Ты только что выиграла для себя золотиносную жилу... и теперь думаешь, что можешь выкинуть меня из своей жизни, пока ты будешь пожинать урожай?

Эви уставилась на нее, до глупого потрясенная.

— О, нет, не выйдет, — подолжила Джорджина. — Раз уж ты стала такой богатой, я ожидаю, что ты поселишь нас в более удобное жилище и введешь в круги, в которых вращается твой муж...

— Нет.

Джорджина остановилась.

— Нет?

Эви кивнула.

Если это только возможно, лицо Джорджины стало еще краснее. Затем ее глаза вспыхнули, взгляд сместился куда-то за плечо Эви. Что-то промелькнуло в ее чертах, расчетливое выражение, какого Эви еще никогда у нее не видела. Сев прямее на стуле, она заговорила резким неприятным тоном.

— Я уверена, что ты пересмотришь свое решение, — ее голос повысился в странной театральной манере, когда она сфокусировалась на том месте за плечом Эви. — В конце концов, ты бы не получила такого богатства, если бы не Линни... если бы она не опозорила себя с тем проклятым солдатом. Как его звали? Йен? Если бы твоя сестра не позволила тому глупому мальчишке забраться ей под юбки, тогда ты бы никогда не смогла завлечь этого виконта в брак с тобой.

Эви онемела, она была в ярости.

И тогда она услышала это.

Легкое шарканье ног у порога.

Пальцы на коленях напряглись, сжавшись с такой силой, что вся кровь их покинула, и они оцепенели. Эви вскинула глаза, перехватив взгляд мачехи. Ее желудок свело судорогой при виде холодного триумфа в них. И тогда она поняла.

Джорджина каждое слово произносила намеренно, так, чтобы Спенсер мог слышать.

Эви медленно встала, чувствуя, как громкий рев заполняет ее уши.

Папа, как обычно, сидел молча. Только на этот раз его глаза выпучились, когда он склонился в сторону на своем сиденье, заглядывая за нее, сидящую на софе, на мужчину, которой стоял на пороге.

Эви толчком поднялась на свои дрожащие ноги. С глубоким вздохом быстро повернулась кругом и оказалась лицом к лицу со своим мужем.

На нее уставился незнакомец. Холодно, в ярости.

— Спенсер, — пробормотала она, медленно делая шаг вперед. — Позволь мне...

— Что? — резко бросил он. — Позволить тебе объяснить? Это будет ловкий трюк, не так ли? Но ведь ты полна трюков. Я уже знаю, как ты можешь оказывать влияние, — его взгляд скользнул по ней в оскорбительной манере. — Любым способом.

Она содрогнулась.

— Пожалуйста.

Его руки разъединились и снова сплелись за спиной. Он продолжил так, словно Эви ничего не говорила.

— Но ты, вероятно, сможешь сделать это. Убедить меня, что я не величайший глупец. Ведь ты, в конце концов, такая законченная маленькая актриса. Тебе бы в Воксхолле

выступать.

Она внутренне сжалась от его слов. Это был тот момент, которого она боялась. Только хуже. Ничто в ее воображении не могло подготовить Эви к тому, как он теперь на нее смотрел.

— О, прекратите, — Джорджина выступила вперед и положила руку на плечо Эви. — Не будьте чересчур резким. Мужья и жены всегда имеют друг от друга секреты.

Эви стряхнула с плеча ее ненавистную руку и сделала еще один шаг в направлении Спенсера. И снова произнесла единственное, что могла придумать в такой ужасный момент.

— Пожалуйста.

— Нет, — слово вгрызлось в нее. Он поднял свою широкую ладонь, словно для того, чтобы удержать ее на расстоянии. — Я не хочу слышать тебя. Я даже не хочу *смотреть* на тебя.

— Ну же, ну же. Вы не должны так себя вести, — отчитала его Джорджина. — Она теперь ваша жена. К худу или к добру.

Пальцы Эви сжались в кулак, ногти впились в ладонь от страстного желания выколоть мачехе глаза.

— Джорджина, ты уже достаточно натворила. Помолчи.

— Ну, соврала ты пару раз, — Джорджина махнула рукой. — Ну, несколько раз, — она сосредоточила свой холодно-радостный взгляд на Спенсере. — Вам надо двигаться дальше и принять то, что она ничуть не похожа на мою красавицу Линни. Она с изъясном. Несовершенная, — Джорджина снова сомкнула руки на предплечьях Эви и подтолкнула ее в сторону Спенсера. — Ваша жена.

Эви задержала дыхание и вытерпела разъяренный взгляд Спенсера. Она чувствовала волны ненависти, исходящие от него. Наконец, он отвернулся, не сказав ни слова и оставил ее стоящей в салоне с мачехой, все еще держащей ее за руки.

В тот момент, когда Спенсер выходил за дверь, Эви позвала его по имени.

— Не умоляй, дорогая, это совершенно неприлично.

Эви пожатием плеч высвободилась от ее рук и крутанулась кругом.

— Ты что, не можешь быть счастливой, пока не и причинишь кому-нибудь боль?

Джорджина пожала плечами.

— Ну, узнал он правду. Ты ведь не собиралась врать ему вечно?

Эви прижала руку к сердцу.

- Я собиралась сказать ему. Ему ни к чему было услышать это от тебя. Особенно таким ужасным образом.

— Что ж, спасибо мне, тогда. Я избавила тебя от проблемы.

— Ты и впрямь отвратительная, — она указала на дверь. — И я больше не обязана подчиняться тебе. Пакуй свои вещи и убирайся.

— Ты, конечно же, шутишь...

— Никаких шуток. Я хочу, чтобы ты уехала. Если ты не уйдешь сама, я велю мистеру Мэрдоку вышвырнуть тебя, — она скользнула взглядом на своего вечно молчащего отца. Он мог бы высказаться в ее защиту. — Вас обоих.

Джорджина сидела, разинув рот, ее выражение было почти комическим. При других обстоятельствах Эви могла бы наслаждаться этим зрелищем; вместо этого она подхватила юбки и выбежала из комнаты, полная решимости найти своего мужа и объясниться. Хотел он ее слышать или нет, она объяснит ему свою позицию, заставит понять, убедит его не

ненавидеть ее. Если понадобится, она будет ползать на коленях.
Все что угодно, лишь бы удержать его в своей жизни.

Спенсер шагал, оставляя следы на покрытой снегом земле. У него не было определенной цели, просто хотелось скрыться ото всех. Он не смог бы вынести еще одной минуты в доме Эви. Эви. Он резко рассмеялся, неприятный звук прорезал морозный воздух. Его тошнило от одного ее имени. Желчь подступала к горлу. Сейчас он понял, почему она не хотела, чтобы ее звали Линни. Понял, почему это было так важно для нее.

Она была не Линни.

А он был дураком.

Это была совершенно другая женщина, женщина, о которой он ничего не знал. Вопросы крутились в его голове. Как же она выдержала обман, связанный с рождением Николаса?

Почему она так хотела этого?

Он вихрем пронесся через сад, мимо того места, где получил стрелу в спину. Казалось, все случилось так давно. Он должен был принять это за знак. Он должен был ползти на вершину горы со стрелой в спине, уехать и никогда не вспоминать.

Вместо того чтобы, как безумно влюбленный дурак, остаться.

Спенсер наблюдал за Николасом, одетым с ног до головы своей нянюшкой на берегу пруда. Мальчик взволнованно помахал ему. Спенсер махнул в ответ, не желая срывать свое плохое настроение. Это был сын Йена. По крайней мере, он так считал. Но только это тоже было ложью. Неприятный вкус во рту усилился.

Николас был точной копией Йена. Спенсер все еще не мог собраться с мыслями, которые проносились в его голове. И только одна мысль затмила все остальные.

Она ему солгала.

С самого начала она смотрела на него своими бездонными голубыми глазами и лгала. Она обманывала его все время, пока они были вместе. Когда он влюбился в нее, Спенсер думал, что между ними что-то есть, что-то глубокое, чего он не испытывал ни с кем до нее.

Он должен был придерживаться своего первоначального плана — жениться на ней ради выгоды, долга, наследников. Он должен перестать надеяться. Если бы он ничего не ждал, перестало бы так сильно болеть в груди. Он должен, наконец, понять.

Непрощеный голос Адары проник в его сознание, ее пророчество так и звучало в ушах.

Твоя безупречная невеста разобьет тебе сердце. Я это вижу. Она такая же, как и все остальные. Все ради себя. Она же о тебе по-настоящему не заботится. Почему ты думаешь, она выйдет за тебя? Вы же друг друга совсем не знаете. Ей ничего не надо, кроме твоего титула. Богатство и безопасность. Не мужчина! Она ни о ком не думает, только о себе.

И то, что Адара оказалась права, убивало его.

Он сошел с дорожки, направляясь подальше от пруда, вглубь леса.

В этот момент он хотел одиночества, и возможно увидеть дерево, чтобы выместить на нем свою злость. А позже... позже он вернется в дом, чтобы поговорить со своей женой. Простое слово вызвало у него тошноту. Он согласился с идеей — жениться на любовнице Йена. Он даже допускал то, что будет заботиться о ней и захочет жениться на ней *по-настоящему*. Но это было до того, как он узнал, какая она *на самом деле*. До того, как она предала его.

Она показала свое истинное лицо.

Возможно, он бы и не узнал кто она, но Спенсер действительно хорошо представлял, что она была не той, с кем бы он мог провести свою жизнь.

К несчастью, он был окружен ложью маленькой гадюки, которая то и дело плела интриги.

Он углубился в лес, его ноги громко выстукивали от ярости. Услышав хруст веток, он оглянулся, из-за зарослей ивняка показалась тонкая тень.

— Ты следила за мной, — обвинил он. — Это глупо.

Она судорожно кивнула головой, ее широко открытые глаза пристально следили за ним, пока она подходила, то ли не подозревая, то ли беспечно глядя в лицо опасности. Глупая женщина.

— Тебе не следовало идти за мной, — выдохнул он. — Уходи.

Ее нижняя губа подрагивала, лицо стало серым, и он все сильнее ощущал свою ярость.

— Спенсер, я хотела...

— Нет, я не... настроен находиться в твоём обществе.

Она моргнула и на мгновение рассмотрела его в сгущающихся сумерках. Она выглядела такой серьезной и молодой, морозный ветер окрасил ее щеки. Как ребенок, пойманный на озорстве — просто картина раскаяния. Увиденное всколыхнуло его ярость.

— Глядя на тебя, мне хочется... — он сжал руки в кулаки и проглотил ком в горле. — Просто уходи.

Она взглянула на его лицо, ее синие глаза были широко раскрыты. Такая невинная.

Но он знал, что это всего лишь игра.

Через несколько секунд Эви прошептала.

— Нам надо поговорить, — она судорожно вздохнула, грудь приподнялась. — Ты благородный человек. Я не верю, что ты причинишь мне вред.

— Тогда ты просто глупа. Потому что то, что я чувствую по отношению к тебе в данный момент — совершенно... небезопасно.

Она поджала губы. Все еще глядя на его непоколебимое выражение лица, Эви сделала несколько шагов. Снег скрипел под ее комнатными туфельками.

— Если ты согласишься меня выслушать — ты должен понять. Я любила мою сестру.

— Лии, — он не смог сдержать свою ярость.

Она кивнула.

— Да, моя единокровная сестра. Она была так напугана, когда у нее появился Николас. Я только хотела ей помочь. Хотела остановить своих родителей, чтобы они не бросили его, будто он был каким-то щенком.

Сейчас она была близко. Достаточно близко, чтобы он смог увидеть крохотные золотые крапинки в ее синих глазах. Неужели он никогда этого не замечал? Ее ресницы обрамляли глаза, отбрасывая черные тени.

Он схватил ее за руку и подтащил к себе. Его пальцы впились в ее тонкие руки. Она вздрогнула, но не двинулась с места, не вырываясь, просто продолжала пристально смотреть на него тем осуждающим, серьезным взглядом, будто она была великой мученицей, а он главным инквизитором, несправедливо карающим ее.

— Как ты это делаешь? — прорычал он, отчаяние вскипало глубоко в груди.

— Что?

— Выглядишь такой невинной, хотя таковой не являешься?

Эви медленно закрыла глаза. Когда она снова их открыла, то посмотрела на него сквозь

пелену слез. Он сдержал проклятие.

— Я знаю, я была не права, не сказав тебе. Я собиралась рассказать обо всем. Я уже почти решила...

— Когда? — рывкнул он. — Через десять лет? Пятьдесят? На нашу золотую свадьбу? У тебя была масса возможностей. Даже в карете по дороге сюда. Почему ты не сказала мне тогда? — Он бесконтрольно жестикулировал.

— Или наверху? В твоей спальне?

Она кивнула.

— Да, ты прав. Я могла тебе сказать. В любое время, — она покачала головой. Медовая прядь волос свесилась на ее бледную щеку. — Я так этого боялась.

Его грудь сдавило, Воздух просто застыл в легких.

— Ты знала Йена? Когда-нибудь с ним встречалась?

Она заколебалась перед ответом.

— Нет.

С проклятием он отскочил от нее.

— Я думал, что женился на Линни.

— Она умерла, Спенсер, — Эви подошла к нему и потянула за руку, чтобы развернуть к себе лицом, — пар срывался с ее губ, как клубы дыма. — Тебе нужно было думать о ком-то во время войны, но у тебя никого не было. Никого не интересовало, выжил ты или нет, — ее слова поражали цель так эффективно, как хорошо нацеленная стрела.

— Ты не понимаешь, что говоришь.

— Ты влюбился в воображаемую Линни, — обвинила она его, упрямо качая головой. — И ты будешь любить ту мечту, а не настоящую меня.

Он глубоко вздохнул, чувствуя себя так, будто с него живьем сдирали кожу, будто ее слова обнажали его, оставляя таким чувствительным, истекающим перед ней кровью, с холодным поцелуем зимы.

— Ты права, по крайней мере, в одном, — огрызнулся Спенсер. — Я тебя не люблю.

Влажность подозрительно мерцала в ее глазах, но она начала моргать, и моргала, пока не исчезли слезы.

— Только потому, что ты себе не позволяешь.

— Нет. Просто потому, что *нелюблю*. В это так тяжело поверить? Что ты мне неприятна?

Она неистово покачала головой.

— И кто сейчас лжет?

Он глухо рассмеялся.

— Я женился на тебе, потому что думал, что ты Линни. Потому что думал, что исправляю ошибку моего кузена.

— Ты женился на ней, потому что *она* принадлежала Йену, — выдохнула она с яростью, — и господь помог ей, как бы жестоко это не прозвучало. Она с *ним*. Какая досада! А я нет... — она часто задышала, — но я могу быть твоей.

У него ушло некоторое время на то, чтобы собраться с мыслями, чтобы пробраться сквозь бурю эмоций. И он нашел одну, которая все еще причиняла острую боль. Предательство.

— Ты не... Хотя...

Она вздрогнула, освободила руку из его руки.

— Так вот в чем дело.

— Я тебя совсем не знаю.

Она кивнула.

— Почему бы тебе не рассказать, что действительно тебя во всем этом беспокоит.

Спенсер поднял голову, закусив губы.

— А может, ты расскажешь?

— Ты влюбился в Линни. Во все рассказы Йена о ней. В ее образ. Ты возвел ее на пьедестал, а сейчас ты злишься, обнаружив, что я не она. Что смерть твоего кузена не предоставила тебе после всего такую возможность.

Он схватил ее обеими руками, притянул к себе, нос к носу.

— Ты слишком далеко заходишь.

Эви вздрогнула и глубоко, судорожно вздохнула, грудь ее вздымалась, словно выталкивая из себя слова, сидевшие так глубоко.

— Ты практически сказал то же самое себе.

— Думаю, твоя ложь *волнует* меня очень сильно, — выдавил он. — Все, что произносят твои губы — неправда.

— Все, что я чувствую к тебе — правда. Настоящее. Что мы имеем...

— Что мы имеем... — фыркнул он, убрав от нее руки. Он провел рукой по волосам и со свистом вздохнул. Пристально взглянул на темнеющее небо сквозь нависавшие над ними ветви деревьев. Через мгновение он посмотрел на нее, в ее синие глаза, на ее сочные губы. Желудок свело.

— Я не знал, что у нас что-то есть.

— Есть, — она облизала губы.

Спенсер взглянул на кончик языка, скользнувший по губам, почувствовав знакомое напряжение. Возможно, она все еще возбуждала его.

— Что-то у нас есть, — настойчиво сказала она. — Что-то особое. Не позволяй этому разрушить все.

— Не позволю. Ты уже сделала это, — с молчаливым проклятием он придвинулся к ней и прислонил ее спиной к дереву. — Скажи мне... с каких это пор мы стали откровенны друг с другом...

Она качнула головой, взгляд ее широких, безумных глаз изучал его лицо, порхая по нему, словно бабочка у огня.

— Та ночь в подвале, — он запнулся, и стиснул зубы так сильно, что это доставило боль. Навязчивая мысль вертелась в его голове с тех пор, как он подслушал ее мачеху в гостиной. Одна из многих мыслей витающих в его голове.

— Ты была девственницей?

Ее губки приоткрылись, когда она попыталась вздохнуть. Эви опустила свой взгляд, и он понял. Ей даже не нужно было что-либо говорить.

— Да, — ответила она.

Это привело его в восхищение, возбудило осознанием того, что он был первым. И вряд ли она лгала, ложное чувство позволило ему использовать Эви как более опытную женщину, привыкшую к вторжению мужчин.

— И это была одна причина, по которой меня заперли в подвале — тактический ход. И темнота была способом отвлечь меня, чтобы я не понял, что ты девственница.

Она втянула воздух.

— Ты знаешь, я не хотела принимать в этом участия. Я сама ни за что бы не захотела оказаться там. Я целый день провела там, это ужасно.

— Да. Подходящий страх.

Боль отразилась на ее лице.

— Ты не веришь ничему, что я говорю, — неприкрытая обида промелькнула в ее голосе. — Ты не позволишь мне сделать все правильно, да?

— Сделать правильно? — он усмехнулся, ненавидя ужасное чувство, разрастающееся в нем и невозможность его подавить. — Ты хочешь сделать это правильно?

Она медленно кивнула. В ее глазах светилась неуверенность и страх. Так и должно было быть.

Его взгляд опустился, оценивая ее стройную фигуру, дрожащую, облокотившуюся на дерево.

— И что ты сделаешь, чтобы все было правильно? Ты уже показала, насколько далеко ты можешь зайти, чтобы скрыть свою ложь, — его кровь забурлила, пока он вспоминал то время, проведенное в подвале. Спенсер провел своим пальцем по ее верхней губе и ощутил прилив удовлетворения, когда тело затрепетало от его прикосновения.

— Ты удерживала меня этими прелестными губками для того, чтобы отвлечь, не так ли? Свести меня с ума, чтобы я даже не заметил, что лишил тебя невинности. Было больно?

Румянец окрасил ее бледные щеки.

— Ммм. Думаю, было, — он скользнул пальцем ей в рот и дотронулся кончика языка. — Да, и правда. Ты далеко зашла, — прошептал он. — И что ты будешь делать для возмещения ущерба?

Она ничего не ответила, только смотрела на него широко раскрытыми, с оскорбленным выражением глазами. Он обнаружил, что просто ненавидит это выражение ее глаз. Он предпочитал видеть ее безрассудной и испуганной.

Ее язык начал двигаться вокруг его пальца, ее влажные губы тянули и посасывали.

— Ты будешь умолять? — спросил он охрипшим голосом.

Она отпустила его палец. Ее голубые глаза сверкали, и зубы сжались, превращая ее в гордую, упрямую девушку, в которой он отчетливо видел Эви.

— Это то, что я должна делать?

Он наклонил голову, все еще оценивая ее. Спенсер приник к ее телу, наслаждаясь каждой его линией и изгибом, о котором он мечтал последние несколько дней. Это было выше его сил.

— Умолять необязательно. Я предпочитаю действия словам.

Она изогнула бровь.

Отступив от нее, он скрестил руки и скомандовал равнодушным голосом.

— Сними одежду.

Она побледнела в тени деревьев. Дико озираясь, посмотрела вокруг.

— Здесь? Сейчас холодно. Сюда могут придти...

— Я полагал, ты хочешь все исправить, — в его голосе прозвучал вызов. Его совесть зашевелилась, это слишком жестко, даже жестоко. Но он не мог остановиться. Он был предан. А надеялся, что уж Эви заслуживает доверия. Такая любимая. Такая честная.

Он до боли в зубах сжал челюсти. Возможно, понятие чести вообще не присуще женщинам. Господь знает, как мало он видел доказательств обратного среди представительниц прекрасного пола.

— Так докажи.

Одно бесконечное мгновение она не двигалась. Холодный ветер, качающий ветки деревьев, трепал выбившуюся прядь на ее щеке. В полумраке прядь казалась почти черной на бледной коже.

А потом она потянулась к груди. Распустила завязки плаща. В тишине он упал на замерзшую землю. Тяжело дыша, он смотрел, как она скользит пальцами по каждой из маленьких пуговиц. И вот она повела плечами, и платье, освободившись, упало на выдохе к ее ногам. В сумерках ее плечи казались вылитыми из мрамора, и он сглотнул.

Она распускала шнурок нижней юбки, пока и та не упала, освобожденная. За ней последовала остальная одежда: корсет, панталоны, подвязки, чулки. И вот она стоит, обнаженная, перед ним. Ее дерзкий и гордый взгляд встретился с его.

— Я надеюсь, ты меня согреешь? — и с вызовом приподняла бровь.

В сгущающихся сумерках он заметил, как она покраснела. Руки, прижатые к бокам, дрожали, и саму ее трясло от холода.

Проклиная все, он шагнул вперед. Даже в полном бешенстве он не хотел, чтобы она дрожала от холода. Он прекратит ее страдания, если сможет. Его гнев повернулся против него самого.

Он подтолкнул ее. Сняв жакет, завернул ее в него. А потом защитил от порывов ветра собственным телом, снова прижав к дереву.

Эви промолчала, не сопротивляясь, когда он сжал ее плечи и посмотрел на нее.

Она не отрываясь смотрела ему прямо в лицо, когда Спенсер опустил руки, скользнул под жакет и сжал ее талию. Провел ладонями по ребрам и охватил грудь.

Девушка резко выдохнула. Он с силой сжал холмики, лаская большими пальцами напряженные соски. Холод ушел, по телу разлился чистый огонь.

Ее дыхание участилось, и движения его ускорились, пока он не потянул резко за набухшие вершинки. Мужчина удовлетворенно зарычал, наблюдая за изменением выражения ее лица. Веки полуопущены. И она смотрела на него сквозь эти полузакрытые глаза, очевидно и великолепно возбужденная.

Он освободил ее грудь, чувствуя ее бедра перед собой, наслаждаясь ощущением ее наготы. Беззащитной и открытой. Готовой для него.

Он выплескивал ласки на нее жестко и яростно. Так, что она выгнула шею и оперлась головой о ствол дерева. И стонала. Вся его ярость растворилась в чистейшем желании иметь ее, укрощать и обладать ей... наказывать собственным телом. Заставить хотеть себя.

Коленями он развел ее бедра.

Быстро провел ладонью между ними и обнаружил, что она готова, уже влажная для него.

Ее крик резанул его слух, несдержанные стоны сливались и растворялись в кронах деревьев. Она сжала пальцами его руки, погружаясь пальцами в его мускулы через жакет, притягивая ближе.

Зарычав, Спенсер схватил ее руки, снова отводя их к стволу дерева.

— Не трогай.

Девушка заморгав, кивнула.

Он потянулся к своим брюкам, не отрывая от нее взгляда, ненавидя себя за эту потребность в ней, за желание, которое ядом распространялось в нем.

Закинув одну ее ногу себе на бедро, он вошел в нее одним жестким движением.

И услышал, как девушка захлебнулась криком.

Сжав ее ягодицы обеими руками, подтянул ее выше. Так, чтобы она была открыта каждому его толчку.

Она опустила голову, ища его губы.

Он увернулся от ее губ, не готовый разрешить ей это удовольствие. Или разрешить самому себе.

Он погружался в нее все сильнее, наслаждаясь жаркой теснотой ее тела. Распластал ее по дереву, стремился к собственному освобождению, получал свою порцию удовольствия и удовлетворенно закричал, когда получил его сполна.

Его сдавленный крик вырвался, затихая в ночи, как только он окончательно растворился в ее тепле.

Спенсер привалился к ней, еще сильнее вдавливая ее в ствол дерева. Ветер хрустел листьями, и он снова почувствовал холод, осознавая, как дрожит под ним женщина.

Осознавая, что он только что натворил.

С каждой секундой его поступки казались все более низкими, а сам он чувствовал себя негодяем. Он никогда не обращался так грубо с женщиной. Не заботясь о ее удобствах. Но он никогда и не ощущал настолько жестокой потребности. И он выплеснул ее. На нее. Что заставляло его чувствовать еще больше отвращения к самому себе.

Предательство Эви все еще снесало его. Это было еще хуже, чем предательство его отца. Хуже, чем ложь Адары и то, что она выбрала Каллена. Эта боль была глубже.

Потому что он любит Эви. Несмотря ни на что.

Он выругался сквозь зубы. Хотя бы мгновение он может не скрываться.

Он поднял руку, и провел, почти касаясь, по ее лицу, по волосам, которые, он знал, ощущались словно шелк под его ладонью. Она смотрела на него решительно, страстно и упорно глазами чистейшего голубого цвета.

Встряхнув головой, он опустил руку.

Отошел, разрывая их связь.

Она осела у дерева, охватив его и вцепившись в ствол, будто могла упасть, если расцепит руки.

Большинство ее шпилек потерялись, и волосы окутывали ее как облако сияющей бронзы. Она напоминала ему лесную нимфу, нагую и дикую, настолько естественно вписывавшуюся в свое окружение, как сам воздух.

Он с трудом отвел взгляд, не позволяя этой видимости обмануть его. Она достаточно его обманывала. И он больше этого не позволит.

Спенсер смотрел на кроны деревьев, слепо уставившись, как они накладывали ветви друг на друга, не пропуская света, только мрак и тени.

— Я ухожу, — объявил он, приводя в порядок одежду.

— Уходишь? — она нагнула и подняла свою одежду, прижимая ее к себе. — Обрато в дом...

— Нет. Обрато в Эштон Грейндж.

— А как же... — бесцветным голосом. На лице промелькнули тысячи чувств. Она смотрела на него, припав к земле.

— У нас с тобой не может быть ничего общего, — он пожал плечами.

— Кроме брака, — ответила она, оживляясь.

— К сожалению. Но ничего страшного. Тысячи пар живут раздельно. Мы ведь так и собирались поступить, — скривился он.

— Но я этого не хочу. Уже нет, — и голос ее был полон чувств. Он не мог ошибиться. Но решил не обращать на это внимания.

— Наше первоначальное соглашение все еще в силе. Я прослежу, чтобы ты была обеспечена.

— А как же Николас? О нем ты забыл?

— Естественно нет. У него будет все необходимое.

— Кроме отца, — она отошла от дерева. В глазах полыхало голубое пламя.

Возможно, потому что это так много значило для нее, и потому что он хотел, чтобы она страдала так же, как и он, он решил ударить ее по самому болезненному месту.

— Его отец умер. Признай это. И так же как ты не можешь быть Линни, я не могу быть Йеном.

— Ублюдок, — выдохнула она.

Сейчас он был удовлетворен неприязненным блеском ее глаз. Потому что один взгляд ее нежных мягких глаз — и он простит ее, простит ее предательство и поверит в обещание, читающееся в ее взгляде. Поверит в любовь.

— Пока мальчик останется с тобой.

— Пока?

— Он еще ребенок. Младенец. И он верит, что ты его мать...

— Я его мать!

— Но, в конце концов, ему нужно мужское влияние.

— Ты не забереешь его у меня, — прошипела она, яростно натягивая одежду. Голубые глаза сверкали. — Никогда.

— Думаешь, можешь бороться со мной? И победить? Ты не в том положении, чтобы выдвигать требования, — он наклонил голову набок.

— Ты отвратителен, — она выскользнула из его жакета и с силой бросила им в него. — Как я могла позволить себе чувствовать к тебе что-либо?

— В самом деле. Я задаюсь тем же вопросом, — развернувшись, он пошел прочь, пробираясь между деревьями. Не оборачиваясь. Не смотря назад.

Было проще уйти вот так. Просто сбежать.

На несколько мгновений Эви застыла, дрожа в промозглой ночи, но не от холода. По спине поднималась холодная ярость, пока она смотрела на его удаляющуюся спину.

Как только могла она вообразить, что может влюбиться в этого бессердечного человека? Он воспользовался ее самой большой слабостью, основной причиной, по которой

она согласилась выйти за него, и набросился на нее со всей яростью хищника.

Не был ли Спенсер Локхарт и в самом деле хищником?

Он одной только мысли, что она потеряет Николаса, у нее встал ком в горле, и она сглотнула. Если такова реакция Спенсера, то она была права, что боялась все ему рассказать с самого начала.

Дрожащими руками она закончила одеваться. В глазах стояли слезы. Она все еще ощущала тупую пульсацию между бедер, она чувствовала его, и это было унижительно. Жар затопил ее щеки. Наивысшая слабость — предложить себя ему, позволить соблазнить, а потом позволить ему уйти, сказав эти жестокие слова.

Разве ее предательство заслуживает такого наказания? Девушка покачала головой, сжав пальцами виски, пронзенные внезапной болью. Она так не думала, но поклялась не приближаться к нему, чтобы он не смог снова сделать ей больно.

Одевшись, Эви брела между деревьев, размышляя, как не позволить ему забрать Николаса. Безумием было позволить ему сломить ее защиту, так быстро позволить ему все. Она ускорила шаг. Она обошла озеро, стремясь поскорее увидеть своего сына.

Тупая боль разлилась по груди. Должно быть, Эми уже увела Николаса внутрь на ужин. Они, наверное, гадают, почему она все еще к ним не присоединилась. Конечно, она хотела присоединиться, ее не было так долго. Оставалось только надеяться, что они не заметят ее боли.

Коттедж был уже рядом. Беленые стены и коричневая соломенная крыша внезапно показались такими дорогими и родными.

Эви глубоко вздохнула. Урок усвоен. Она вернется к жизни, которую вела до того, как Спенсер ворвался в ее мир. Да. Она снова вернется к той жизни. И притворится, что она всегда только этого и хотела.

Она притворится, что этого достаточно.

Спенсер пригубил из своей чашки и посмотрел на миссис Брукс, приподняв бровь. Холодный кофе. Снова.

Она изогнула бровь в ответ, с привычным вызовом, побуждая его выразить недовольство. Но он хорошо понимал что к чему. Сердито поджав губы, он сделал еще один глоток.

— Что-то не так, милорд? — откровенно дерзя, поинтересовалась она.

— Немного... — он осторожно подбирал слова, осознавая, что прислуга устала от его постоянного недовольства за последние две недели и была на грани бунта. Его ожидает гораздо худшая, по сравнению с холодным кофе, участь, если он не будет следить за своими словами.

Вернувшись домой, Спенсер чувствовал себя раненым львом. В самом начале он пытался убедить себя, что это всего лишь подавляемая ярость. Бешенство от предательства Эви. От того, что его оставили в дураках. Но спустя несколько дней он понял, что это было нечто большее. Нечто более серьезное.

Ему не хватало Эви.

Чем бы и кем бы она ни была, она проникла в его жизнь. За очень короткое время он привык к ней. Он тосковал по ней, она была нужна ему как воздух. В этом не было никакой логики. Иначе он смог бы просто избавиться от зараженной части себя, которая все еще нуждалась в ней даже после ее предательства, и жить дальше.

— Немного что? — с вызовом спросила миссис Брукс.

— Тепловат, — ответил он, подобрав подходящее слово, чтобы не слишком ее расстроить. Особенно учитывая, как сильно ему не хватало ее лепешек. Он не удостоился ни одного из своих любимых блюд с тех пор, как вернулся без жены.

— Да ну? — с наигранной невинностью поинтересовалась она. Будто не знала, что каждое утро подавала ему холодный кофе. И отвратительную пищу на завтрак, обед и ужин. Не то, чтобы он не понимал, почему она так делала.

Во всяком случае, не после того, как миссис Брукс объявила, что он идиот, раз оставил Эви в Литл-Биллингс. Спенсер не ответил. Снес ее дерзость. Что ему еще оставалось? Поведать всему миру об обмане Эви, чтобы каждый понял, почему он ее бросил?

Миссис Брукс с сопением покинула комнату, оставив его наедине со своими мыслями. Сидя за столом, он повернулся в своем кресле и уставился на цветущие за окном сады. За все эти недели боль в груди не стала меньше. Предательство Эви все еще обжигало. Комом стояло в горле знание того, что первая женщина, к которой его сердце было... ну, равнодушно... не доверяла ему до такой степени, что врала ему о самой себе.

Миссис Брукс вернулась, прокашлялась.

— У вас посетитель.

— Кто?

Она задрала нос и уничижительно посмотрела на него.

— Ваш тесть, мистер Косгроув, — она произнесла это имя с надеждой, что отец Эви явился побранить его. Маловероятно. Он достаточно знал ее отца. Беспрепятственного человека, живущего в тени своей величественной жены. Вероятно, явился за деньгами, прознав, что Эви вышла за виконта. Новая родственная связь с туго набитыми карманами представляла

собой исключительную возможность.

— Проводите его.

Мгновение спустя слабовольный отец Эви уже стоял перед ним со шляпой в руках.

Еще немного погодя, Спенсер поднялся, чтобы поприветствовать его, несмотря на то, что был определенно не в настроении принимать посетителей, в особенности, родню Эви. В частности этого дурака. Что за человек позволит своей дочери пожертвовать своим добрым именем и участвовать в обмане? Даже ради другой дочери.

— Буду краток, — начал Генри Косгроув, шагнув вперед.

Спенсер обогнул стол, не желая предлагать ему рукопожатие, но думая, что он должен это сделать. Он проделал уже половину пути, когда его тесть уронил свою шляпу, отвел руку и ударил Спенсера в лицо.

Спенсер пошатнулся от неожиданного удара, но стол позади него не дал ему упасть. Прижав ладонь к глазу, он посмотрел на своего тестя.

— Это еще за что, к дьяволу?

— Предполагается, что отец должен защищать свою дочь, — Косгроув вытянулся, весь красный, его трясло от ярости. — Должен признать, я не слишком-то заботился о ней все эти годы, но надеюсь, никогда не поздно начать.

— Ваша дочь не нуждается в защите, — насмешливо произнес Спенсер. — Она с успехом защищается сама.

Косгроув решительно кивнул.

— Да, ну, выбор у нее был небольшой. Она должна была делать то, что делала.

— Всегда есть выбор.

— Вы так непогрешимы? Ради Бога, вы участвовали в атаке легкой кавалерийской бригады. Одно только это должно вызывать вину, по крайней мере, за совершенную глупость. В сущности, ваш полк совершил самоубийство.

Спенсер сжал кулаки.

— Осторожно, иначе будете собирать свои зубы, ползая по полу. Вы не имеете ни малейшего представления о той истории. Без сомнения. То, что вы сотворили с вашей дочерью, говорит об отсутствии у вас чести, — процедил он сквозь крепко сжатые зубы.

Косгроув побледнел.

— Я признаю, что совершил ошибки в отношении моей семьи. Позвольте мне высказать все, что я хочу сказать, и я уйду, — он перевел дыхание. — Вы не должны винить Эви.

— Нет? С какой стати? Потому что она была честна и откровенна со мной? Потому что заставила меня думать, что она другая?

Косгроув пожал плечами и вскинул руку.

— Вас и весь свет. Не нужно принимать это за личное оскорбление.

— Я ее муж. Думаю, этот факт делает все, происходящее между нами, должным образом личным.

— Она сделала это ради Линни. Ради ребенка, — он вздрогнул. — Она пожертвовала своим будущим, чтобы избавить нас от стыда. Было неправильно позволить ей, но Линни — моя дочь.

— Эви тоже ваша дочь.

Пожилой мужчина продолжал, будто этого напоминания вообще не было.

— Эви тогда только вернулась в Барбадоса, и была немного... не в себе от этого опыта. С тех пор, как она перестала писать, ее выбор был невелик.

— И вы бросили Эви на съедение волкам и позволили ей занять место Линни?

И впервые Спенсер подумал, как ему вообще могла нравиться Линни. Та, которая боялась отвечать за собственные поступки, женщина, которая передала собственного ребенка сестре и оставила ту разбираться со всем этим.

— Она сама этого хотела.

Спенсер покачал головой, представляя Эви.

— Зачем?

И в этот момент он понял, что должен был позволить Эви ответить на этот вопрос. Он должен был выслушать ее в тот день в Харборе, когда она пыталась объяснить. Вместо этого, все, на что его хватило — это сделать ей больно и убежать.

— Потому что она любила свою сестру. И Николаса она полюбила с первого взгляда, — какое-то время Генри Косгроув неотрывно смотрел Спенсеру в лицо. — Она просто такой человек. Добрая, хорошая. Прекрасная душой, — он грустно рассмеялся. — Знаете, она мне поперек никогда слова не сказала, хотя, Господь знает, как я этого заслуживал. Может быть, этот визит исправит хотя бы некоторые мои ошибки.

— Вы ничего не исправите, — с тяжелым сердцем прорычал Спенсер. Он должен цепляться за свой гнев, он не может смягчиться.

Косгроув пошел к двери.

— Вы будите идиотом, если позволите ей уйти. Эви была бы вам верной женой. С ее широкой душой она умеет любить. Сколько можно повторять? Вы совершали гораздо худшие поступки, — он глубоко вздохнул. — Можете мне поверить, — надев шляпу, он вышел за порог. — Я сам найду выход.

Сжав пальцами край стола, Спенсер изучал пустой проем двери, за которым исчез Косгроув. Прошло несколько долгих мгновений. Подбитый Косгроувом глаз пульсировал, затуманивая зрение. Несмотря на царящую в комнате тишину, кровь стучала в ушах, мысли проносились в голове, обгоняя друг друга.

Его пальцы сжали хрустальное пресс-папье и он взвесил его тяжесть в своей ладони. Подбросил раз. Другой. Третий.

В глазах стоял образ Эви. Он воскресил в памяти последний момент их встречи, после того как он жестоко взял ее прямо у дерева. Ее неподвижный взгляд.

Он это сделал. Убил все, что она к нему чувствовала.

Не осознавая, что творит, он запустил хрустальное пресс-папье через всю комнату во французское окно.

Звук разбитого стекла, прервавший ненавистную тишину, на мгновение успокоил его. Но это мгновение прошло, и он снова погрузился в тишину.

В одиночество. Один среди потрясенных, стремительных мыслей.

— Эви. Я думаю, тебе надо это видеть.

Звук беспокойного голоса миссис Мэрдок тревожно прогремел в мыслях Эви. Она отложила перо, не обращая внимания на жирную кляксу, расплывающуюся на пергаменте.

— Что-то с Николасом?

— Нет, нет, пойдем, — домоправительница схватила ее за руку, торопясь вытащить ее из гостиной.

С облечением узнав, что ее сын не переломал себе конечности, Эви встала из-за стола, где только что писала письмо Фэллон. Письмо Маргарит лежало в стороне, уже написанное

и готовое к отправке.

Она до последнего откладывала составление этих писем, слишком тяжело было на сердце, чтобы взять перо и все объяснить. Было не так уж просто описать детали ее скоропалительного замужества и последующего разрыва. Она обнаружила, что подобные новости ужасающе смотрелись изложенными на бумаге. Почти так же ужасно, как они ощущались на сердце.

Слишком долго она собирала себя по кусочкам, чтобы написать послание. Вздохнув, Эви потеряла испачканные в чернилах пальцы, прежде чем выйти из комнаты.

Она немного успела рассказать, прежде чем уехать со Спенсером в Эштон Грейндж, ее подруги знали о замужестве, но лишь догадывались о подробностях. С самого Пенвича они знали все друг о друге. И годы этого не изменили. Эви нужно было им рассказать. Не смотря на то, что они собственными глазами убедятся, что ее муж бросил ее.

По ее телу прошла дрожь, когда она подумала, что стала в точности такой, какой ее описывала очень популярная, чопорная леди Фэллон. Женщиной, которая никогда не бывает даже в одном и том же доме со своим супругом. Они годами могут не разговаривать и не видеть друг друга.

Эви глубоко вздохнула, спускаясь по лестнице. Она вышла замуж за человека, которому отвратителен один ее вид. Который считает ее худшей из женщин. Она резко выдохнула носом. Она долго пыталась себя убедить, что все, что не делается, все к лучшему, но окружающая действительность была слишком жестока. Она поклялась, что вернется к своей прошлой жизни, но слишком быстро стало ясно, что она уже не хочет жить как прежде. Она хочет жить по-новому. Со Спенсером, мужчиной, в которого она была влюблена. От одного взгляда на которого у нее подкашивались ноги. Который с поцелуями и нежным бормотанием разделял с ней ночи.

Куда это все подевалось? И больше никогда не вернется?

Фэллон претерпела тысячи неудач в своей жизни, прежде чем найти любовь. Несмотря на внушающие опасения начало их отношений, они с Домиником были счастливы в браке. До смешного счастливы. И хотя Эви не ожидала подобной радости от самой себя, те несколько дней в Эштон Грейндж ей казалось, что она обрела нечто особенное в объятиях Спенсера, будто у них будет совместное счастливое, наполненное привязанностью будущее.

Счастливые крики Николаса были слышны издали. Хотя бы Николас выгадал от их брака. По крайней мере, пока.

Еще раз вздохнув, она пригладила ладонью юбку, решив больше не оплакивать мужчину, сердцем которого никогда не владела. Это было неразумно. А она всегда гордилась своей разумностью.

Оказавшись в маленькой прихожей, она заметила миссис Мэрдок у парадной двери.

Эви подошла поближе, поравнявшись с домоправительницей.

— Миссис Мэдок, что...

Мистер Мэдок и несколько лакеев поднимались по лестнице, таща на себе обширный багаж. Между ними стояли Фэллон и Маргарит в окружении пары карет, украшенных фамильным гербом семьи герцога Дамона. Дочка Фэллон кружилась по двору, преследуемая растревоженной няней.

— Джиллиан, — приказала Фэллон, — остановись немедленно, или можешь забыть об обещанном угощении.

Проказливо усмехнувшись, девочка остановилась и, исполненная долга, потрусилась в

сторону матери. Ее длинные волосы, стянутые бархатной ленточкой в хвостики по бокам головы, иссиня-черным отливали на солнце. Красивая девочка, поразительно похожая на отца.

Вздыхнув, Фэллон отвернулась от дочери и повернулась лицом к дому.

— Эви!

Таша за собой дочь, она поспешила вперед своей уверенной походкой, утонченная и прекрасная в малиновом дорожном платье. Многим рыжеволосым не пошел бы такой наряд, но она была в нем великолепна.

Маргарит спокойно шла позади, такая маленькая и милая в своем коричневом шерстяном платье. Наряд делал ее похожей на неприметную маленькую мышку, просто идеальная сиделка для болезненной лондонской дамы. Но ничто, однако, не могло скрыть ее необыкновенную красоту. Ее кошачьи глаза золотились драгоценным топазом, создавая поразительный контраст с черными как смоль волосами.

Маргарит и Фэллон. Они здесь. И Эви снова почувствовала себя в Пенвиче... грустной и загнанной в ловушку, мечтающей о другой жизни. Ком встал у нее в горле.

Она встретила их на полпути. Их лица, такие радостные при встрече, что-то надломил у нее внутри. Возможно, потому что она знала, что может ничего от них не скрывать. Или потому, что до этого момента не подозревала, как ей было больно.

Фэллон обняла ее, сжимая крепко и сильно, успокаивая. Будто она могла защититься Эви от любой боли.

И Эви разрыдалась.

— О, милая! Что он с тобой сделал?

Маргарит мягко поглаживала спину Эви.

— Что случилось, Эви?

Эви приподняла лицо с плеча Фэллон, чтобы увидеть своих подруг. И произнесла слова, которые разбили ей сердце, и оно умирало в агонии, как бы сильно она не притворялась, что это не так.

— Он недостаточно меня любил.

В ту ночь они уложили Эви в постель, как маленького ребенка, нуждавшегося в заботе. Потом они со сверкавшими глазами сгрудились у ее кровати, опустили на колени, подоткнув под себя свои одежды. Это напомнило Эви о вечерах в Пенвиче. Вернуло ее к тем поздним ночам, когда одна из них переживала ужасный день в руках мастера Броклхерста, который издевался над учениками, а две другие становились у ее кровати и шептали ободряющие слова и глупые истории. Да все, что угодно, лишь бы отвлечь. Иногда они таким образом засыпали — втроем опускались на детскую кровать, которая едва могла выдержать одного, держась за руки.

— Так, стой спокойно, — Маргарит старалась перерезать лоскут льняной ткани в мокрых волосах Эви, чтобы утром у нее были локоны. Эви даже не утруждалась напомнить им, что ее волосы не могли держать локоны.

— Ты знаешь, — Фэллон поднялась с кровати и опустилась в кресло. — Ты можешь ошибаться. Возможно, ему просто нужно время, чтобы привыкнуть к тому факту, что ты не Линни.

Эви встряхнула головой, за что заработала ворчание Маргарит.

— Стой спокойно.

— Ты не видела его лица. И не слышала, как он со мной говорил.

— Я была на твоём месте, Эви, — прошептала Фэллон. — Иногда мужчины так медленно соображают.

— Мужчины, — фыркнула Маргарит. — Кому нужна испорченная жизнь? Все они мне кажутся немного бесполезными, — она метнула взгляд на Фэллон. — Без обид. Твой исключение, Фэллон.

Фэллон ухмыльнулась, ее янтарные глаза отражали блики света.

— Не все бесполезные, — она откинулась, отряхивая халат. — Некоторые вполне ничего, по меньшей мере, в некоторых вещах.

Бледные щеки Маргарит покраснели.

— Распутница — обвинила она безо всякого пыла. — Ты бесстыдница.

Эви не смогла сдержать смешок.

Фэллон выпрямила спину, потрясая пальцем в воздухе.

— Я напомню тебе об этом разговоре после того, как ты встретишь мужчину, который веревки будет из тебя вить.

Маргарит отрицательно покачала головой, а затем повернулась к Эви.

— Честно говоря, если бы твой муж обладал хоть толикой здравого смысла, он бы увидел, что нашел для себя нечто большее, чем воображаемая женщина, — заметила Маргарит. — Просто посмотри на все жертвы, которые ты принесла во имя любви. Он не найдет более преданной жены.

— Спенсер этого не поймет, — Эви теребила кромку халата. — Я думаю, что не могу его на самом деле винить. У меня была уйма возможностей открыть ему правду, только я...

— Что? — спросила Маргарит.

Эви вздохнула.

— Я была убеждена, что он любит Линни. Глупо. Я знаю. И эгоистично. Я не смогла вечно скрывать правду, — Эви покачала головой. — Я была слишком влюблена думая, что

он любит меня... даже несмотря на то, что не меня он любил.

— Это его упущение, — проронила Маргарит, ее глаза сверкали, как топазы.

— Он выглядит идиотом, — Фэллон вставила замечание со своей обычной прямоотой.

Ее щеки покраснели еще сильнее.

Она скрестила руки на груди.

— Мне следовало заплатить ему за визит.

— Все мужчины не могут быть такими же идеальными, как твой муж, — нагло вставила Маргарит, перерезая другую ленту в волосах Эви.

— Это правда, — Фэллон кивнула головой, прежде чем ее янтарные глаза стали серьезными. — Но Доминик не был таким с самого начала. Были моменты, когда он вел себя как законченный болван, — она наклонила голову, рассматривая Эви. — Возможно, твой Спенсер тоже будет таким же.

Эви покачала головой.

— Не думаю... и он на самом деле говорил такие ужасные вещи.

— И ты никогда ему это не простишь? — предположила Маргарит.

— Я могу простить, — ответила Эви несмотря на то, что боль в ее груди непрерывно жгла огнем. — Я просто никогда не смогу забыть.

И в этом была вся суть дела. Даже если Спенсер смягчится по отношению к ней, они никогда не смогут вернуть ту нежность, которая была ранее. Не после того дня в лесу. Ни после того, что между ними произошло.

Он никогда снова не посмотрит на нее так.

— Но что, если он простил тебя? И попросит тебя простить его? — уколола Маргарит. — Разве это не будет правильно?

— Просить? Да он должен умолять, — вставила Фэллон.

— Я не знаю, — Эви покачала головой. — Не думаю, что такое случится.

Потому что она всегда будет помнить ту боль. Она запомнила выражение его глаз, когда Спенсер отвернулся от нее, страх, который он поселил в ее сердце, когда объявил, что заберет ее сына.

Слезы жгли глаза, и она яростно заморгала. Она не могла этим рисковать. Не могла терпеть это снова. Если это и есть любовь, она ничего не хочет с этим делать.

Не из-за чего беспокоиться.

Он никогда к ней не вернется.

Она научится жить как раньше. Без него.

Спенсер очнулся в холодном поту, его обнаженная грудь вздымалась и опадала при каждом вздохе. Крик рвался из горла и душил его. Запустив обе руки в волосы, он потянул за концы, будто хотел вырвать их с корнем. Через мгновение ему удалось успокоить дыхание.

Откинув покрывало, он поднялся с кровати. Это был не первый кошмар о войне, который он терпел. Ему много раз снилась кровь и смерть. Во время войны. После нее.

Немного позже Эви вошла в его жизнь. Почему-то она давала ему что-то еще, на что он мог отвлечься. Проклинаая все, он мерил спальню широкими шагами.

Ночной кошмар начался так же, как и многие другие. Едкий дым. Тяжелый, удушающий. Там был Йен. Он произносил свои последние слова, требуя от Спенсера обещание.

Были там и другие. Лица одних Спенсер знал, помнил. Других нет. Неизвестные

солдаты, чьи глаза застыли от потрясения. Даже среди нескончаемых смертей никто не ожидал, что он будет следующим. Они всегда выглядели шокированными, жестоко удивленными.

А затем лицо Йена исчезало в дыму.

В каждом сне Спенсер полз по упавшим, пробирался через смерть, зовя Йена, ища его, рыская по разрытому полю. Раньше, в прошлом, он всегда находил Йена на вершине холма, среди диких цветов, достигавшим колен Спенсера. Похороненный в сочной траве и ярких цветах, он выглядел таким тихим, таким спокойным. Будто он не умер, а просто заснул.

Конечно, Йен никогда не просыпался, как бы громко Спенсер ни звал его по имени, как бы сильно его ни тряс.

— Боже! — он откинул драпировку и вышел в ночь, его сердце бешено колотилось, рука тряслась, держась за стену.

Но в этот раз сон был другой.

Он изменился.

То был не Йен, ожидающий его на холме среди диких цветов.

Человек, которого он нашел, был мертв и не откликался на его крики, тело безжизненное, недоступное, бесчувственное ко всем мольбам, и это была Эви. Его жена.

Судорожный вздох сорвался с губ. Он не знал, что это значило, но не мог перестать дрожать от воспоминаний.

Вид ее узкого лица, такого спокойного и очаровательного, белого как сливки, бесчувственного к его прикосновениям глубокой болью пронзал сердце. Ее золотистые волосы окружали ее волнистыми потоками меда.

И в это мгновенье он проснулся, сдерживая крик.

Лужайка сверкала перед ним, снег мерцал, будто усыпанный бриллиантами. Он оглянулся через плечо на свою огромную кровать: покрывало смято, матрас скомкан. И вакуум, пустота там, где Эви.

Он сказал себе, что с ней все в порядке. Она жива и здорова далеко в Харборе.

Но она также может быть и мертва, несмотря на то, что Спенсер прогонял ее из своей жизни, изгонял из своего сердца, освобождал от своего присутствия.

Слова ее отца вновь и вновь звучали в его голове. Целыми днями. Спенсер провел рукой по холодному стеклу сводчатого окна, надавил посильнее, будто мог проникнуть сквозь стекло. Будто правда ждала его с той стороны. Ответ — иногда лекарство для чувств, иногда яд, убивающий их. Раскаяние.

Он поборол все это. Противился своим чувствам.

Как бы ему хотелось все вернуть. Так хотелось вернуться на несколько недель назад, когда он в первый раз вошел в гостиную и случайно подслушал мачеху Эви, которая так опрометчиво выставила напоказ грязную правду.

Как бы ему хотелось по другому отреагировать на ее предательство, возможно, получше рассмотреть, понять ее причины. Если бы он мог, то взял бы обратно свои слова и поступки.

Спенсер позволил вылиться гневу — воскрешению чувств, от которых он страдал много лет, будучи свидетелем обмана отца, наблюдая, как Адара и Каллен весело объявили о своей помолвке, хотя она пообещала сбежать с ним. Хорошо знакомое чувство, что он не стоил того, чтобы ему сказали правду, что он заслуживал лишь ложь и предательство, нахлынули на него, ядовитый огонь в его крови сжег все внутри.

Линни умерла. Единственная женщина, в которой он соединил все немислимые мечты.

Но Эви жива. Его жена. Он сглотнул ком в горле. И внезапно он понял.
Ему никто другой, кроме нее, больше не нужен.

День окрасил яркий, золотистый рассвет, согревая поздний зимний воздух. Снег начал медленно таять. День выдался прекрасным для того, чтобы провести его на свежем воздухе. Мистер Мэрдок подмел небольшой причал возле озера и застелил очищенное место одеялами.

Эви испытывала ровно столько счастья, сколько могло позволить скованное и почти онемевшее от страдания сердце. Подруги старались изо всех сил развеселить ее, отвлекая внимание своими разговорами и проделками, восхваляя сэндвичи с огурцами миссис Мэрдок, лежащие перед ними. Все в этом мире, кто был ей дорог, окружили ее. И она старалась отрешиться от мыслей о Спенсере, отказываясь включить его в круг дорогих себе людей. Она не должна думать о нем. Вскоре он перестанет иметь для нее хоть какое-нибудь значение. Вскоре она совсем не будет думать о нем.

Только она должна постоянно твердить себе об этом, чтобы поверить.

У нее в жизни есть все. Многое... И этого достаточно. Есть люди, которые любили ее: Николас, Мэрдоки, Эми, Фэллон, Маргарит. Даже тетя Герти, рассудительная и всегда настроенная доброжелательно, покинула стены своей комнаты с отъездом Джорджианны. Николас и Джиллиан гонялись друг за дружкой по лужайке, Эми старалась не отстать, предостерегая их от падения на влажную и грязную траву.

День был чудесным.

Мистер Мэрдок установил мишень для леди. Учитывая то, что произошло в последний раз, когда тетя Герти брала в руки лук и стрелы, ее не допустили до стрельбы. Маргарит была в паре с Фэллон.

В этот момент подошла миссис Мэрдок с еще одним подносом, нагруженным едой.

— Придется переделывать мои платья, — проговорила Фэллон, похлопав себя по животу.

— Ничего с ним не случилось, — ответила с усмешкой румянощекая экономка. — Хотя один раз в году или около того, я сама делаю подобное. Только мистер Мэрдок жалуется, что я недостаточно расширяю швы, не даю ему пространства для маневра.

— Ваш мистер Мэрдок просто душка, — улыбаясь, Фэллон потянулась за еще одним сэндвичем. — Признаюсь, Доминик говорит то же самое. — Женщины обменялись понимающими взглядами, ясными только женщинам, безгранично любящим своих мужей и разделяющим с ними эту любовь. Это заставило Эви почувствовать себя одинокой. Опустив взор, девушка стала играть с подолом своего платья.

— Что он здесь делает? — от резкого голоса миссис Мэрдок Эви вскинула голову. — О, какая дерзость!

Эви проследила за пристальным взглядом экономки через лужайку.

Спенсер широкими, уверенными шагами направлялся прямо к ней. Мистер Мэрдок надулся, его лицо покраснело от гнева.

Эви медленно поднялась на ватных ногах, сердце подскочило к горлу при виде него. Даже с такого расстояния девушка видела, как на красивом лице ярко горят его зеленые глаза, более насыщенного цвета, чем она помнила. Ветер играл его волосами при каждом шаге. Он выглядел измученным и серьезным. Губы были плотно сжаты, без единого намека

на улыбку. И все же сердце девушки забилося сильнее, пока он быстрыми шагами спускался вниз по склону, где они когда-то устраивали пикник.

Фэллон подскочила на ноги и загородила девушку своей высокой фигурой.

— Это Спенсер, я предполагаю? Эви, я разберусь с ним.

— Фэллон, в этом нет необходимости...

— Тебе здесь нечего делать, — заявила Фэллон, пока он приближался.

Спенсер моргнул, глядя на подругу Эви, настоящую амазонку. Мэрдоки присоединились к Фэллон, встав по обе стороны от нее, живой стеной загородив Эви. Сама Эви выглядывала из-за плеча Фэллон, стук ее сердца громко отдавался в ушах.

Фэллон махнула рукой, давая ему понять, чтобы он шел в том направлении, откуда появился.

— Ты не можешь разбить ей сердце, а затем вернуться так, словно ничего не произошло.

Он жестко посмотрел на Эви, которая все еще выглядывала из-за плеча Фэллон. Его зеленые глаза горели полной решимостью.

— Я разбил тебе сердце?

Глубокий звук его голоса, вопрос, который он задал, вызвал дрожь во всем ее теле. Фэллон и Мэрдоки посмотрели на Эви, ожидая ее ответа.

Напряжение наполнило воздух. Девушка перевела взгляд на Спенсера, испытывая волнение от его тяжелого взгляда.

— Эви? — настаивал он, подталкивая ее к ответу.

Девушка облизала губы.

— Возвращайся домой, Спенсер.

Он ничего не ответил. Только стоял и продолжал смотреть на нее.

— Перестань смотреть на меня так, — недовольно потребовала она.

— Как так?

— Так, как будто то, что я чувствую... то, что я говорю... неожиданно стало тебя волновать, — выдохнула она.

— Это действительно имеет для меня значение, — признался он.

Фэллон фыркнула.

Эви скрестила руки на груди и отвела свой взгляд, не в состоянии видеть искреннее выражение на его лице.

— Я должен знать, — потребовал он таким отчаявшимся голосом, который заставил ее задрожать. — Ты любила меня?

Вопрос застал ее врасплох. Какое ему дело до этого? Девушка покачала головой, не в состоянии ответить.

— Ты любишь меня, Эви? — повторил Спенсер, выделив каждое слово.

— Очень хорошо, что ты задаешь этот вопрос сейчас, — с негодованием заговорила Маргарит с того места, где стояла рядом с тетей Герти.

— Лучше было бы спросить, что ты сам испытываешь к ней, — в свою очередь произнесла Фэллон.

Густая краска залила щеки Эви.

— Я могу сама ответить на вопрос. Вам обоим нет необходимости защищать меня.

— Что вы здесь делаете? — на этот раз заговорила тетя Герти с требовательными нотками в голосе, выступив вперед так, чтобы встать рядом с Маргарит. — Вам здесь не

рады.

Эми и дети тоже подошли к растущей толпе. Сердитые и возмущенные голоса становились все громче, заговаривая от ее имени и тем самым наказывая Спенсера так же эффективно, как если бы они действовали кнутом.

У Эви закружилась голова. Ей вдруг отчаянно захотелось убежать отсюда. Исчезнуть и спастись от ситуации, которая вышла из-под ее контроля.

Спенсер внимательно изучил стоявшую перед собой небольшую армию, прежде чем перевести взгляд своих зеленых глаз на девушку.

— Эви.

Она не слышала его голоса из-за гула толпы, но прочитала свое имя на его губах, и ее сердце екнуло. Потухший взгляд его зеленых глаз блуждал по ее лицу.

— Пожалуйста, мне надо поговорить с тобой, — сказал он.

Девушка покачала головой и сделала шаг назад, не желая, не позволяя себе растаять от одного лишь его взгляда. Он погубил ее, когда покинул. Она ведь начинала верить в то, что спасется, выживет, потеряв его. Она не могла рисковать, позволяя ему снова вернуться.

— Тебе лучше уйти, Спенсер, — вымолвила она.

Он твердо посмотрел на нее и покачал головой.

— Не этого ты хочешь, Эви, — заговорил он, заглушая все остальные голоса своим. — Ты хочешь, чтобы я остался.

Девушка закрыла глаза, спрятав свою боль.

«Да, я хочу! Я хочу этого!»

— Вы слышали ее, — проворчала тетушка Герти, махнув тоненькой, как тростинка, рукой. — Она хочет, чтобы вы ушли. А теперь прочь отсюда.

Он все еще смотрел на Эви. Он заявил, сжав челюсти:

— Я не уйду до тех пор, пока не скажу то, ради чего пришел сюда.

— Вы здесь не хозяин, — заметил мистер Мэрдок, подталкивая его к дому. Спенсер изо всех сил пытался протолкнуться мимо него. Его лицо напряглось от сознания того, что он может уйти ни с чем.

Что-то внутри Эви сжалось при виде этой картины.

Через несколько ярдов ему удалось вырваться из хватки Мэрдока.

А потом все стало происходить с молниеносной быстротой, прогрессируя от плохого к худшему.

— Прочь отсюда, или я стреляю! — пригрозила тетя Герти, выхватив лук из рук Маргарит и шагнув вперед.

— Герти, нет! — воскликнула Эви, пытаясь вырваться из толпы. — Не смей!

— Давайте, — подстегнул Спенсер, глядя своими сверкающими глазами на Эви. — Это будет не в первый раз.

Маргарит подлетела к тете Герти именно в тот момент, когда та выпустила стрелу.

Беспомощная, с колотящимся, словно птица, попавшая в клетку, сердцем, Эви смотрела, как стрела рассекла воздух и очертила дугу по направлению к Спенсеру.

Стрела ударила его, задела руку, а затем пересекла лужайку и медленно упала на землю.

Зарычав от взрыва боли в руке, Спенсер зажал рану другой рукой. Кровь выступила на его правом рукаве. Он убрал руку и посмотрел на свои липкие темно-красные пальцы. И вдруг понял, что на удивление расслаблен.

— Вы на самом деле выстрелили в меня, — он поднял голову и с изумлением посмотрел

на тетю Эви. — Снова, — повторил он.

— Я не попала в цель, — раздраженно проговорила тетя Герти.

— А куда вы хотели попасть? — спросил он.

Герти вздернула подбородок.

— В сердце, конечно.

— Довольно! — Эви наконец вырвалась из кольца толпы. Ее голос странным образом звучал приглушенно, словно она еле сдерживала слезы. И слезы действительно покатались по лицу, когда она подошла к нему.

Нахмурившись, она с большой осторожностью коснулась руки Спенсера, пробормотав:

— Не могу поверить в то, что она снова стреляла в тебя.

Он пожирал ее взглядом, отмечая то, как она внимательно всматривается через разорванный рукав в его рану. У девушки перехватило дыхание, когда он утер слезинку с ее щеки.

— Я бы вынес атаку стрелы и в третий раз, если бы знал, что это поможет мне сохранить тебя.

— Не будь глупым, — проговорила она, сделав глубокий вдох.

Несмотря на ее слова, он увидел, что она дрожит, и, вопреки здравому смыслу, надежда вспыхнула в его сердце.

— Мне очень жаль, Эви, прости меня. Я был упрямым ослом.

Дрожащими пальцами она указала на его руку.

— Нам надо войти в дом и позаботиться о твоей ране.

— Прости меня, — повторил он, опустив голову так, чтобы заглянуть ей в глаза. Его голос прозвучал глубоко с нотками отчаяния. Он склонился к ней и коснулся своим лбом ее. Подняв руку, он обвил ее шею и притянул ближе к себе.

И едва она посмотрела на него, как ее дыхание участилось, о чем свидетельствовала быстро поднимающаяся и опадающая грудь.

— Не надо. Когда ты так смотришь на меня, мне трудно дышать.

— Прости меня, — снова повторил он, радуясь, что может говорить это снова и снова. И до тех пор, пока она не поверит ему и не простит его, он будет произносить эти слова.

— Почему? — спросила она, едва дыша. — За что ты просишь прощение?

— Мне следовало выслушать тебя. Я должен был понять.

— Но именно я лгала тебе. Как и все остальные в твоей жизни...

— И я был упрямым глупцом.

Ее губы дрогнули в слабой улыбке. Эви посмотрела на его кровоточащую руку.

— Что ж, мужчина, который согласен быть пронзенным стрелой в третий раз, действительно может считаться глупцом.

Он не улыбнулся, только посмотрел на нее своим тяжелым, пронзительным взглядом.

— Я не хочу жить без тебя.

Ее глаза встретились с его, и свет в голубых очах загорелся неистовым огнем. Спенсер сделал глубокий вдох.

— Я люблю тебя, Эви. Я люблю тебя, Эвелина Локхарт. Я никогда никого не любил до тебя. И никогда никого не полюблю после тебя.

Девушка поняла, что задыхается, и слегка покачала головой.

— Ты...

— Я сказал, что люблю тебя. Ничто больше не имеет значения.

Всхлипнув и улыбнувшись, Эви счастливо кивнула так, словно не могла подобрать слов.

А в следующую секунду он уже целовал ее, сжав ее в своих объятиях, безразличный и к своей ране, и к их многочисленным зрителям.

Весьма смутно, опьяненный вкусом ее губ, Спенсер услышал, как подруга Эви Маргарит пробормотала:

— Полагаю, это означает, что с этого момента он должен нам нравиться.

— О, Маргарит, — засмеялась рыжеволосая амазонка.

— Может, мне еще раз стрельнуть в него? — воскликнула тетя Герти.

— Мисс Герти, даже не думайте... отдайте мне эту вещь немедленно!

Эви улыбнулась. Спенсеру не надо было смотреть, чтобы понять, что у тети отбирают лук и стрелу. По крайней мере, он на это надеялся.

— Кажется, мне есть, о чем поговорить с твоими подругами.

— Они полюбят тебя.

— Несомненно, — он ущипнул ее за верхнюю полную губку. — Как ты можешь быть так уверена в этом?

Она накрыла ладонью его щеку.

— Очень просто. Потому что я так делаю.

Он сделал шаг назад, вглядываясь в ее голубые глаза.

— Скажи это.

— Я люблю тебя, Спенсер. Люблю тебя, — она снова поцеловала его, но тут же отступила от него, когда ее друзья и семья разразились громкими аплодисментами. — Возможно, нам следует удалиться в дом, где я смогу привести тебя в порядок.

— И где мы сможем побыть одни.

— Совершенно верно, — дерзко улыбнулась она.

Несколько часов спустя, Эви наконец смогла остаться одна со своим мужем. Девушка вздохнула с облегчением, потому что они оба жаждали этого уединения.

Спальня гудела от нарушившего тишину шума и гама. Каждый считал своим долгом заглянуть в их комнату по очереди, друг за другом, и убедиться в том, что Спенсер был устроен с комфортом и ему хорошо обработали рану. Последним визитером был Николас, которого на руках забрала Эми, чтобы уложить спать. Он прижимался к Спенсеру, довольный уверениями, что тот не покинет его в ближайшем будущем, и что, вероятно, он скоро поправится и сможет взять мальчика на рыбалку.

У Эви сладко защемило сердце, когда она вспомнила, как Спенсер глубоким голосом попросил Николаса назвать его папой. Никогда прежде она не видела картины более приятной, чем озарившееся радостью лицо своего сына. В своем сердце она почувствовала ту же радость. Она даже не думала, что когда-нибудь с ней произойдет нечто подобное.

— Наконец-то одни, — пробормотал Спенсер.

— Надеюсь, ты не имеешь ничего против всего этого. Уединение трудно заполучить, особенно когда рядом Николас.

— Теперь он мой сын. И я хочу, чтобы он был рядом.

У Эви сжалось сердце. Этого было достаточно. Достаточно того, что он полюбил ее сына. Неужели она с такой жадной надеялась, что он любит и ее? По-настоящему любит ее? У озера он утверждал именно это, и она все еще цеплялась за эту реальность.

Приподняв подол своего пеньюара до колен, она взобралась на постель и устроилась рядом с ним. Прижав губы к его торсу, девушка испытала восторг от того, как дрожит его

тело под ее губами.

— Здесь больно?

Когда он застонал, Эви приподнялась и посмотрела именно туда, где он так восхитительно раскинулся на ее кровати. Ворот его халата был широко распахнут, а простыня едва укрывала его до талии.

— Везде, — выдохнул он. — Везде больно.

Девушка улыбнулась, уткнувшись подбородком в его грудь.

— В таком случае, полагаю, я должна поцеловать тебя везде.

Он запустил руку в ее волосы, его зеленые глаза посуровели от желания, которое она помнила... почувствовала отклик этого желания, которое плавило ее кости.

— Полагаю, ты должна это сделать.

— А ты не устанешь от подобного лечения? — осведомилась она между долгими и протяжными поцелуями.

— Устану от этого? Устану от поцелуев жены, которую люблю? Обожаю? — его зеленые глаза потемнели. — Никогда.

Его слова заставили ее затрепетать, а сердце вздрогнуть. Эви слегка подалась назад, присев на колени, и нависла над его растянувшимся восхитительным телом.

— Почему, Спенсер? — покачала она головой, почувствовав, как волосы заструились по плечам. — Я лгала тебе...

— Только потому, что ты была поймана в сложной паутине лжи, которую сама же соткала, лишь бы спасти Линни, свою семью... Николаса. Это была большая жертва, Эви. Благородный поступок. Теперь я это понимаю, — он сглотнул, удивляясь тому, как сдавило горло, а глаза подозрительно заблестели. — Ты одна из самых сильных женщин, которых я когда-либо знал. И я самый везучий мужчина, потому что мне в жены досталась именно такая женщина.

— Ох, — выдохнула она, опустив дрожащую руку на его грудь прямо напротив сердца.

— Мои слова успокоили тебя? — усмехнулся он.

Она начала кивать головой, но затем остановилась. Прикусив губу, она посмотрела в сторону. Существовала еще одна вещь...

— Эви? — подтолкнул он ее к ответу. — Если у тебя на уме есть еще что-то, говори. Я не хочу, чтобы что-нибудь стояло между нами.

— Линни, — она произнесла имя сестры очень тихо, словно боялась упомянуть ее. — Я не она, ты это знаешь. Не та, о ком ты мечтал на протяжении всей войны. Не та...

Он приподнялся на локтях, вздрогнув от своих движений, потому что рана в руке дала о себе знать, однако не упал назад на подушки.

Ее рука немедленно оказалась на его повязке, однако на белизне ткани выступили красные пятна.

— Спенсер! Ложись сейчас же...

— Нам надо кое-что прояснить, — он взял ее лицо в свои ладони, поглаживая большим пальцем нежную щеку, а взглядом удерживая ее сверкающие глаза. — Ты намного больше того, о чем я мечтал. Больше, чем я заслуживаю. Вот почему я вернулся. Почему не мог держаться вдали от тебя. Мне следует провести всю нашу оставшуюся жизнь, любя тебя так неистово, чтобы ты не дышала ни единой секунды без сознания того, что ты любима, обожаема, и я ценю тебя намного больше, чем все, что есть в моей жизни.

Измученная до глубины души, она пристально посмотрела на него.

А в следующую секунду они уже целовались, безразличные к его ране, ко всему, за исключением друг друга.

Она знала, что он говорит правду, чувствовала правду в его словах, которая проникла глубоко в ее душу.

Она знала его. Он был ее сердцем. А она — его.

— Спенсер, — прошептала она, закрыв глаза и погрузившись в сладкую, успокаивающую темноту... где ее ожидали только чудеса.

Больше книг на сайте — Knigolub.net

notes

[1] Атака легкой бригады (The Charge of the Light Brigade) — катастрофическая по последствиям атака британской кавалерии под командованием лорда Кардигана на позиции русской армии во время балаклавского сражения 25 октября 1854 года, во время Крымской войны. Она вошла в историю так же благодаря поэме Альфреда Теннисона «Атака легкой бригады».

[2] Пастернак — двулетнее овощное растение семейства зонтичных, утолщенный корень которого употребляется как пряность.

[3] Турнепс — растение семейства крестоцветных, корнеплоды которого идут на корм скоту; кормовая репа.

[4] Main floor — название первого этажа в жилом доме.

[5] 5 футов — 1,52 метра/

[6] Лотарио — повеса, волокита, ловелас (по имени литературного персонажа; Лотарио — герой пьесы Николаса Роу (1674–1718) "Прекрасная грешница" (Fair Penitent, 1703)).

[7] Пастушья запеканка — блюдо из картофеля и бараньего фарша.

[8] Парламентская реформа 1832 г. утвердила определенное социальное положение женщины. Впервые в английской истории в законодательном акте появился термин «male person», использование которого позволило парламентариям лишить женщину возможности участия в выборах, мотивируя это тем, что граждане, чьи интересы являются частью интересов других граждан (male persons), должны быть лишены политических прав. В категории таких граждан оказались дети, а также женщины, чьи убеждения всегда должны были соответствовать убеждениям их отцов или мужей. Последнее означало абсолютную зависимость женщины не только юридически и экономически, но и политически. Женщина была во всех смыслах созданием зависимым, в особенности замужняя женщина, чье имущество, доходы, свобода и сознание едва ли не целиком принадлежали мужу. По закону, права замужней женщины были такими же, как и у ее детей. Закон рассматривал семейную пару как одного человека. Муж нес ответственность за свою жену, и должен был по закону ее защищать; жена должна была повиноваться ему. Собственность, которая принадлежала ей в девичестве, теперь переходила в распоряжение мужа, даже в случае развода. Доход жены также полностью принадлежал мужу, так же, как и право на опеку детей в случае чего отходило отцу. Он был в праве запретить любые контакты между матерью и детьми. Жена не могла заключать контракт от своего лица, ей требовалось согласие мужа. Однако были и плюсы. Например, жену не могли наказать за такие правонарушения, как воровство, так как

считалось, что она действует по науськиванию мужа. Невозможно было обвинить женщину и в том, что она обокрала своего мужа, так как перед законом они были одним лицом.

[9]“Вольтеровское кресло”- широкое, глубокое кресло, высокая спинка которого сверху имеет характерные выступы. Подобный тип сидений для пожилых людей появился в конце XVII века, в годы царствования Людовика XI. Однако в самой Европе такое кресло именовалось по-иному: то “крылатым”, то “дедушкиным” (grandfather chair) Кресло имеет очень высокую и широкую спинку, выступающую своими мягкими кожаными крыльями немного вперед. В XVIII веке такое сидение хорошо спасало от сквозняков, и благотворно влияло на склоняемость головы ко сну, поэтому-то и было излюбленным местом престарелых глав семейств. Чтобы легче представить себя дедушкины ощущения, можно испытать его современную модификацию — сидения в салоне автобуса. Название «вольтеровское» характерно только для... России. Да, происхождение этого названия связано с именем Франсуа-Мари-Аруэ де Вольтера — выдающегося французского философа и писателя. А формы самого кресла хорошо видны на портретах второй половины XIX века.

[10]Палисандровое дерево (палисандр) — красиво окрашенная древесина некоторых южноамериканских видов деревьев рода жакаранда семейства бигнониевых. Высоко ценится как прекрасный материал для изготовления дорогой мебели и различных предметов роскоши; в дорогих отделках его употребляют совместно с металлом, что увеличивает естественную красоту дерева; главным образом, идет для оклейки корпуса роялей и пианино, изготавливаемых из мелкослойной сосны. Древесина очень твердая, плотная, мелковолоконистая и пористая; цвет ее составной, и в зависимости от преобладания того или другого цвета получаются различные оттенки; в большинстве случаев преобладает темный коричневый цвет с фиолетовым отливом, рядом же находятся более светлые и более темные жилки. Полируется трудно, но полировка значительно увеличивает красоту дерева; если полировка производится не тщательно, то палисандр со временем темнеет или даже совершенно чернеет. Потертое суконкой палисандровое дерево издает очень приятный запах, похожий на запах пармских фиалок; в продаже иногда называют его фиалковым деревом, жакандрой или якарандой.

[11]В викторианской Англии были широко распространены сексуально-этические ограничения, развилась двойная мораль. Установка — благовоспитанные дамы не шевелятся — предлагала "женщинам из общества" отдаваться пассивно, обездвиженно, без эмоций, вплоть до сокрытия оргастического переживания и уж без каких бы то ни было чувственных порывов. Это было связано с толкованием христианской морали, нормы которой, как известно, осуждают любые сексуальные проявления, не связанные с продолжением рода. По викторианскому идеалу джентльмен в определенном возрасте влюбляется, делает предложение руки и сердца, идет под венец, а уж потом во имя продолжения рода время от времени совершает половой акт со своей супругой, сохраняющей полную невозмутимость. Проституция между тем запрещена не была, она была допустимым явлением. Пусть таких женщин за людей не считали, однако на мужчину, пользующегося услугами проститутки, смотрели совершенно спокойно, это было общепринято. Если же муж заподозрил свою жену в чем-то аморальном, он в полном праве был выгнать жену из дома, и это была наиболее частая причина разводов. Оказываясь на улице, у женщины часто не было другого вывода, кроме как торговать собой. Таким образом, женщина не могла заниматься сексом с кем-либо, кроме своего мужа, на мужчин же это запрещение не распространялось. Считалось совершенно естественным, если он захочет другую женщину, это даже не являлось должной

причиной для развода. Женщины же так вести себя не могли. Самым главным и ценным для них была их репутация, и ее было так легко потерять, стоило лишь распространиться слухам о том, что она падшая женщина.

[12] По поводу того, что такое Святой Грааль, существуют три основные версии. По одной из них, Грааль — некий камень, по другой — драгоценная реликвия (золотое изображение Ноева ковчега?), но более всего распространено мнение, что это чаша, из которой причащался Иисус Христос на Тайной вечере и в которую приверженцы собрали несколько капель крови распятого на кресте Спасителя. Этот кубок и копье, который были нанесены раны Христу, сохранил и привез в Британию, согласно легенде, Иосиф Аримафейский. Исследователей всегда интересовало происхождение легенды о Граале. Считают, что в её основе лежит христианский апокриф о прибытии в Британию Иосифа Аримафейского. По другой версии, у этой легенды местные корни, уходящие в мифологию древних кельтов. Третьи считают, что сказание о Граале связано с тайным оккультным обществом, основанным в незапамятные времена и обладающим сокровенным знанием, которое передается из поколения в поколение. Языческие корни легенды о Граале указывают на ее происхождение от очень древнего индоевропейского мифа о магической посуде — символе жизни и возрождения. Впоследствии эта легенда наполнилась новым смыслом, приобретя христианскую окраску.

[13] Пастуший пирог, несмотря на свое название, конечно, никакой не пирог, а самая настоящая запеканка. Рецепт этого старинного английского блюда практически не изменился за несколько веков. В некоторых областях Англии вместо фарша кладут тонко нарезанное филе баранины и добавляют корень сельдерея или пастернака.

[14] Кроме того, так называют вина бордоского типа, которые производятся в других странах (например, австралийский кларет, немецкий кларет и др.).

[15] Херес (исп. Jerez, фр. Xérès, англ. Sherry) — крепкое вино, производимое в Испании, в треугольнике между городами Херес-де-ла-Фронтера, Сан-Лукар-де-Баррамедра и Эль-Пуэрто-де-Санта-Мария, расположенном в южном автономном сообществе — Андалусии. Содержание спирта до 20 %, сахара около 3 %.

Отличительной чертой в производстве хереса является ферментация виноградного сусла под плёнкой особого вида хересных дрожжей (так называемый флёр). У некоторых видов хереса эта плёнка сохраняется на поверхности неполных бочек весь период созревания вина, препятствуя его окислению. Все виды хереса отличаются прекрасным вкусом и тонким ароматом.

[16] Таймс (англ. The Times) — ежедневная газета в Великобритании, одна из самых известных мировых газет. Выходит в печать с 1785 года. «Таймс» была основана Джоном Уолтером (англ. John Walter) в 1785 году и называлась тогда The Daily Universal Register (англ. Ежедневный перечень новостей), редактором стал сам же Джон Уолтер. 1 января 1788, после появления 940 выпусков, название сменилось на The Times. Во время событий, описывающихся в книге, редактором был Джон Уолтер III.